

Лариса Петровичева

Факультет по связям с опасностью

Глава 1

Общий сбор

Когда ранним августовским утром, уже по-осеннему холодным и прозрачным, словно стеклышко, Люда вышла из маршрутки на конечной остановке, волоча за собой чемодан на колесиках и покачиваясь под тяжестью сумки, переброшенной на плечо, то человек, сидевший на скамейке, вольготно вытянув ноги, вскинул руку с сигаретой и помахал:

- Эй, сюда! - позвал он. Люда поморщилась: она не любила панибратства. На первый взгляд незнакомец производил весьма удручающее впечатление. Если бы не дорогая кожаная сумка с ноутбуком на скамейке и брендовый полосатый чемодан у ног, то Люда приняла бы позвавшего ее человека за нищего - потертые джинсы, выдавшие виды кеды, растянутый свитер делали своего хозяина похожим на бродягу.

Лицо, впрочем, было вполне интеллигентным и располагающим.

- Здравствуйте, - сказала Люда. Спокойного холода в ее голосе было достаточно, чтобы любая фамильярность исчезла в неизвестном направлении. Вот и незнакомец, сперва улыбавшийся ей, как старой знакомой, повел плечами и как-то подобрался, что ли. Взгляд карих глаз стал пристальным и оценивающим.

- Вы в Дербенево, - утвердительно произнес он, выбросил окурок и протянул Люде руку. - Смирнов. Пастырь второго курса тамошних анархистов. Рад познакомиться.

Сухую твердую кисть пришлось пожать - Люда не любила чужих прикосновений, но отказаться от рукопожатия было неприличным, а уж портить отношения с коллегами вот так сразу она не собиралась. Все-таки жить у черта на куличках лучше в компании друзей или как минимум хороших знакомых, а не тех, кто только и думает о том, как бы тебе поизощреннее подгадить.

- Людмила Романова, - представилась она и, сев на скамейку, осведомилась: - Пастырь - это в каком смысле?

- Курирую второкурсников, - объяснил Смирнов. - И биологию преподаю. Такие, прости Господи, оторвы - глаз да глаз. А вы та самая словесница, верно?

Люда кивнула. Предложение вести русский и английский языки в закрытом колледже в Дербенево поступило ей буквально два дня назад. Несмотря на флер мрачной таинственности вокруг поселка и колледжа, она согласилась практически сразу - зарплату обещали такую, что Люда поехала бы не только в поселок, имевший дурную славу места, где серийный убийца Мовсесян за десять лет зарезал восемнадцать женщин, но и к черту на рога. Работодатель обеспечивал жильем, питанием, страховкой и соцпакетом - глупо отказываться от такой лакомой вакансии да в кризис, тем более, если родители постоянно болеют, и им надо помочь. Сушеная воблообразная девица в отделе образования забрала у Люды трудовую книжку и выписку из банка и сказала, когда в Дербенево идет автобус, доставляющий преподавателей на работу.

- Не боитесь? - спросил Смирнов. Люда пожала плечами.

- А чего бояться?

Смирнов вопросительно изогнул левую бровь. Похоже, он действительно был удивлен.

- Дербенево. Колледжа. Тех, кто там.

Из-за поворота показался автобус - древний красный «Икарус». Люда не могла вспомнить, когда в последний раз видела на дороге таких ископаемых. Пыхтя и громыхая внутренностями, он подъехал к остановке; Смирнов поздоровался с

флегматичным усатым водителем, помог Люде поднять вещи в пустой салон и, когда они заняли свои места, а автобус содрогнулся и двинулся вперед, спросил:

- То есть вам не рассказали в деталях, куда именно вы едете?

Люда попробовала улыбнуться. За грязным стеклом проносилась лесопосадка – автобус выехал из города, и Люда невольно вспомнила, как давным-давно, в детстве, ездила к бабушке в деревню на таком же «Икарусе». В зеленых прядках берез уже искрились редкие желтые листья, автобус периодически обгоняли автомобили, и сонное, уже совсем осеннее солнце поднималось над деревьями.

- В Дербенево, - сказала Люда. Смирнов стал ее утомлять – не навязчивостью, он вовсе не был навязчив, а какой-то неопределенностью всей ситуации. Пустой автобус, готовый развалиться на ближайшей колдобине от малейшего толчка, странный человек, от одежды которого веет сухим травяным запахом... - В частный колледж. Преподавать русский.

- Не частный, - поправил Смирнов. Задумчиво провел пальцем по потертому золотому ободку обручального кольца на левой руке. - Закрытый. Для *особых* детей.

Он настолько выразительно подчеркнул это «особый», что Люде стало ясно: речь идет не о каких-то физических недугах, а о чем-то похлеще. В животе появился неприятный холодок, а волосы на руках поднялись дыбом.

«Но ведь это же официальное учебное заведение, - с какой-то вязкой беспомощностью подумала Люда. - Отдел образования...»

Мысль оборвалась.

- Вам сколько лет, Людочка? – мягко спросил Смирнов. Люда настолько оторопела от внезапно нахлынувшей на нее растерянности, что пропустила мимо ушей фамильярность своего спутника.

- Двадцать семь, - сказала она. Смирнов кивнул.

- На картах гадали когда-нибудь? Может, ворожили?

- Гадала, - промолвила Люда, вспомнив о том, как бабушка учила ее раскидывать карты. Пиковый туз при семерке – болезнь. Червонная девятка с бубновой дамой – новая любовь. Крестовая восьмерка со своим королем – ссора на работе. Бабушкины гадания сбывались всегда, Людины – через раз, но она никогда не придавала этому значения. Совпадение, не более того. Даже в сотый раз.

- Ну вот, - Смирнов вынул из кармана смартфон, что-то посмотрел в нем и убрал назад. - Там таких и учат. Тех, кто на картах гадают.

«Икарус» притормозил у обочины, подобрав тощего долговязого паренька с растрепанными дредами до пояса. Из имущества у него был только разноцветный вязаный рюкзак. Увидев Смирнова, паренек широко улыбнулся, обнажив металлическую фикса и гаркнул:

- Йоу, че по чем, чувак?

Смирнов закатил глаза. Долговязый покосился на Люду, не нашел в ней ничего интересного и спросил:

- Ну что, Эльдар Сергеич? Would you like to smoke Bob Marley's cigarette?

Чего-чего, а идеального произношения Люда не ожидала. Не от такого типа.

- Ладно тебе, Вань, - улыбнулся Смирнов. - Коллегу нашу новую напугаешь.

Ваня тотчас же стал серьезным. Ерническое веселье покинуло его загорелую физиономию, он отдал Люде поклон и едва не свалился на пол – с трудом удержался на ногах, когда автобус с внезапным резким рывком отъехал от остановки.

- Меня Иваном зовут, - сказал он, протянув Люде длиннопалую руку с неровно

обстриженными ногтями. На большом пальце красовалось серебряное кольцо с полустертыми рунами. – Библиотекарь. Работаем круглосуточно. Вы на русский язык, да?

Люда кивнула. Больше всего ей сейчас хотелось встать, потребовать, чтобы водитель остановил автобус, и отправиться домой пешком, забыв и про необходимость помощи родителям, и про большую зарплату, и про все обещанные бонусы.

- По русскому у нас электронные учебники, - сообщил он с такой гордостью, словно написал их сам. – Заходите в гости, перекину вам в ноут. Корпус 2-а, библиотека. Варенье клубничное любите?

- Люблю, - оторопело кивнула Люда.

- Тогда тем более заходите, - улыбнулся библиотекарь и сразу же уточнил: - А замужем?

Смирнов, которому болтавшийся в проходе библиотекарь стал надоедать, подтолкнул его в сторону кресел.

- Вань, не мотрошись, сядь уже.

Тот шмыгнул носом и, прежде чем направиться в конец салона, произнес:

- Короче, заходите, ага?

Потом Люда внезапно обнаружила, что в салоне, кроме них с водителем, едут еще две женщины, типичные учительницы средних лет, активно обсуждающие огурцы и засолку, а Смирнов рассказывает:

- Конечно, это городская легенда. Вернее, сельская. Мовсесяна забрала полиция, был суд... ну вы газеты читаете, в курсе. Легенда как таковая появилась уже после его расстрела. Дескать, Мовсесян не то не умер, не то вернулся с того света – одним словом, его частенько видят на окраинах Дербенево. Разумеется, все это бред и болботня. Сами понимаете, какой вакуум в этих медвежьих углах. Разговорами про маньяка его будут еще много лет заполнять.

Люда заерзала в кресле, огляделась. Она никак не могла взять в толк, откуда взялись в салоне эти две болтушки, если автобус не останавливался, и почему Смирнов вдруг завел речь о маньяке. Ощущение провала в памяти прокатило по всему телу, наполнив ноги вязкой слабостью. Видимо, собеседник правильно оценил состояние Люды, потому что полез в карман и, вынув пластинку лекарства, протянул ей.

- Валидол, - сказал он, отвечая на ее незаданный вопрос, а затем, обернувшись к болтливой парочке, жестко произнес: - Коллеги, вообще-то ваши фокусы с перемещениями запрещены.

Одна из женщин, рыжеволосая веселая толстушка, только отмахнулась:

- Эльдарушка, в первый и в последний раз, - и, глядя на Люду, добавила: - Людочка, простите Бога ради. Мы с ТатьянАндревной на автобус опоздали, пришлось через *нору* догонять.

Люда откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Валидол под языком, наполнявший рот мятной свежестью, казался единственной реальной вещью в нереальном мире. Смирнов усмехнулся.

- Сейчас пройдет. Так всегда бывает, если *нору* открывать рядом с неподготовленным человеком.

- Нору? – переспросила Люда.

- Червоточину в пространстве, - объяснил Смирнов. Дружески похлопал Люду по руке. – Вы не пугайтесь так, Людочка. Это магия и... И это нормально.

За три дня до этого Маргарита Львовна, резавшая лук на доске, отложила нож и смахнула слезы с лица. Она не знала в точности, почему плачет – то ли из-за лука, то ли из-за Тани, которая с утра снова ушла на остановку встречать того, кто никогда не вернется. Лук лежал на доске, ожидая отправки в порционные горшочки в компанию к моркови, картошке и полупрозрачным ломтикам мяса, Маргарита Львовна печально смотрела на православный календарь с ликом Николая Угодника и снова не могла сказать, о чем молится – то ли о том, чтобы Таня поправилась, то ли о том, чтобы дочь тихо умерла, не мучилась больше сама и не мучила детей и мать.

Детей было четверо. Не по возрасту задумчивые погодки сейчас возились на ковре в детской, играя в какие-то свои игры – Маргарита Львовна невольно радовалась тому, что, несмотря на возраст, ребята умеют организовать себя сами, и их не надо занимать. Сил у нее было мало, и рано взрослеющие мальчишки понимали, что бабушка бьется, как рыба об лед, чтобы вытянуть пятерых, а мама...

Мама сошла с ума, когда Костя, их отец, позорно сбежал из дому – сказал, что едет в Москву на заработки и был таков. Ищи ветра в поле! За два года от него не было ни вестей, ни денег. Маргарита Львовна собралась с духом и отправилась к свахе. Та в дом Лобановых носа не казала, внуками не интересовалась, но должна же она была знать о том, где сын! Костя обнаружился у мамочки под боком; заикаясь от неожиданности, он сообщил бывшей теще, что устал и должен пожить отдельно от семьи.

- Устал! – Маргарите Львовне хотелось кричать, хотелось разодрать этому маменькиному сынку физиономию, да и его преподобную маменьку расподдать так, чтоб мало не показалось, но она почему-то молча развернулась и пошла к лифту, не чувствуя ног, хотя все в душе вопило, срывая голос: - Устал он! Детей делать не уставал! На боку лежать не уставал! Господи, что же нам делать-то!

В тот момент она боялась только того, что ее парализует прямо в лифте. Обошлось.

Теперь Таня была тихой городской сумасшедшей. Никому не мешая, не приставая к встречным с разговорами, она стояла на остановке, оживляясь только тогда, когда из-за поворота показывался троллейбус номер восемь – на нем Костя всегда приезжал с работы. Троллейбус открывал двери, выпуская пассажиров, Таня с трепетом всматривалась в лица, надеясь, что Костя появится вот-вот, сейчас, но он не появлялся, и Таня сникала и отходила в сторону. Всегда в одном и том же брючном костюмчике, от старости и пыли уже утратившем первоначальный цвет, тихая, словно забытая хозяином собака, она стояла и ждала.

Однажды рядом остановилась машина, и какие-то пьяные уроды с хохотом принялись затаскивать Таню внутрь – тогда Самвел, хозяин овощной лавочки выскочил из-за прилавка и, вооруженный отломанной от ящика с огурцами доской, отбил убогую и отвел домой. Маргарита Львовна плакала, дети ревели в голос, Таня, как обычно, молчала, глядя в сторону жалким взглядом побитой дворняги, а Самвел ушел и вернулся с пакетом овощей и фруктов из лавочки, и почему-то смотрел так виновато, как смотрят порядочные люди, прекрасно зная, что на них нет никакой вины. У Самвела было двое сыновей, и в их вещах теперь ходили Танины мальчишки – Маргарита Львовна, которая раньше бы наотрез отказалась брать вещи «у этих чурок», теперь плакала и молилась, чтобы Самвел не закрыл лавочку и не уехал в другое место.

В дверь позвонили. Посмотрев на часы, Маргарита Львовна недоумевающе пожала плечами: обычно Таня возвращалась ближе к вечеру, а соседки давно избегали общения с ними, чувствуя какую-то стыдливую брезгливость. Должно быть, распространители какой-нибудь бросовой ерунды по цене люксового автомобиля – только их не хватало для полного счастья. Наскоро обтерев руки полотенцем, женщина прошла в коридор, открыла дверь и остолбенела, не понимая, что происходит. Ее Таня прошла в квартиру уверенным быстрым шагом, таким, каким двигалась раньше, в юности, и в ее лице сейчас не было ни капли робкого сумасшествия.

- Мам, - сказала Таня, на ходу сдирая с себя грязный изношенный пиджачок и стягивая через голову водолазку, - я в ванну. Это просто ужас какой-то, мам.

Маргарита Львовна ощутила, как на какую-то долю секунды сердце застыло, чтобы потом сорваться в пляс: она не слышала голоса дочери два года. Дети высыпали в коридор и замерли крошечными восковыми статуями, готовясь на всякий случай

разреветься. Таня нырнула в ванную, и вскоре Маргарита Львовна услышала, как зашумела вода. А воды Таня боялась, и затащить ее под душ было настоящим подвигом Геракла.

- Господи... - прошептала Маргарита Львовна и перекрестилась: - Господи, что же это?

- Мам! - звонко крикнула Таня. - Я твое полотенце пока возьму?

- Бери... - промолвила Маргарита Львовна и добавила громче: - Бери, Танечка!

И только теперь она заметила, что Таня пришла не одна. Стоявший на пороге тощий блондин в неприятной клетчатой рубашке и джинсах покачался с носков на пятки и спросил:

- Можно, я пройду?

...- Вы врач? - спросила Маргарита Львовна, когда Таня вымылась и, переодевшись в чистое, отправилась в детскую. Сейчас оттуда доносился звонкий смех - дети и мама обнимались и играли на ковре. Блондин, назвавшийся Эльдаром Сергеевичем, отпил минералки из стакана и ответил:

- Нет, я не врач. Видите ли, никакой доктор не помог бы вашей Тане. Смещения души дело очень серьезное.

Он был удивительно, невероятно странным, этот Эльдар, но Маргарита Львовна готова была стоять перед ним на коленях и целовать руки. Таня, которая утром побрела из дома бледной тенью себя прежней, сейчас рассказывала сыновьям сказку и собирала башни из кубиков, и женщина не могла поверить, что сумела дожить до этого дня.

- Ее Костя бросил, когда Вадику с Кирюшей три месяца было, - промолвила Маргарита Львовна. - Танечка... она всегда была тонкая, ранимая. Тургеневская девушка. И ведь о семье они вдвоем мечтали. О большой семье. Минимум пятеро детей... - она говорила, лоя себя на том, что мысли путаются, но не могла замолчать и собраться с духом. - А тут он говорит: поеду в Москву вахтовым методом, надо же семью кормить...

Маргарита Львовна всхлипнула и осела на табурет у стены. Эльдар допил минералку и опустил на стул напротив.

- Как вы это сделали? - спросила Маргарита Львовна. - Кто вы?

Эльдар усмехнулся.

- Я маг, - просто сказал он. - Верите?

Женщина вздохнула. Вслушалась в счастливый щебет внуков и ответила:

- Два года... всего этого. Господи, прости меня, я хотела, чтоб она умерла. Так мучиться, так ребят мучить... Эльдар, вы знаете, я сейчас во что угодно поверю.

Она осеклась, на мгновение до дрожи испугавшись, что все это ей приснилось. Эльдар ободряюще улыбнулся и произнес:

- Теперь все будет хорошо. Кстати, у меня есть предложение для вас и Тани.

Маргарита Львовна посмотрела на него, чувствуя, что ее колотит от внезапно накатившей волны ужаса. Ведь если он вернул Тане разум, то и отобрать сможет...

Эльдар задумчиво посмотрел в окно и сказал:

- Как вы смотрите на то, чтобы уехать отсюда в деревню? Поселок Дербенево, слышали о таком?

За семь дней до этого Карина вышла из дому с таким решительным видом, что даже

приподъездные бабки, всегда честившие ее наркоманкой, проституткой и дрянью, каких мало, не отважились гавкнуть ей вслед. Может, просто не узнали – вчера Карина срезала свою роскошную рыжую косу, мигом превратившись из приятной на вид и ощупь барышни в тощего пацана. Сейчас коса лежала в рюкзачке, и Карина готовилась пустить ее в ход.

Для приворотного ритуала на мертвой собаке требовалось, собственно, найти эту самую мертвую собаку. По соседству с косой лежали резиновые перчатки, и Карина невольно ежилась, представляя, как будет брать в руки одеревеневшее собачье тельце. Впрочем, за приворот ей обещали пять тысяч рублей, а за такие деньги можно было и повозиться. Чай не बारे, потерпим.

За два часа Карина обошла весь Пролетарский район, но сбитой собаки на дороге так и не нашла. Один раз ей попался мертвый голубь, но приворота на голубях она не знала, хотя промышляла любовной магией довольно давно, еще с восьмого класса гадая на картах и делая простенькие привороты – на выкуренную сигарету, на ветер, на замок. Однажды она сделала приворот на менструальной крови для лучшей подружки Светы, и обе потом сильно пожалели об этом: Арсен, на которого ставилась ворожба, оказался ревнивым чуть ли не до припадков и как-то чуть не прирезал Свету по пустячному поводу. После этого случая работать с кровью Карина зареклась даже за большие деньги.

Когда она готова была отчаяться, собака все-таки нашлась на обочине – сбитая машиной грязная шавка, отдаленно похожая на старую болонку соседки: и болонка, и соседка были неопрятными и визгливыми. Облегченно вздохнув, Карина быстро натянула перчатки и, сунув руки в мешок для мусора, обхватила собаку и завернула в полиэтилен. Сверток отправился в пакет с красно-зеленым логотипом местной сети супермаркетов, и Карина, беззаботно мурлыча себе под нос какую-то песенку, двинулась в сторону кладбища.

Кладбищ Карина не боялась, хотя сам факт того, что она ходит туда чуть ли не каждую неделю творить ворожбу, внушал суеверный ужас всем ее подругам. Этот ужас был полезен: гонорары Карины постоянно росли – если раньше она гадала и привораживала чуть ли не за сотку, то теперь, получив репутацию отважной и рискованной ведьмы, могла назначать ту цену, которую считала нужной. Вот и за приворот на собаке запросила по полной.

Заказчица, стильная дамочка за тридцать, приехала к ней на новеньком внедорожнике и сперва была очень скептически настроена. Неужели эта девчонка, которая весной окончила школу и благополучно провалила все экзамены, и есть та самая бывалая ведьма, которая сможет вернуть любовника? Та самая, сказала Карина и добавила: правильно ты аборт сделала. Даун бы родился, была охота с ним мучиться?

Дамочка так и села. Больше она не задавала глупых вопросов.

Да, экзамены Карина провалила и никуда не поступила. Мать с отцом рвали и метали, брех стоял до неба, и мать даже отгаскала Карину за косу – ну да что поделаешь, поздно пить «боржом», если почки отвалились. Она сказала, что устроилась промоутером в рекламное агентство – год поработает, накопит на институт и поступит на платное; это относительно успокоило родителей, хотя Карина прекрасно знала, что никуда не будет поступать. Незачем тратить на скучные лекции и тупых преподавателей то время, которое можно потратить, зарабатывая денежки.

Юность, в конце концов, не вечна. Зачем ее гробить неизвестно на что, когда в мире есть путешествия и магазины?

Дочка швеи и экспедитора могла путешествовать разве что к бабке в деревню. Удовольствие ниже среднего, прямо скажем.

Войдя в кладбищенские ворота, Карина огляделась и неторопливо побрела по улицам города мертвых. Суетиться и нервничать было нельзя: мертвые этого не любят, и мертвые требуют уважения. Карина выразила его баночкой свежего меда, вылитой на первую попавшуюся могилу, и некоторое время стояла молча, задумчиво крутя в руках пластиковую крышку. Потом по вершинам старых язв прошел ветерок, словно вздох, и Карина поняла, что ее жертва принята. Даже и не жертва – так, мелкий знак внимания.

Не факт, что мертвые ей помогут, но и мешать не станут.

Вот теперь можно было спокойно отправляться на поиски. Карина задумчиво смотрела по сторонам; кладбище было очень старым, и ей встречались то покрытые мхом надгробия, надписи на которых уже нельзя было прочитать, то каменные ангелы, грустно опустившие крылья, то проржавевшие звезды на вершинах темных пирамидок памятников. Многие могилы заросли травой и золотыми брызгами рудбекий, и только облезлые решетки оградок не давали отрядам бушующей зелени вырваться на свободу. Дать бы директору люлей, думала Карина, осторожно обходя их по тропе, хоть бы старые деревья попилил да кусты повыдергал. Откуда-то справа печально прозвенел колокол. Карина остановилась, задумчиво глядя на тонкую свечу колокольни. Звук повторился и растаял среди деревьев.

Она отлично знала здешнего священника. Встретив его в первый раз, Карина вскрикнула и едва не обмочила штаны – священник давно-давно умер, сгнил, тьма тарачилась на нее из пустых глазниц в его обгорелом черепе.

- Медку приноси, - проскрипел священник и *обернулся*, становясь тем самым отцом Павлом, которого знали все, приходившие на кладбище. – Приноси и лей. И все будет хорошо.

Карина подчинилась и больше не встречала отца Павла. И хорошо, подумала она, продолжая путь по тропе, так и окочуришься ненароком. Любовника заказчицы звали Михаилом, но надгробия с таким именем пока не попадались, хотя Карина точно помнила, что видела его во время своих прошлых визитов.

Может, она задумалась и свернула не туда? Карина огляделась: да вроде нет, она шла правильно, в сторону военного мемориала. В отличие от остальных могил, его поддерживали в приемлемом состоянии. Пакет с мертвой собакой почему-то становился все тяжелее, и Карина поймала себя на том, что снова начинает впадать в отчаяние. Впрочем, тягостное чувство было недолгим: нужная ей могила обнаружилась почти сразу – имя покойника на надгробии было прикрыто склонившимся снопом золотых шаров. Карина вошла в оградку, давно лишившуюся калитки, убрала цветы и, вытряхнув из пакета собачье тельце, приготовилась начинать ворожбу.

Собаку следовало оплести косой, а затем поджечь. Для этого Карина принесла зажигалку и жидкость для розжига. Она никогда прежде не делала приворотов на мертвой собаке, но сейчас почему-то не сомневалась, что у нее все получится. Предчувствие торжества распирало грудь, и, вынув косу из рюкзака, Карина бойко и без всякой брезгливости принялась за дело.

Когда за спиной послышались шаги, Карина не испугалась. Она сидела так, что ей достаточно было просто пригнуться, чтобы пришедший на кладбище не заметил ни ее, ни собаку. Но, когда коса и трупик болонки вдруг вспыхнули каким-то странным насыщенно синим огнем и буквально за несколько секунд рассыпались зеленым пеплом, воняющим так, что резало глаза, Карина поняла, что дело скверно. Очень скверно.

- Некромантический ритуал, - произнес мужской голос. Довольно приятный голос, надо сказать; впрочем, у Карины по спине резво побежали мурашки. Она сидела на земле, тарачилась на горстку пепла и не могла пошевелиться. – К подолу прибываю, у света отнимаю, от Господа закрываю.

Карина почувствовала, как невидимая рука взяла ее за предплечье и мягко, но сильно поставила на ноги и развернула лицом к говорящему – стильно одетому блондину за тридцать. Блондин был тощ и давно не стрижен: кудрявые пряди раздувало ветром, а дорогой костюм болтался на нем, как на вешалке. Ощущение могущества, веющее от него, было настолько сильным, что Карина поняла: шутки кончились. И ей, наверно, тоже конец.

- Что за девки пошли, - скучным голосом заметил блондин. Жест его правой руки был красивым и легким, словно у дирижера: Карину приподняло в воздух, и она повисла над надгробием. – На кладбище идти – как в туалет. Магию без лицензии творить – всегда пожалуйста. Некромантия – да хоть сто порций. Любой каприз за ваши деньги.

Карина болталась над землей и понимала, что теперь-то ей на самом деле страшно – так,

как никогда в жизни. Блондин выдернул волосок над виском и подул: тонкая огненная нить заструилась по воздуху и охватила запястье Карины. Вопреки ее ожиданиям боли не было.

- Но хуже всего две вещи, - улыбнулся блондин. - Отсутствие защиты, во-первых. А без нее эта шавка придет сегодня в полночь и разорвет тебя на шмотья. А во-вторых, за магию без лицензии сейчас сажают в дурку. И быстро доводят там до овощного состояния.

- Были в дурке? - Карина сама не ожидала, что сможет говорить, тем более, дерзить, но ершистый характер дал о себе знать даже в такой ситуации. Блондин кивнул и очередной плавный жест вынес Кристину за ограду и осторожно опустил на землю рядом с ним.

- Был, - сказал он, с невероятной деликатностью снял с плеча Кристины прилипшую травинку и представился: - Эльдар Смирнов. Твое имя я знаю.

Дербенево оказалось самым настоящим медвежьим углом. Конечно, тут была и школа, и захудалая больница, а в центре громоздились такие же унылые хрущевки, как и во всех городах страны, но от всего - от уютных старых домов, жителей, провожавших алый автобус странными взглядами, в которых неприязнь смешивалась с какой-то тоской, полуразрушенной церкви на холме - веяло одиночеством, запустением и печалью, словно Дербенево доживало последние дни. Неудивительно, что Мовсесян расправлялся со своими жертвами именно здесь - вроде все у всех на виду, но никому ни до кого нет дела. Когда поселок остался позади, Люда невольно вздохнула с облегчением. Эльдар ткнул пальцем в оконное стекло.

- А вон и колледж, - сказал он. Люда послушно посмотрела, куда показывали, и подумала, что контраст выглядит очень неприятно. На фоне нищеты и запущенности Дербенево ультрасовременное здание колледжа, сверкавшее стеклом и пластиком на фоне прозрачной синевы осеннего неба, казалось куском иного мира, не имеющего никакого отношения к людям. Люда подумала, что местные относятся к обитателям колледжа как минимум с прохладной неприязнью.

- Вас тут подпалить не пытались? - осведомилась Люда. - Из классовой ненависти?

- Людочка, ну у нас же все перекрыто, - ответила рыжая толстушка вместо Эльдара. - Пройдут только свои. Да вы бы видели, что было в том году! Дебилы эти пьяные скачут, вроде пустое место, нету ничего, а пройти нельзя. Попрыгали, морды в кровь расшибли да и разошлись, - она звонко рассмеялась, словно зрелище и правда было невероятно забавным, и спросила: - А вы, кстати, в каком блоке будете?

- Наверно, в нашем, - ответил Эльдар. Толстушка одобрителем кивнула.

- Правильно. Людочка девушка серьезная, она из вас, из раздолбаев, быстро нормальных людей сделает. Кстати, вам, наверно, и историю дадут. Нечаева уволилась.

- Как уволилась? - изумился Эльдар.

- А вот так. Я неделю назад в облоно была, видела ее. Сказала, что в педагогический устроилась на кафедру.

Эльдар завел глаза.

- Никогда-то я ничего не знаю.

Толстушка хмыкнула.

- Ну ты же все в полях.

Люда откинулась на спинку кресла и стала смотреть, как за окном проплывает спортивный корпус - длинное одноэтажное здание, украшенное граффити: баскетболист

в прыжке клал мяч в корзину, теннисистки в коротеньких юбочках махали ракетками, и футболист забивал гол. Толстушка была права, говоря о том, что вход сюда только для своих: Люда ощутила, как автобус пересек невидимую черту – это было как быстрое прикосновение к вискам.

«Я что, теперь своя?» - подумала она и удивилась тому, что ей не страшно. Нисколько. Возможная необходимость преподавать еще и историю пугала Люду намного больше.

Студенческий городок отстроили с размахом. Пока Эльдар что-то записывал в листках папки, протянутой ему худенькой молодой женщиной, встречающей пассажиров, Люда огляделась и признала, что здесь хорошо, даже граффити, которыми были расписаны все здания, кроме главного, не портили впечатления. Кроме спортивного корпуса здесь было трехэтажное общежитие, библиотека, стены которой украшали, конечно, портреты Пушкина и Толстого, почему-то наряженных вполне современно, планетарий – уж его-то ни с чем нельзя было перепутать, и оранжерея, за высокими окнами которой буйно росла пышная зелень. Эльдар забросил сумку с ноутбуком на плечо и, дождавшись, когда из автобуса выберется заспанный Ваня, который всю дорогу храпел на задних сиденьях, вручил ему ручку Людиного чемодана.

- Давай, брат, помогай соседям.

Люда пыталась было возражать, но Ваня забрал у нее и сумку, произнеся:

- Ну че, пирожков напечешь? Давай на ты, раз уж в одном блоке будем?

Люда кивнула. Она никогда не водила знакомства с растаманами, панками, хиппи и прочими неформалами, но этот Ваня волей-неволей располагал к себе.

- Ладно, напеку, - сказала Люда. – А есть из чего?

- Вроде завхоз говорил, что холодильники затарит, - откликнулся Эльдар. Возле входа в общежитие с ним поздоровалась группа ребят, деловито что-то размечавших на карте. Один из них, низенький и упитанный, чем-то похожий на маленького деловитого жучка, сообщил:

- Эльдар Сергеич! В деканате говорят, что возле леса нявку видели. Можно, мы вечером прогуляемся, посмотрим?

Эльдар показал ему кулак.

- Даже не думайте. Нявки – это третий курс. Я вас по бучилам ловить не буду.

Паренек разочарованно вздохнул и отвернулся к товарищам, которые, впрочем, ни на минуту не прекратили возни с картой. Войдя в просторный холл, где царил гулкая прохлада, Эльдар открыл шкафчик с ключами и, сняв с гвоздя одну из связок, протянул Люде три ключа на брелоке.

- От блока, от комнаты и запасной, - сказал он. Брелок был питерский, с корабликом Адмиралтейства, и Люда, всем сердцем обожавшая Петербург, подумала, что это хороший знак. – Преподаватели на третьем этаже. Телефон у завхоза, - Эльдар махнул рукой куда-то в сторону коротенькой лестницы, ведущей в цокольный этаж.

- А мобильники? – спросила Люда, двигаясь за Эльдаром и Ваней к лифту. Ваня улыбнулся.

- Нету здесь ни мобильников, ни интернета. В «Одноклассниках» не посидишь.

- Я похожа на тех, кто сидит в «Одноклассниках»? – спросила Люда. Дверцы лифта открылись с мелодичным приятным звоном, выпустив смеющуюся группку девчонок, волочивших какие-то подушки. Одна из девушек, хмурая и бледная, одарила Эльдара таким взглядом, что впору было спрятаться куда-нибудь.

- А че не так? – вопросом на вопрос ответил Ваня. – Все там сидят. Эльдар, скажи?

Эльдар пожал плечами и надавил кнопку с цифрой «три».

- Я в основном по синему, - сказал он. - «Фейсбук» и клоны.

Блок, в котором Люде предстояло жить с Эльдаром и Ваней, был похож на уютную трехкомнатную квартиру с просторной гостиной, двумя комнатами, санузлом и кухней. Войдя в свою комнату, обставленную стильной светлой мебелью, Люда подумала, что теперь-то поживет, как человек: квартира, в которой она жила с родителями, давным-давно не видела ремонта, и новые предметы интерьера, казалось, сразу же приобретали налет тусклой старости. Разложив вещи в своем шкафчике и переодевшись, Люда осторожно легла на кровать, накрытую теплым легким одеялом, и решила, что в целом все не так уж и плохо. Она приехала работать в колледж для магов – что ж, если маги существуют, то это придется просто принять, не упираясь. В конце концов, филфак, несмотря на все его минусы, приучил Люду мыслить достаточно свободно – хотя бы в плане понимания того, что мир гораздо шире, чем о нем рассказывают.

За стеной запел Боб Марли – Люда не очень хорошо разбиралась в такой музыке, но Sunshine Reggae ей нравилась. В дверь постучали.

- Люда, - позвал Эльдар. - Пошли на экскурсию.

- Иду, - откликнулась Люда, но почти сразу же раздался голос Вани:

- Ребят, гляньте в окно!

Люда вышла в гостиную – Эльдар и Ваня уже стояли у раскрытого окна и смотрели вниз: там, на небольшой площадке перед общежитием, высокий хмурый парень занимался тем, что перегонял фонтан светло-зеленых искр из одной сложенной лодочкой ладони в другую. Фонтан издавал громкий треск, в воздухе неприятно пахло горелым, но ни одна из искр не гасла. Обаятельное лицо парня было таким сосредоточенным, словно он решал в уме задачи с интегралами и не имел права на ошибку.

- Понтуется Егорка, - заметил Ваня. - Первокурсницы, наверно, фигуристы.

- А молодец, - оценил Эльдар. - Наверно, все лето тренировался.

Егорка с видимым усилием свел ладони, и искры пропали. Откуда-то снизу зааплодировали благодарные зрители, должно быть, те самые фигуристы первокурсницы, помянутые Ваней, и библиотекарь заговорщицки подмигнул Эльдару и толкнул его в бок:

- Что, братюнь? Покажешь класс?

Эльдар пожал плечами. На его лице появилось нарочито безразличное выражение.

- Пока паренек-то не ушел? – продолжал Ваня. Эльдар усмехнулся и неожиданно перевалился через подоконник во двор.

Люда взвизгнула и зажала рот ладонями, силясь сдержать вопль ужаса. Ее обдало волной горячего воздуха, рванувшейся снизу, и Люда увидела, как от площадки, на которой несколько минут назад стоял Егорка со своими искрами, с неспешной величавостью поднимается дракон.

Это было невероятно, невозможно и прекрасно. Люда подумала, что ее сердце сейчас остановится от восторженного страха – или выпрыгнет из груди, вырвется туда, где огромный двуглавый ящер, одновременно уродливый, изящный и грациозный, неторопливо взмахивал мощными крыльями. Люда заворожено смотрела, как размеренно сокращаются бугры мышц, как дымятся струйки дыма вокруг вывернутых наружу ноздрей, как хвост завивается тугими петлями. Раздался чей-то радостный визг, так могла бы голосить фанатка рок-звезды при виде кумира, и во двор высыпала целая толпа – Люда и не предполагала, что в общежитии так много народу. Ребята и девушки махали дракону, кто-то снимал его на смартфон, и, когда дракон поднялся выше, Люда увидела, что одной лапой он подцепил Егорку за футболку, каким-то чудом не рвущуюся. Строгое лицо парня теперь было озарено каким-то светлым детским счастьем.

Дракон сделал круг над студгородком, словно пробовал силы, а потом взмыл высоко-высоко, под облака, став не огромным чудовищем, а изящной геральдической фигуркой на синем поле рыцарского щита. Люда смотрела и не понимала, что изо всех сил вцепилась в Ваню, а по ее щекам текут слезы. Потом на месте дракона расцвел огненный цветок с рваными краями, и, сорвавшись в молниеносное пике, ящер рухнул во двор пылающей кометой. По собравшимся прокатилась волна испуганных криков, кто-то из девушек закрыл лицо ладонями, и, зажмурившись, Люда отстраненно подумала: все, это все... Но потом она услышала настоящий гром аплодисментов, восторженные вопли и, открыв глаза, увидела, как зрители окружили целых и невредимых Эльдара и Егорку. На шее парня уже повисла какая-то пылкая поклонница, группа ребят, среди которых был давешний жучок-толстячок, облепила Эльдара.

- Как это..? - только и смогла пролепетать Люда. Следовало отпустить руку Вани, это было уже неприличным, так вцепляться в полузнакового человека, но она при всем желании не могла разжать сведенных судорогой пальцев. - Как это возможно..?

- Да все нормальды, - разулыбался Ваня. Он, видно, не имел ничего против того, что соседка так к нему прижалась. - Эльдарка у нас оборотень. А Егор - он рарог.

- Кто? - переспросила Люда. Веселая ликующая толпа потихоньку вливалась в двери общежития. - Что такое рарог?

- Маг пламени, - с удовольствием объяснил Ваня. Люда все-таки собралась с силами, выпустила его и, сделав несколько шагов по гостиной, опустилась на диванчик - ноги не держали. - Видала, как искры мечет?

В коридоре послышались шаги и веселые голоса.

- А ты кто? - спросила Люда и сразу же поспешила добавить: - Я никто. Я просто человек...

Почему-то ей вдруг стало очень грустно. Ваня ободряюще улыбнулся, и фикса в его рту вспыхнула ослепительным белым огнем.

- Да и я никто, - сказал он, присев рядом с Людой. - Я каженник, меня леший неделю по лесу таскал. Сперва думал: отпусти, чудо-травка! А потом понял, что тут не трава...

- Поэтому ты сказал про Bob Marley's cigarette? - поинтересовалась Люда. - Там, в автобусе?

- А то, - улыбнулся Ваня и сразу же предупредительно вскинул руки ладонями вперед. - Но теперь ни-ни! Ни в одном глазу. И так вижу больше, чем показывают.

Дверь открылась, и в блок заглянул Эльдар. На его правой щеке красовался смачный отпечаток красной помады - судя по всему, поклонницы повисли не только на Егорке. Глядя на яркий мазок, похожий на ожог, Люда почему-то испытывала непонятное неудобство.

- Люд, пошли, городок покажу, - сказал Эльдар. Ваня откинулся на спинку дивана и расхохотался.

- Смотри не съешь! - крикнул он и так залился смехом, словно шутка была невероятно хороша. Эльдар завел глаза и показал ему кулак.

Впрочем, экскурсия не задалась - едва только Эльдар с Людой вышли из общежития, к ним подошел немолодой грузный армянин с такими солидными усами, каким искренне позавидовал бы сам Буденный. Эльдар обменялся с армянином рукопожатием и сказал:

- Вот, Геворг Ашотович, показываю территорию новой коллеге.

Видимо, это и был тот самый Г.А.Гамрян, чью подпись Люда видела на трудовом договоре. Он кивнул Эльдару, внимательным цепким взглядом посмотрел на Люду и произнес:

- Я вас наверно не обрадую, Людмила Васильевна. История России, первый и второй курс. Вести больше некому, тридцатого августа я историка нигде не найду.

Люда только руками развела.

- Что ж поделаться...

Видимо, Гамрян оценил ее выражение лица по-своему, потому что сразу добавил:

- Не за спасибо, разумеется. Идите в главный корпус, берите учебные планы в деканате. Секретарь все расскажет.

И, давая понять, что разговор окончен, он развернулся к Эльдару и, взяв его под локоть, повлек к входу в общежитие. Несмотря на то, что Гамрян говорил тихо, Люда все-таки услышала:

- У нас будет постоянный инспектор из министерства образования. Черников Александр Александрович.

Эльдар споткнулся, словно налетел на невидимое препятствие. Прижал руку к груди. Должно быть, он свалился бы на землю, не придерживай его Гамрян.

- Что-то мне даже приплохло, - сдавленно признался он, - от таких новостей.

Глава 2

Вечер в лесу

Эльдар щедро предложил Карине отвезти ее в это дурацкое Дербенево, но она отказалась, заверив, что доберется в колледж сама. Перспектива провести несколько часов в дороге бок о бок с этим белесым уродом внушила Карине суеверный ужас. Нет уж, мы и сами с глазами.

Родители обрадовались. Искренне обрадовались. Карина наплела им какую-то чушь про то, что ее скудных баллов, набранных на экзамене, вполне хватило для зачисления, будущая профессия называется «Специалист по работе с молодежью», а письмо насчет поступления просто заблудилось на почте. Мама помогла собрать вещи, и Карина, глядя на рюкзак, чемодан и сумку, подумала, что, может, и напрасно отказалась от предложения Эльдара. О том, что в колледже обучают будущих лицензированных ведьм и колдунов, она, разумеется, говорить не стала. Перспектива поехать в дурдом вместо колледжа ее не прельщала.

В Дербенево Карина приехала с тремя пересадками в настолько убитых временем, дорогами и пассажирами автобусах, что на них было страшно смотреть, не то, что ехать. Компанию ей составляли какие-то заскорузлые селюки, которые исподтишка таранились на нее такими взглядами, что впору было бежать, пока на вилы не подняли. Карина в долгу не оставалась и уже потом поняла, что ее появление живой и здоровой на пыльном дербеневском вокзальчике было почти чудом.

Здание вокзала, пустое и гулкое, пронизывал солнечный свет. Расписание автобусов, должно быть, намалевали в прошлом веке, да так и оставили – теперь по нему ползали мухи, а нижний угол кто-то беззастенчиво оторвал вместе с графиком автобусов на Дубовку. Резво пробежавшись до туалета, Карина вернулась и постучала в окошко кассы. Кассирша, должно быть, корпевшая над кроссвордом, подняла голову и, увидев Карину, поджала губы, словно предчувствовала неприятности. «Да уж, весело тут гостей встречают. С песнями и бубнами», - подумала Карина и спросила:

- Как до колледжа социальных инноваций доехать, не подскажете?

- Пешком! – рывкнула кассирша и захлопнула окошко с такой силой, что отдалось по всему вокзалу. Карина услышала, как эта толстая баба с плохо покрашенными пергидролью волосами, кому-то жалуется: «Ну вот, еще одна приперлась. Мало их тут было, вот еще одна». «Бу-бу-бу», - невнятно ответили ей. Наверняка матерились.

- Девушка, - окликнули Карину. Она обернулась и увидела в самом дальнем углу, возле работающего аппарата с напитками, молодого мужчину с чемоданом.

- Чего?

- Я тоже в колледж, - сказал он. - Меня встретить обещали, если хотите, поедем вместе.

Карина покачалась с носков на пятки, обдумывая это в высшей степени интересное предложение, а затем взяла свой скарб и подошла к мужчине.

- Спасибо, - промолвила она, стараясь подпустить в голос максимум доброты и сердечности. - Спасибо, это здорово.

Мужчина улыбнулся. Как и урод Эльдар, лишивший Карину заработка, он был очень дорого одет - один ремень в фирменных джинсах стоил тысяч десять, не меньше, а темные кудри были явно подстрижены и уложены в дорогом салоне. «Пижон, - вынесла вердикт Карина, сев на скамью рядом, и добавила: - Впрочем, симпатичный».

- Что-то нардец тут хамский, - сказала она вслух. Сосед согласно кивнул.

- Да, меня тоже по матушке отправили, - сообщил он и протянул Карине руку. - Александр Черников.

- Карина Копылова, - представилась Карина. - Что-то вы стары для студента, уж извините.

По ее приблизительным прикидкам Черникову было около тридцати. Одарив ее белозубой улыбкой, он ответил:

- Я преподаватель.

На какое-то мгновение Карина ступевалась: вот так лепишь первое, что в голову придет, а тебе это потом на сессии припомнят. Впрочем, Черников не обиделся - он выглядел, как человек, который никогда и ни на что не обижается, а либо сводит все в шутку, либо делает вид, что ничего не заметил. Мудрая позиция, в какой-то степени, но Карина все равно сочла нужным извиниться.

- Простите, - сказала она со всей возможной искренностью. - Язык у меня без костей. Уж я и огребала за него не раз, а все толку нету.

- Будет вам, - улыбнулся Черников и сменил тему: - На каком вы курсе?

- Первый, - сказала Карина. - Не поверите, буквально позавчера днем меня отловил мой личный куратор. Вещи в зубы и погнали наши городских...

Черников посмотрел на нее с уважением.

- Первокурсникам редко дают личного куратора, - произнес он. - Значит, вы действительно талантливы. Кто у вас?

- Эльдар Смирнов, - сообщила Карина, и с лица Черникова мигом слетело мягкое выражение: он весь подобрался, словно зверь, готовый к прыжку, а на щеках заиграли желваки. На всякий случай Карина даже чуть-чуть отодвинулась на скамье. Кто их знает, этих магов, может, этот Черников псих припадочный.

Впрочем, ничего особенного не случилось. Черников потер переносицу и сказал:

- Хотите бесплатный совет?

- Хочу, - ответила Карина. - Я все, что бесплатно, очень хочу.

- Будьте очень осторожны, - промолвил Черников. - Ваш куратор - мягко говоря, опасный человек. С ним не то, что надо держать ухо востро, с ним надо... да я даже не знаю. Ходить да оглядываться. Так что будьте осторожны.

- Хорошо, - кивнула Карина. Ей нисколько не хотелось лезть в эти магические разборки, которые, судя по всему, были у обитателей колледжа в порядке вещей. - А вы давно его знаете, да?

- Давно, - откликнулся Черников и поднялся, должно быть, ноги затекли. - Когда-то я

убил его.

Карина натурально открыла рот от изумления. Первым порывом было вскочить со скамьи и, побросав пожитки, спастись бегством и забыть на веки вечные о том, что на белом свете вообще существует магия. Но, разумеется, побега не получилось: в здание вокзальчика вошел Эльдар, задумчиво подбрасывая на ладони монетку.

Черников обернулся и замер, словно появление Эльдара обратило его в камень. Карина смотрела на куратора и не могла отвести взгляд от грубых нитей шрамов, стекавших от ключиц – горловина тонкого серого свитера выставляла напоказ уродливые следы вскрытия. За свою жизнь Карина видела слишком много фильмов ужасов, чтобы перепутать их с чем-то еще. Эльдар скользнул по девушке безразличным взглядом и сказал:

- Экспресс подан.

Оцепенение отпустило и Карину, и Черникова – поняв, что, по крайней мере, прямо сейчас никого убивать не будут, они собрали вещи и подались за Эльдаром к выходу. У вокзальчика стоял самый заурядный микроавтобус с открытой дверью – повинуясь жесту Эльдара, Черников отправился в салон, а вот Карину куратор аккуратно придержал под локоток: вроде бы мягко, но не вырвешься.

- Добралась нормально?

- Да, - кивнула Карина и добавила: - Да, спасибо. Что-то злые тут все, в этом Дербенево...

Никогда не подводившее ее шестое чувство сейчас подсказывало, что весь гонор надо запихать в то глубокое место, куда не заглядывает солнце, и быть паинькой.

- Классовая ненависть, как говорит моя коллега, - сказал Эльдар, глядя мимо Карины. - С Черниковым ехала?

- Нет, - испуганно помотала головой Карина и выпалила: - Но он сказал, что с вами надо держать ухо востро...

Как обычно, скорость языка оказалась быстрее скорости мысли, и Карина ойкнула. Эльдар усмехнулся.

- Все правильно сказал. Ладно, поехали.

Маршрутка оказалась забитой народом – парни, девчонки, кто-то нарочито равнодушный, кто-то испуганный, кто-то смотревший свысока. Черников забился куда-то на задний ряд, Карина устроилась на неудобном кресле, развернутом лицом к двери, а Эльдару места не хватило, и он встал в проходе, привалившись спиной к поручню. Девочка, сидевшая возле Карины, маленькая заплаканная блондинка, смотрела на него с таким ужасом, что у Карины екнуло сердце.

- Ну что, дамы и господа, - сказал Эльдар, когда маршрутка тронулась. - Второй курс меня знает, для вновь поступивших я Смирнов Эльдар Сергеевич, проректор по воспитательной и преподаватель биологии. Первокурсники, сейчас называю фамилии и номера комнат, как приедем, сразу заселяетесь в общежитие. Не пьянствовать. Не курить. Помойку в комнатах не разводить и бордель не устраивать. По лесу не шататься. Это ясно?

Первокурсники дружно кивнули. Какой уж тут пить-курить, они с перепугу и дышать-то собирались через раз. Карина подумала, что вряд ли на первом курсе всего шестеро человек. Наверно, основная масса заселилась раньше. Заплаканную блондинку звали Марией Гольцовой, и ее распределили в одну комнату с Кариной. Когда Эльдар закончил перечислять имена, фамилии и номера комнат, смуглая цыганистая девушка на заднем ряду подала голос:

- Вот не любите вы меня, Эльдар Сергеич. Двое перваков! Чем я заслужила?

- Марго, королева моя, я тебя люблю всем сердцем, - дурашливо признался Эльдар, и это было так мило, что даже краснелица Гольцова не могла не улыбнуться. Второкурсники расхохотались, а Марго с нарочито пристыженным видом спряталась за спинку кресла. -

Но общежитие не резиновое, и ты это знаешь. Ладно. Завтра в девять в актовом зале торжественное собрание, кто не придет, будет наказан мною лично. Кстати, прошу любить и жаловать, - широким жестом Эльдар указал на Черникова, который явно захотел последовать примеру Марго и спрятаться куда-нибудь подальше. - Александр Александрович Черников, инспектор министерства образования плюс спецкурс по алгебре и началам анализа.

Студенты издали дружный стон грешников на сковородке. Судя по всему, в колледже учились сплошные гуманитарии. Эльдар вскинул руку, призывая к тишине.

- И еще, - сказал он. - Второй курс, это касается вас. Даже не думайте хвалиться мастерством перед вновь прибывшими. Накажу, и очень строго.

Долговязый парень, сидевший с поджатыми ногами на колесе, опустил глаза и спрятал левую руку в карман.

Карина видела, что он гонял между пальцев серебряный шарик, рассыпавший по сторонам мелкие брызги света.

В комнате, кроме Карины, Гольцовой и Марго, была и четвертая соседка, высокая и тощая. Когда девушки зашли в комнату, четвертая, лежавшая на кровати с книгой, дружески поздоровалась с Марго и устало сказала:

- Я Елена. Природный знахарь, если вам это о чем-то говорит. Очень прошу меня по фигне не дергать.

Карина сбросила вещи у кровати, выбрав скромную койку у окна - Гольцовой досталось неудобное место почти у двери, но плакса, вопреки ожиданиям, не стала протестовать - и сказала:

- А я Копылова. И не люблю, когда на меня с ходу наезжают.

Елена отложила книгу и смерила новую соседку неприятным оценивающим взглядом.

- Чурка, что ли?

Карина вспыхнула, как спичка.

- Сама ты чурка, слышь! - рявкнула она так, что отдалось по всей общаге. - Кто тут тебе чурка?!

- Девки, алё, - сдавленно сказала Марго: согнувшись в три погибели, она запихивала пакет с одеждой под кровать. - Чего вы с полпинка-то завелись? Пошли лучше вон примем за встречу.

- Смирнов же запретил, - Гольцова сидела на кровати и то и дело проводила по щекам ладонями. Карина только сейчас увидела, какая она хрупкая и маленькая. Елена с надменным видом отвернулась от первокурсниц и снова открыла книгу.

- Да ладно, - отмахнулась Марго. - Три капли-то сам бог велел. Мань, да ты чего разнюнилась-то?

- Я не хотела, - всхлипнула Гольцова. - Я не хотела сюда... Ой, какая я дура, Господи... У бабушки инсульт случился...

- А ты ее вылечила, - утвердительно сказала Елена, не оглядываясь. Гольцова отрицательно мотнула головой.

- Нет... Время. Тогда что-то произошло со временем. Я как будто фильм в голове перемотала. И дала ей таблетку...

Марго плюхнулась на пол и уставилась на новую соседку так, словно Гольцова была анекдотическим негром с тремя головами. Карина задумчиво ковыряла лак на ногте указательного пальца.

- А потом этот Смирнов пришел. И сказал... что либо я еду с ним сюда, либо меня завтра же заберут в дурку. Потому что это магия без лицензии, - Гольцова шмыгнула носом. - Я не хочу никакой магии. И Смирнов этот... гад.

- Он не гад, - откликнулась Елена и добавила жестоко и хлестко: - Он жизнь тебе спас, дура.

- Это пипец, девки, - подала голос Марго. - Мань, если ты время крутишь, то это... нет слов. Эльдарчик твой куратор, да?

Значит, она действительно талантлива, подумала Карина с интонациями Черникова, когда Маша кивнула. Желудок стиснуло спазмом - то ли от голода, то ли от неприятного предчувствия.

- Псих он бешеный, ваш Эльдарчик, - проговорила Карина. - У меня из-за него заказ сорвался. Пять тыщ, девки.

Елена хмыкнула. Прикрыла книгу, используя вместо закладки палец, но так и не обернулась.

- Маргош, новье вообще борзое понаехало, - сообщила она. - Есть-то никто и звать никак, а уже с заказами. Пять тыщ... Ты на Эльдара-то рот не открывай. Заказ у нее сорвался, гляньте-ка...

Карина была готова вцепиться Елене в волосы, но в это время в дверь постучали, и в комнату заглянула немолодая улыбчивая женщина.

- Девочки, кто не занят, - сказала она. - Поможете немного в детской?

- Конечно! - Елена отложила свою книгу и пошла за женщиной с такой быстрой готовностью, какой Карина не ожидала.

Маша снова шмыгнула носом.

- Тут и детская есть? - спросила она. Марго встала с пола и, расстегнув сумку, вынула плоскую бутылочку коньяка.

- Есть. Для детей преподавателей. Вы вот что, девки, - сказала она, задумчиво глядя на бутылку. - Вы поймите правильно. Магов без лицензии никуда не сажают. Магов без лицензии убивают. Раньше было по-другому, теперь вот так.

И Карина, и Маша смотрели на нее с одинаково оторопевшим выражением.

- И Эльдар спас вам жизнь, когда сюда привез. Он вообще хороший мужик, жесткий, но хороший. Ленка-то чего так вскипишнула? Он ее считай с того света вытянул. Так что не надо, девки, пылких слов. И ты, Маняш, кончай реветь. Все, мамки-няньки остались дома. Тут жизнь по-взрослому идет.

Карина понимающе кивнула. В том, что дальнейшая жизнь будет интересной, она даже не сомневалась.

Столовая на первом этаже учебного корпуса уже работала: девушки взяли комплексный обед и уселись за столик у окна. Отпив компота, Карина посмотрела по сторонам и решила, что здесь вполне уютно. Несколько столиков были заняты: студенты ели и обсуждали завтрашний день. Где-то на улице играли на гитаре.

- Слушай, Марго, - сказала Карина, когда их тарелки со щами опустели. - А Эльдар что, мертвый?

Маша вытаращила глаза так, что они едва не упали в картошку. Карина бы не удивилась.

- Ой, Мань, ты что, шрамы не видала?

- Я не смотрела, - призналась Маша. - Я его боюсь, как не знаю что.

Марго отломил вилкой половину котлеты и щедро смазала ее горчицей.

- Там какая-то темная история, - сказала Марго. - Я до конца так и не знаю. А что?

Вопреки ожиданиям Карины, котлеты оказались вполне приемлемыми. Не та позорная соя, которой потчевали в гимназии. Прожевав свой кусок, она сообщила:

- Девки, ну вы же видели этого Черникова? Инспектор и математик. Я с ним на вокзале разговаривала, его аж перекосило, когда про Эльдара услышал, - Марго посмотрела по сторонам и жестом фокусника плеснула коньяка в стаканы из-под компота, и Карина продолжала: - Вот, и он сказал, что когда-то Эльдара убил.

Маша едва не подавилась котлетой, а Марго чуть не расплескала коньяк. Соседки уставились на Карину с искренним изумлением и страхом.

- Ты только Ленке про это не говори, - сказала Марго, взяв себя в руки. - А то она этому математику голову оторвет да в задницу засунет. Девки, ладно. Вздрогнули.

Коньяк был настолько отвратительным, что Карина правда содрогнулась, когда выпитое пушечным ядром рухнуло в желудок. Торопливо зажевав коньяк ароматной хлебной горбушкой, Карина прикрыла свой стакан ладонью: Марго собиралась разливать по новой.

- Я все. Надо на трезвую голову осмотреться, что тут к чему.

В столовую вошли двое парней и сразу же двинулись в сторону Марго. Интересная это была пара: один чуть ли не в два метра ростом, костлявый и загорелый, второй - бледный коротышка, который словно никогда не бывал на солнце. Марго по-мужски пожалала им руки и представила соседок.

- Новая смена. Карина и Маша. Вы как сегодня по поводу посидеть?

- Артем, - коротко качнул головой низкорослый, и Карина подумала, что главный тут именно он, а не его долговязый приятель. - Это Витовт. Привет, девчонки. Маргош, мы всегда за. Книжки получим и можем идти.

Карина хмыкнула. Надо же, Витовт. Человеческие имена разобрали, что ли?

- А Ваня приехал уже? - осведомилась Марго и, когда Артем кивнул, промолвила: - Да, лучше сегодня сходим, а то там толпа завтра будет.

Библиотечный корпус очень понравился Карине: она никогда не была заучкой, которая дальше учебников ничего и видеть не хочет, однако здесь, среди бесчисленных полок, заставленных книгами, журналами и связками газет у нее почему-то появилось чувство, что она попала именно туда, куда нужно - не домой, но в то место, где будет хорошо. Библиотекарь выдал ей стопку новеньких учебников по русскому, английскому, алгебре, истории и литературе; расписавшись на грязно-сером листке формуляра, Карина поинтересовалась:

- А по колдунству ничего?

Библиотекарь одарил ее лучезарной улыбкой и сказал:

- По колдунству вам преподаватели задачки раздадут. А лекции записывайте сами.

На бейджике, приколотом на простую черную футболку без рисунка, было написано просто «Иван». Карина улыбнулась в ответ - этот Иван в самом деле казался неплохим парнем, свойским в доску - и, взяв книги в охапку, вышла в коридор, где уже толпились студенты, а Марго с Машей ждали ее возле окна.

- План такой, - сказала Марго, когда они покинули библиотеку и отправились в общежитие. - Сейчас книги положим, берем что-нибудь с длинным рукавом и под задницу постелить и идем в лес. Посидим, пообщаемся, лето проводим, - она выразительно пощелкала пальцем по шее.

- Смирнов в лес не велел, - напомнила Маша. Марго отмахнулась.

- Ну так мы и не в лес, а на опушку. Манюнь, да не трясись ты. Все туда ходят, и погулять, и посидеть. У ребят все готово, и шашлычок, и коньячок.

На скамеечке возле главного корпуса сидел Эльдар в компании с Еленой – что-то рассказывал, доброжелательно улыбаясь и выводя указательным пальцем какие-то знаки на ее раскрытой ладони, и соседка, которую Карина мысленно успела окрестить ледышкой и черствой коркой, смотрела на него с тем странным обожанием, которое Карине довелось увидеть всего один раз: в нем не было ничего от любви, и этот непонятный трепет, как ей вдруг подумалось, был больше свойственен смерти, чем жизни. «Не дай бог...», - почему-то решила Карина и сказала:

- Что за ребята? Артем и этот... Витовт? У нас троллейбусы в городе ездят, тоже «Витовты».

Судя по тому, как покраснела Маша, Витовт пришелся ей по душе. Правильно, нечего время терять. Учеба само собой, а дело молодое – оно такое.

- Они самые, - кивнула Марго. – Еще Егор будет. Девки, вы вот что. Егор парень классный. Но со странностями. Вы при нем про кошек только не говорите, он психовать начинает.

- У меня кот дома остался, - пискнула Маша. – Британский голубой.

- Вот и молчи, - посоветовала Марго. – А то разведешь мимими. Кошка для рарога это что-то вроде противника. Так что помалкивай.

- Рарог это что? – поинтересовалась Карина.

- Увидишь, - со сдержанной загадочностью ответила Марго. – Он всегда показывает.

Когда девушки, переодевшись по-походному и затарившись в столовой пакетом пирожков, вышли на дорожку, ведущую в сторону леса, солнце уверенно сползло в закат, а от зданий потянулись синие тени, и откуда-то ощутимо веяло холодком. Читальный зал библиотеки был ярко освещен, и Карина увидела молодую женщину, склонившуюся над учебником. Перед ней на экране раскрытого ноутбука плавали какие-то старинные портреты и карты дальних стран. Иван расположился рядом и что-то задумчиво выискивал в планшете – Карина мельком подумала о библиотекаре с искренним теплом.

Сперва широкая и утоптанная, тропинка постепенно становилась все тоньше, и, чем ближе становилась стена леса, тем больше казалось, что идущие углубляются в какой-то сказочный мир, где позолоченные солнцем сосновые стволы – это колонны неведомого храма, а в траве, еще по-летнему сочной и яркой, резвятся феи. Марго была права: углубляться в лес не пришлось – на опушке уже был расставлен мангал, и Витовт колдовал над шампурами, нанизывая аккуратные кусочки мяса с кольцами лука и перца. Артем, сидевший на поваленном дереве, предусмотрительно накрытом пледом, приветственно вскинул руку.

- Девчата, эй! Сюда!

Из-за деревьев вышел еще один парень, видимо, тот самый рарог Егор, задумчиво перекатывавший в ладонях огненный шарик. Когда девушки подошли ближе, он прицельным ударом отправил шарик в мангал, и угли сразу же лизнуло красивым ровным пламенем.

- Значит, рарог – это маг огня? – сказала Карина, усаживаясь на импровизированную скамью. Егор улыбнулся и кивнул, но глубокая складка между его бровей не разгладилась.

Через полчаса, когда все перезнакомились, выпили по стаканчику коньяка за встречу, удачный новый учебный год и вечную дружбу первого и второго курсов, а над опушкой заструился настолько ароматный чад, что на него должна была сбегаться вся общага, Карина обнаружила, что ее развезло от выпитого – настолько, что она сидит у Егора на коленях, он вполне по-свойски ее обнимает, а застольная беседа ведется вокруг весьма оригинальной темы.

- Вообще я сам местный, дербенеvский, - рассказывал Артем. Маша смотрела на него во все глаза, не забывая, впрочем, прикладываться к стаканчику. - И хотите, верьте, хотите, нет, но в поселке никто и подумать не мог, что Мовсесян маньячит. Ни единая душа не подозревала. Работал он, простите за выражение, дамы, дерьмочистом, ездил да вонял. Но деньги зарабатывал хорошие.

- Может, поэтому к нему не присматривались, что вонял? - предположила Карина. Объятия Егора были настолько теплыми и уютными, что ей хотелось остаться в них навсегда, и чтобы этот тихий, уже осенний вечер не заканчивался.

Артем пожал плечами.

- Может, и поэтому. Зато потом стало интереснее, - он ковырнул кусок мяса пластиковой вилкой, но есть не стал. - В общем, ровно через неделю после расстрела его моя учительница видела. Ксана Петровна. Шла от надомника домой, дело было вечером. И Мовсесян стоял возле ларька, прямо под фонарем. Не перепутаешь - у него фигура приметная была.

- С горбом, - добавила Марго. Витовт протянул ей еще один шампур, но она отрицательно покачала головой.

- Ксана Петровна до дому бежала - все рекорды побила, - продолжал Артем и признался: - Я бы еще быстрее бежал, честно. Разговоры пошли самые разные. Кто-то говорил, что Мовсесяна даже из ада выгнали, не потерпели. А кто-то - что его не убили, а выпустили под особое наблюдение. Тетка моя уверена, что он живой мертвец. Тоже видела: стоит на углу, смотрит, и поди знай, о чем думает.

- Живой мертвец у вас тут уже есть, - сказала Карина, и Марго посмотрела на нее так выразительно, словно советовала придержать язык за зубами. Артем кивнул.

- Эльдар Сергеич его тоже видел. А нам не говорит, что там на самом деле. Может, просто мерещится, может, это привидение.

Солнце давно скрылось за деревьями, и мягкий золотистый сумрак постепенно стал серым, печальным, словно присыпанным пеплом. Умолкли птицы, возившиеся на ветвях, стих ветер, задумчиво перебиравший листья. В общежитии горели почти все окна - студенты готовились к завтрашнему дню, разговаривали, вспоминали родной дом, но для шестерых, сидевших на опушке, колледж был почти в другом, недостижимом мире. Откуда-то издали доносились скрипы и шорохи, будто кто-то огромный, выше сосен, шел через лес. Карина поежилась, чувствуя неприятное, липкое прикосновение какой-то первобытной жути, и сказала:

- Нагнал ты страху, брат.

Артем собрался было ответить, но в это время опушку озарило светом, вырвавшимся из-за деревьев. Длинная лента огня ударила в мангал, охватив уже уснувшие угли, и Егор, едва не уронив Карину с коленей, обернулся и воскликнул:

- Эльдар Сергеич! Ну е-мое!

Это действительно был Эльдар - он выбрался из-за деревьев и присел на бревно.

- Я что вам про лес говорил, первый и второй курс? - мягко осведомился он, задумчиво срывая травинку. - Про пить-курить я что вам говорил?

- Что нельзя, - подала голос Маша. Витовт сориентировался быстрее всех и, отделив от пластиковой трубы стаканчик, плеснул в него коньяка и протянул куратору. К искреннему удивлению Карины, Эльдар от студенческого угощения не отказался - выпил, даже ухом не повел.

- А раз нельзя, то Михай, Копылова и Гольцова получают недельную отработку, - сообщил он. - После пар жду вас в оранжерее, там работы - непочатый край. В любое время года. К вам, молодые люди, это тоже относится.

Собравшиеся издали дружный разочарованный вздох, но спорить и что-то доказывать никто не отважился.

- Эльдар Сергеич, а расскажите про Мовсесяна, - попросил Витовт. - Что там все-таки случилось?

Эльдар пожал плечами. Некоторое время смотрел, как в глубине мангала перебегают тихий огонь, а угли затягивают пеплом.

- Иногда, когда человек умирает, - задумчиво произнес он, наконец, и Карина как-то сразу поняла, что куратор ведет речь о собственном опыте, - его оболочку занимает *нечто*. На несколько дней, на месяц, по-разному. Зависит от того, какие именно цели у этого *нечто*.

Студенты слушали его, затаив дыхание. Задумчиво пожевав травинку, Эльдар продолжал:

- Насколько мне известно, Мовсесян не просто так убивал тех женщин. Он ставил над ними опыты. Например, сколько проживет отделенная от тела голова, если стимулировать мозг при помощи определенной смеси трав и минералов. Мовсесян пытался достичь бессмертия - своеобразного, конечно. Полагаю, у него это получилось. Думаю, нечто, занимающее его оболочку, ждет результатов эксперимента. Что оно будет делать потом - вот загадка поинтереснее.

Он замолчал, и над опушкой повисла непроницаемая тишина, накрывшая всех тяжелым холодным покрывалом. От деревьев тянуло туманом. Огонь в мангале погас, и Карина думала, что сейчас отдаст все на свете, лишь бы оказаться в общежитии, в теплой и светлой комнате, где за стеной кто-то играет на гитаре, в коридорах ходят и разговаривают, а с кухни тянет запахом пригоревшей гречки.

- Как же он выбрался из могилы? - еле слышно прошелестела Маша.

- Ему помогли, - просто сказал Эльдар. - Таких интересных экспериментаторов очень любят спецслужбы, - он снова сделал паузу и после добавил: - Черников здесь не просто так. Я вам искренне советую: будьте

на чеку, когда он рядом.

- Мне он советовал то же самое, - негромко промолвила Карина, - когда говорил о вас.

Все, кроме Эльдара, посмотрели на нее настолько выразительно, что Карине вдруг захотелось проглотить язык и никогда больше не ляпать чего ни попадя. Эльдар осанисто повел плечами и поднялся.

- Правильно советовал, в принципе, - сказал он. - Но если у вас тут есть друг, то это я. Так что бояться вам лучше все-таки Черникова, а не меня. Черт знакомый лучше незнакомого.

Произнеся эту в высшей мере нравоучительную сентенцию, он бесшумно двинулся по тропинке в сторону общежития, давая понять, что разговор окончен. Быстро собрав пожитки и залив угли в мангале остатками минералки, компания двинулась за ним, и, хоть Эльдар шел неторопливо, мягким прогулочным шагом, ребята догнали его уже возле библиотеки. Мир здесь был привычным и спокойным: уже почти стемнело, вдоль дорожек зажглись изящные фонари, и студенты сидели на лавочках и прямо на траве, слушали музыку со смартфонов, смеялись, кто-то играл на гитаре - все страхи леса остались позади, но, следуя за Эльдаром и понимая, что она в полной безопасности, Карина все равно боялась обернуться, словно восставший из мертвых маньяк стоял на опушке и ждал, когда она посмотрит на него.

- Эльдар Сергеевич, - окликнула Карина. - А этот Черников - он кто?

Марго ощутимо толкнула ее в спину: мол, придержи ты уже язык! Однако Эльдар обернулся и ответил:

- Инспектор особого отдела при Министерстве образования. Знающий маг второго посвящения. Еще вопросы будут?

Карина подумала, что Марго наверняка даст ей еще одного леща, если она снова откроет рот не по делу, и с максимально возможным смирением отрицательно помотала головой.

Рароги, знающие маги – для одного дня это было все-таки слишком много.

- Тогда ужинать, на горшок и в люлю, - приказал Эльдар и, когда студенты согласно кивнули, прибавил шага, словно хотел показать, что от него уже пора отцепиться.

От ужина с новыми знакомыми Карина отказалась: хмель сошел, и она решила, что надо заняться делом. Возле входа в библиотеку висела табличка с расписанием, гласившая, что здание открыто с десяти утра до последнего посетителя. Изнутри раздавались голоса; Карина вошла в библиотеку, нанизала пропахшую шашлычным чадом ветровку на крючок в раздевалке и отправилась в читальный зал.

Давешняя миловидная женщина, блондинка с туго заплетенной длинной косой, по-прежнему корпела за столом, и было видно невооруженным глазом, что занятия утомили ее до смерти. Иван все так же сидел рядом, только уже не возился с планшетом, а с аппетитом поглощал пирог. Аромат клубники и ванили перебивал даже сухие запахи книжной пыли. Перед блондинкой тоже стояла тарелка с солидным ломтем пирога, но она к нему так и не притронулась.

- Привет! – сказал Иван, беззастенчиво и со смаком слизывая с пальцев розовый крем. – С каких краев вы в нашу даль?

- Привет, - в тон ему откликнулась Карина. – Липецкие мы. А у вас есть что-нибудь типа «Введения в магию»?

Блондинка завела глаза похлеще известного героя демотиваторов.

- Мы тут уже от введения во всеобщую историю не знаем, куда деваться, - заметила она, откинувшись на спинку стула и вздохнула: - Все, с меня хватит.

- Введения в магию у нас нету, - с таким искренним сочувствием сказал Иван, что Карина не могла не улыбнуться, настолько он был славный. – Потому что нет такой науки, как магия. А тебе что именно надо узнать?

Карина села за соседний стол и поинтересовалась:

- Например, знающие маги – это кто?

Блондинка вопросительно изогнула бровь.

- Я, пожалуй, тоже послушаю, - сказала она. Иван устроился поудобнее и с видом знатока произнес:

- Дипломированные маги, дорогие сестрицы, имеют две ступени в ранге. Маг или ведьма – это первая ступень. Вам, - он указал на Карину, - ее присвоят после третьего курса, если экзамены сдадите. Грубо говоря, это диплом о высшем образовании. А вторая ступень – это и есть знающие маги. Туда мало кто добирается.

- Типа доктора наук? – предположила Карина и, когда Иван кивнул, спросила: - А Эльдар Сергеевич знающий маг?

Блондинка посмотрела на нее с нескрываемым неудовольствием, словно Карина спросила о том, о чем вообще не имела права вести речь. Иван ухмыльнулся, и фикса в его рту сверкнула серебром.

- Семнадцатая, - сказал он. – Ты сегодня семнадцатая что-то спрашиваешь про Эльдара. Еще две таких, и рекорд побьете.

Карина делано надула губки.

- Любопытно все-таки. Он мой куратор, к тому же...

Ответить Иван не успел: снаружи раздался рев такой силы, что зазвенели стекла. Следом раздалась хлопки. Карина не успела понять, что происходит, почему вдруг стало темно, и откуда идет этот мелодичный нарастающий звон – Иван сориентировался мгновенно, столкнув ее со стула в проход между столами. Уже потом Карина поняла, что лампы на потолке взорвались, осыпав читальный зал стеклянным дождем – точно так

же, после того, как все закончилось, она смогла воссоздать последовательность событий: на какое-то время стало тихо, и Иван сдавленным шепотом приказал: «Девчат, на улицу, быстрее» - Карина на карачках выползла из зала и, поднявшись на ноги в коридоре, побежала так, как не бегала никогда в жизни. Почему-то в тот миг она была уверена, что началось землетрясение, и весь студгородок сейчас сложится, как карточный домик.

Сумерки были пронизаны лунным светом и наполнены криками. Все кругом вопили, все куда-то бежали, и Карина побежала тоже, в сторону главного корпуса. Со стороны леса разливалось тусклое бледно-голубое свечение - это был странный, неживой свет. Потом Карина услышала женский вопль:

- Первый курс! Первый курс, в общежитие! - и, развернувшись, кинулась было туда, куда велено было бежать, но поскользнулась на дорожке и упала на газон, задохнувшись от боли, прострелившей ногу. Потом она увидела бегущего Эльдара, и дыхание перехватило уже от удивления и страха. Куратор неся от общежития и резкими рваными движениями словно бы сбрасывал с себя человеческое тело: р-раз! - и на месте левой руки в сторону с влажным хрустом выстрелило темное перепончатое крыло; еще один рывок - и по траве стегнул шипастый хвост. Миг - и в воздух над студгородком взмыл двуглавый дракон, ринувшись к лесу, туда, откуда доносилось нервное громкое пощелкивание.

Второкурсники вместе с преподавателями бежали туда, куда летел ящер. Среди бегущих людей Карина заметила Черникова - его практически волок за собой толстый усатый армянин, и инспектор Министерства образования сейчас пребывал в некоем подобии транс. На кончиках пальцев у него вспыхивали и гасли голубые искры. Карина смогла встать и увидела, как от леса надвигается туман - именно он был источником так напугавшего ее света. В тумане копошилось, стучало множеством мосластых ног, злобно шипело и извивалось бесчисленное тараканье воинство - светящиеся тараканы были ростом с хорошо откормленную свинью, и Карину едва не вырвало от отвращения. «Мы же были там полчаса назад», - оторопев, подумала она, и в это время земля содрогнулась, а дракон заревел и исторг из пастей столпы яркого оранжевого пламени. Ползущий строй тараканов разбросало во все стороны огненными брызгами, словно шахматные фигурки с доски, и Карина ощутила их вонь - выворачивающий наизнанку смрад протухшего мяса и гнилого бучила. На какой-то миг остальные нападавшие застыли, словно поняли, что им дают отпор, но затем тараканы снова двинулись вперед с маниакальной настойчивостью существ, которых чья-то невидимая воля посылает на неминуемую смерть.

Егор тоже был там: теми же легкими непринужденными движениями, которыми недавно он поджигал уголь в мангале, рарог метал мелкие огненные шары в тараканов, почему-то поражающие цель с глухим тяжелым стуком. Зловоние становилось невыносимым; усатый армянин, подтащивший Черникова почти вплотную к тараканам, вдруг выбросил из рук такой огромный сноп белых искрящихся молний, что практически все насекомые растаяли, а туман испуганно подался назад, втягивая мелкие дымные щупальца за стволы сосен.

- Сдохни, падаль! - прокричал чей-то звонкий, дрожащий от возбуждения голос. - Сдохни!

Один из тараканов, мелкий и юркий, харкнул в Егора дымящимся сгустком слюны. Рарог увернулся, и сгусток, прокатившись по земле вонючим шаром, разбрызгался по траве. Карину схватили за руку и потащили к общежитию - это была та самая блондинка из библиотеки. Судя по ее побелевшему, но решительному лицу, она смогла совладать с паникой.

- Бежим! - услышала Карина ее голос, а потом горячий кулак стукнул девушку между лопаток, и Карина свалилась на дорожку, даже не успев понять, что падает.

- Тихо, тихо. Не дергайся, больно будет.

«Не хочу открывать глаза», - подумала Карина. Тихая тьма обморока, в которой она плавала большим серым китом, была гораздо приятнее реального мира, в котором существуют драконы и светящиеся тараканы.

- Да не дергайся ты!

Ей действительно стало больно – так, что Карина открыла глаза и со сдавленным шипением села на койке. Елена, сонная, сердитая, в белом халате поверх спортивного костюма, с неудовольствием произнесла:

- Сейчас попустит.

Карина огляделась – похоже, она угодила в лазарет. Белые койки, отделенные друг от друга раскрытыми планками жалюзи, запах лекарств, негромкие голоса, теплый мягкий свет небольших ламп, отражавшийся в сверкающем кафеле пола... Откуда-то отвратительно несло горелым – должно быть, из самого дальнего угла, где за стенкой жалюзи ворочалось и сдавленно стонало что-то огромное. Елена встала и, удовлетворенно кивнув, приказала:

- Теперь лежи. Спи.

- Лен, а что это было? – негромко спросила Карина. Соседка поджала губы.

- Прорыв, – сказала она, и по ее виду было понятно, что Елена сейчас не собирается вдаваться в подробности. – Бывает. Спи.

Карина кивнула и попробовала улечься поудобнее, но спину тотчас же окатило такой волной жгучей боли, что девушка не удержала слез. Елена помогла ей устроиться на кровати так, чтобы не задевать раненого места и снизошла до объяснения.

- Тхаамор в тебя плюнул. Ничего, я все счистила, доживет до свадьбы.

- Спасибо, – испуганно прошептала Карина. Вот, значит, как называются эти тараканы... Карине хотелось, чтобы соседка поняла, насколько она признательна за заботу, но никакие слова не шли на ум, и Карина смогла только повторить: - Спасибо, Лен. Все живы?

Елена кивнула.

- Да. Завтра собрание не в девять, а в час. И лекций не будет.

Карина не могла не улыбнуться – нет худа без добра. Елена улыбнулась на прощание и неслышно удалилась. Вздохнув, Карина закрыла глаза. Сейчас ей больше всего хотелось уснуть, чтобы воспоминания об этом невероятно долгом дне стали мягче, сгладились и не так язвили. Конечно, о том, как мирный вечер вдруг стал полем боя, не забудешь вот так сразу, но, может быть, станет не так больно думать о нем.

Когда Карина почти провалилась в пуховую перину сна, ее вдруг наотмашь хлестнула мысль: а ведь Эльдар был в лесу за полчаса до Прорыва. Чем он там занимался?

Глава 3

Первое сентября

Эльдар и Ваня вернулись в блок за полночь: разговаривали о произошедшем с коллегами и успокаивали перепуганных студентов. Люда сидела на диванчике в гостиной, задумчиво глядя в томик рассказов Куприна, но не могла заставить себя перевернуть страницу. Чашка чаю, стоявшая на столе рядом, так и осталась нетронутой.

Тхааморы, сияющие тараканы, были реальны. Как и человек, умеющий превращаться в дракона. Как и юноша, почти мальчик, швыряющий сгустки пламени. Мир, конечно, познаваем, но видит Бог, это было слишком. Люда не знала, чего хочет: то ли собирать вещи и пешком отправляться в Дербенево, чтобы уехать отсюда на первом же автобусе, то ли остаться в сказочной стране, пусть сказки и страшные. Когда ее соседи, негромко переговариваясь, вошли в блок, она уже приняла решение.

- Так, а это что такое? – с ходу спросил Эльдар. Его посеревшее лицо казалось

высеченным из камня: ни одной эмоции. Ни единой. Только усталость.

- Что? – вопросом на вопрос ответила Люда. Ваня ткнул указательным пальцем в сторону соседки и ответил:

- Да на плече у тебя.

Люда покосилась на свое левое плечо и только сейчас заметила, что батник там прорван, и клетчатая ткань пропиталась кровью. Эльдар подошел и без всяких церемоний стал рассматривать рану: теперь, когда к ней прикоснулись твердые ледяные пальцы, Люда почувствовала боль, как от ожога.

- Плюнул? – устало спросил Ваня. Эльдар кивнул.

- Да, но почти не задел. Сейчас прочистим, будешь, как новенькая.

Люда ощутила мгновенную слабость в ногах и странную тошноту. Значит, эта тварь все-таки зацепила ее – а она тогда подумала, что основной удар пришелся на зазевавшуюся первокурсницу, у которой ядовитый плевок тхаамора обварил всю спину. Девушку надо было вести в общежитие, и Люде как-то даже не пришло в голову позаботиться о себе...

Ваня принес из комнаты коробочку с какими-то мелкими темными пузырьками, такой алхимический набор в миниатюре, пластиковый стаканчик и вскрытый тюк ваты, и Эльдар, приказав Люде снимать рубашку, принялся со знанием дела смешивать дурно пахнущее зелье. Увидев, что она искренне смущена, он нахмурился и произнес:

- Свои люди, Людмила Васильевна, стесняться нечего. А плевок тхаамора – это как яд у паука. Размягчает мясо и медленно превращает в питательный супчик.

Люда чуть не выпрыгнула из батника. Эльдар довольно кивнул и принялся медленно, с усилием протирать ссадину на плече – маленькую, чуть больше ногтя.

- Легко отделалась, - сказал Ваня. Он плюхнулся в кресло и, заложив руки за голову, сообщил: - Геворг Ашотович, кстати, сказал, что если хочешь, то завтра можешь ехать домой. По большому счету это не твои проблемы. Неустойку он выплатит.

Эльдар молчал. Сосредоточенно вкручивал ватную подушечку в ссадину. Отвратительный запах зелья вдруг стал легким, в нем появились отчетливые жасминовые нотки.

- А если я не захочу? – спросила Люда, обернувшись к Эльдару. По его губам скользнула почти незаметная улыбка, но Люда все же увидела ее и почему-то обрадовалась.

- Тогда со второго числа начнешь вести пары, - промолвил Эльдар и убрал вату. - Все, отдыхай.

Сказать это было проще, чем сделать. До рассвета Люда проворочалась в кровати, то проваливаясь в сон, то выныривая на поверхность, и, когда ровно в семь зазвонил будильник, Люда невольно вздохнула с облегчением и отправилась на кухню варить кофе.

Время до торжественного собрания пролетело незаметно. Прическа, в меру строгая, в меру легкомысленная, почти незаметный макияж, платье, привезенное специально для праздников – приготовившись и посмотрев на себя в зеркало, Люда увидела очаровательную молодую женщину с лукавым блеском в глазах, мягкой улыбкой и готовностью свернуть горы. Что ж, она решила остаться в сказочной стране, ее новые друзья этому рады, значит, все будет хорошо.

Актный зал был полон. Преподаватели заняли первый ряд, первокурсники, робкие, разодетые в пух и прах, испуганно теснились на галерке, второй курс, повидавший разные виды, сидел в центре настолько важно, что Люда не могла не улыбнуться. Заметив впереди растрепанные дреды Вани, Люда прошла к нему и едва сдержала смех: библиотекарь оделся в строгий костюм с дорогим и стильным галстуком, и контраст с неформальной прической был, мягко говоря, забавным.

- А ты не смейся, не смейся, - сказал Ваня, когда Люда села рядом. - Праздник есть

праздник.

Люда заметила, что на нее смотрят с искренним уважением. Поймав взгляд болтливой толстوشки, которая ехала с Людой в колледж, Ваня негромко пояснил:

- Тебе всеобщий респект. Человек без способностей не задал деру, а помогал другим, да еще и остаться решил. Реальная вещь.

Люда пожала плечами. Она не видела ничего особенного в том, что вчера приволокла раненую студентку в общежитие и сдала на руки комендантше. Посмотрев по сторонам, Люда нашла пострадавшую девушку среди студентов; та поймала ее взгляд, улыбнулась и помахала рукой.

- Эльдара девочка, - сообщил Ваня. - Некромаг.

Люда решила не уточнять, что это – тем более, что в зал вошла ректорская группа, возглавляемая Гамряном. Эльдар, очень серьезный, очень солидный и какой-то отстраненный замыкал шествие. Люда смотрела, и ей казалось, что этот человек не имеет ничего общего с ее соседом по блоку. Вошедшие заняли места в президиуме, Гамрян, бегло переговорив с чернявым молодым мужчиной, державшим левую руку на перевязи, вышел к микрофону и, откашлявшись, произнес:

- Добрый день, дорогие друзья.

Разговоры моментально стихли – теперь все, кто был в зале, не сводили с Гамряна глаз. Эльдар, сидевший за столом с краю, надел очки в тонкой золотой оправе и принялся перелистывать какие-то бумаги в своей папке. Чернявый смотрел в его сторону с таким странным выражением, что Люда поморщилась.

- Поздравляю вас с началом нового учебного года, - продолжал Гамрян. – Все мы, и преподаватели, и сотрудники, сделаем все, от нас зависящее, чтобы вы, - он сделал небольшую паузу, словно старался как можно тщательнее подобрать слова, - в сложившейся ситуации получили не только качественное образование, соответствующее всем стандартам, но и максимально проявили заложенные в вас способности.

По залу прошла легкая волна шепота и стихла.

- Вы все поступили в колледж социальных инноваций не случайно, - произнес Гамрян. – Каждый из вас по-своему талантлив, и мы поможем вам раскрыть ваши таланты. Я гарантирую, что серьезная учеба позволит вам всем стать посвященными ведьмами и ведьмаками после защиты диплома.

Люде казалось, что слова о ведьмах и ведьмаках прозвучат в современном зале как минимум неестественно – однако этого не произошло.

- Сейчас я передам слово моему коллеге, проректору по воспитательной работе Смирнову Эльдару Сергеевичу, - Гамрян отступил от микрофона, и подошедший Эльдар, задумчиво сняв очки, произнес:

- Давайте считать официальную часть законченной. Задавайте вопросы, они у вас наверняка есть. Постараюсь ответить максимально честно.

Ваня усмехнулся и покачал головой. Люда подумала, что Эльдар сейчас выступит чем-то вроде громоотвода для Гамряна. Или же у них тут разделение труда? Ректор говорит и напутствует, проректор решает конкретные задачи?

- Я хочу домой, - негромко, но отчетливо произнесла маленькая светловолосая девчушка с галерки. – Я хочу уехать домой... Отдайте аттестат, я не буду тут учиться...

Выдавив это, она расплакалась, и соседки принялись негромко втолковывать ей что-то успокаивающее. Эльдар вздохнул.

- Мария, вы не сможете этого сделать. Ситуация в обществе такова, что любой человек с магическими способностями, не имеющий лицензии, будет изолирован и устранен в кратчайшие сроки. Вы этого хотите?

Девчушка всхлипнула, провела ладонью по щекам и отрицательно помотала головой.

- Замечательно, - сухо сказал Эльдар. - Скажу первому курсу и напомним второму: то, что вы здесь, дает вам возможность выжить. Раньше магов жгли на кострах. Сейчас, насколько я знаю, делают инъекции. Общество не любит тех, кто выделяется. Наш колледж - возможность для общества надеть хоть какой-то ошейник на магов, систематизировать их и вести учет. И возможность жить дальше - для магов. Жить и очень хорошо зарабатывать. Это понятно?

Молчание было ему ответом. Потом девушка, которую Люда вчера волокла в общежитие, подняла руку и, дождавшись кивка Эльдара, спросила:

- Эльдар Сергеевич, учиться-то сложно тут?

Сидевшие в президиуме заулыбались, обменялись короткими репликами.

- Сложно, Карина, - произнес Эльдар. - Но можно. Ангелина Гребенникова, ваш вопрос.

Ангелина, видная рыжеволосая девушка, о чем-то спрашивавшая соседку, села прямо и поинтересовалась:

- А что вчера было-то? Какой прорыв?

- Я ждал этот вопрос, - сказал Эльдар. - Современная физика говорит нам о возможности существования параллельных вселенных. Одна из них настолько плотно прилегает к нашему миру, что иногда оболочка между ними истончается, и тогда случается прорыв. Иногда он проходит без последствий. Иногда оттуда приходят приятные гости, вроде вчерашних. А бывает так, что тхааморы - милые домашние питомцы по сравнению с теми, кто вырывается сюда.

Карина сидела, сцепив руки на коленях - прямая, напряженная, как туго сжатая пружина. Люда поймала себя на мысли о том, что сидит так же.

- Бояться не надо, - мягко сказал Эльдар. - Это не самая плохая вещь на свете. А вот в лес пока не суйтесь. Узнаю, что ходили - выпорю собственноручно.

Люда подумала, что с него станется.

В высшей степени серьезное обещание Эльдара надрать задницу всякому, кто сунется в лес,нисколько не напугало Карину. Возле ректората уже вывесили расписание на завтра, и первокурсники дружно ныли: четыре пары, на первой алгебра и начала анализа, вторая и третья - русский язык и история, и замыкает сей достойный ряд практикум по введению в специальность.

- Слава богу, не физра, - заметила Карина, всей душой ненавидевшая физкультуру, и сказала Гольцовой, которая с крайне серьезным видом переписывала расписание в блокнот: - Мань, пошли в столовку. Разговор есть про Эльдара нашего свет Сергеича.

- Пошли лучше на улице посидим, - предложила Маша и добавила: - Народу много, мало ли, кто уши будет греть.

Карина не могла не признать, что это вполне разумное предложение.

Набрав в столовой пакет выпечки, они устроились прямо на газоне. Солнышко припекало совсем по-летнему, и можно было представить себя на милом пикнике. Карина почесала левую лопатку - наложенная в лазарете мазь практически залечила ожог - и сказала:

- Не реви, Мань. Ну что поделатъ, если и правда - мы за порог, а нам пулю в голову. Будем жить потихоньку, посмотрим, куда кривая вывезет.

Маша вздохнула, задумчиво рассматривая треугольную слойку с ветчиной и грибами.

- А если мы ничего не будем делать? Никакой магии? Как нас тогда вычислят?

Карина выразительно закатила глаза.

- Прямо, не будем. А если бабушку твою опять удар хватит? Не дай бог, конечно... - Карина энергично поплевала через левое плечо и, за неимением рядом деревяшек, постучала по собственной голове. - Ты точно не будешь просто так стоять да смотреть, - Маша угрюмо кивнула, соглашаясь, и Карина продолжала: - Так что правильно, в принципе, он все сказал. Сиди да учись.

Маша все-таки откусила от своей слойки и, прожевав, поинтересовалась:

- А о чем ты поговорить хотела?

Карина задумчиво провела ладонью по коротко стриженному затылку и собралась было рассказать о своих подозрениях по поводу Эльдара, но в это время к ним подошла Елена и крайне холодно промолвила, как обычно, не глядя в глаза:

- Слушайте, первачье. Я не буду разбираться, кто именно из вас оставил в комнате срач. Я просто предупреждаю: еще раз устройте подобное – я все ваше барахло вам в задницы позапихиваю. Это понятно?

Ледяной тон и полный презрения поворот головы сработали для Карины, как красная тряпка для быка. То, что эта светловолосая шишка на ровном месте вчера очищала рану, делала перевязку и заботливо устраивала Карину поудобнее на койке в лазарете, теперь не имело абсолютно никакого значения. Поднявшись с травы и полностью игнорируя предупредительный писк Маши, Карина уперла руки в бока и сообщила:

- Срача не было. Я оставила юбку на своей кровати, но это не срач. Кровать моя. Юбка моя. А ты рот прикрой. Не успела я заехать, как ты уже разгавкалась.

Подача в нос была молниеносной – Карина при всем желании не смогла бы ни увернуться, ни дать мерзавке сдачи. Не успела бы. Она и не предполагала, что люди могут двигаться настолько быстро. Раз! – и она уже валяется в траве, а над ней плавают белые пельменины облаков в синем небесном бульоне, из разбитого носа льется кровь, а ноги соседки как раз рядом – тощие, с плохо сбритыми светлыми волосками у правого колена, обутые в простенькие заношенные балетки.

В следующий миг Карина уже схватила Елену за щиколотку, дернула ее на себя и, когда соседка свалилась в траву, вцепилась ей в волосы. У Карины не было никакого опыта драк, хотя она нарывалась не раз и не два, а вот сейчас пожалуйста, все получилось.

Девушки вопили, катаясь по траве, таская друг друга за волосы и царапаясь, как две дикие кошки. Отборной нецензурщине, которой они, вереща на весь студгородок, поливали друг друга, позавидовал бы пиратский боцман. Студенты сбегались посмотреть на веселое зрелище, Маша с причитаниями бегала вокруг визжащего и матерящегося клубка, не зная, как растащить орущих и плачущих соседок, и кто-то радостно и возбужденно орал:

- Драка! Драка!

В конце концов, Карину обхватили чьи-то сильные руки и умудрились оторвать от исцарапанной соперницы. Карина визжала и отбивалась – схвативший не выпускал ее. Елена – жалкая, растрепанная, с наполовину оторванным рукавом копеечной блузки – отползла по траве, и в ее взгляде сейчас не было ничего, кроме испуганного сожаления.

- Лена, в свою комнату, - сдавленно приказал Эльдар: именно он умудрился разнять дерущихся. – Потом поговорим...

Карина взвизгнула и попыталась укусить его за руку – горячка боя еще не схлынула с нее. И тотчас же стало больно, да так, что в глазах помутилось. То ли это было заклинание, которым Эльдар огрел ее в наказание за драку, то ли он просто свернул ее в бараний рог и поволок прочь.

Она снова стала осознавать себя тогда, когда за ними хлопнула дверь. Первым пришел легкий запах тропических растений, воды и земли, потом послышалось мелодичное журчание ручейка, и Карина поняла, что они находятся в оранжерее. Эльдар осторожно поставил Карину на ноги, но не отпускал – держал по-прежнему крепко.

Пальма, под которой они стояли, развесила длинные листья, словно складки зонта. На мгновение Карине показалось, что где-то над их головами действительно идет дождь.

- Успокоилась? – спросил Эльдар. Рубашка, та самая, в которой он был на торжественном собрании, сейчас была расстегнута на несколько пуговиц, открывая жирные черви шрамов. Карина с брезгливым ужасом подумала, что человек, которого она ненавидит и презирает больше всех на свете, до сих пор крепко держит ее за предплечья, а в оранжерее, кроме них, ни одной живой души.

- Успокоилась? – с нажимом повторил Эльдар.

- А что она..? – начала было Карина и осеклась. – Я ничего... - и осеклась снова.

Хищные, карие с прозеленью глаза человека-дракона смотрели на нее так, что хотелось удрать как можно дальше. От Эльдара веяло легким древесным ароматом дорогого одеколona, Карина видела, как дрожит синяя жилка у него на шее, и не могла понять, что чувствует.

- Тебя отчислить? – глухо осведомился Эльдар.

- На здоровье, - выплюнула Карина. – Я этого и добиваюсь.

- Я вижу. Тебя убьют сразу же, как ты появишься на вокзале в Дербенево.

- А вам не все равно? – лицо почему-то стало влажным, и Карина растерянно поняла, что плачет. – Убьют и убьют...

- Нет, - ответил Эльдар и разжал руки. Несколько мгновений Карина еще чувствовала его прикосновение, а потом оно растаяло, и она отступила. – Нет, мне не все равно. Мы с тобой одной крови. И я не хочу, чтобы тебе сделали инъекцию. Или отдали охотникам.

- Охотникам? – переспросила Карина, на всякий случай, сделав еще один шаг назад.

Эльдар сунул руки в карманы, задумчиво покачался с пяток на носки.

- Да. Есть такое новомодное развлечение для богатеньких буратин. Как правило, охотятся они на таких вот молоденьких ведьмочек.

Карина почувствовала, как к щекам приливает кровь.

- Врете! – воскликнула она. Эльдар улыбнулся.

- Вру, - с легкостью согласился он. – Иди, готовься к занятиям. И обойдись без драк, очень тебя прошу.

Вздохнув с облегчением, Карина выбежала из оранжереи и направилась в общежитие. Странное давящее чувство не покидало ее, и Карина очень боялась дать ему название, потому что понимала: стоит ей назвать вещи своими именами, и она сгорит от стыда и отвращения к самой себе.

Лучше уж пойти в общагу.

Маша ждала ее, сидя в холле первого этажа, и, судя по выражению ее лица, думала, что Карину придется собирать по частям. Увидев соседку, она просияла и воскликнула:

- Ну как? Жива?

Карина показала ей большой палец.

- Жива и здорова. Мань, чего расскажу... ты упадешь!

Впрочем, когда они вошли в комнату, от удивления упала не только Маша. В фигуральном смысле, конечно: падать на загаженный пол, покрытый какой-то зеленоватой жижей, никому не хотелось. Что пол – мерзкой субстанцией были облиты и стены, и потолок. Забравшись на табурет, Марго возила по люстре тряпкой, напевая что-то под нос. Увидев соседок, она воздела руку с тряпкой к потолку и звонко и радостно пропела:

Allons enfants de la Patrie,

Le jour de gloire est arrivé!

Сползшая футболка, обнажившая крупную смуглую грудь, довершала сходство со Свободой, ведущей народ.

- Маргош, а что... - оторопевшая Маша сделала было шаг вперед, но тотчас же застыла на месте, борясь с подступающей рвотой.

- Твою дивизию... - растерянно промолвила Карина. Получается, белесая моль была права: срач в комнате действительно оказался знатным. Марго подтянула футболку на плечо и скомандовала:

- Девки, берите тряпки и вперед. Я тут одна до морковкина заговенья возиться буду, - вернувшись к оттиранию люстры, она сказала: - Ленка прибежала и сказала, что это ваша работа.

- Наша?! - от возмущения Маша даже забыла, что ее тошнит. Марго пожала плечами.

- Я сразу сказала, что первокурсники столько навалить не могут.

Карина зажала нос и рот ладонью и, взяв Машу за руку, выволокла из комнаты, чтобы на всех парах рвануть в туалет. Избавившись от съеденного и кое-как приведя себя в порядок, девушки взяли тряпки и уныло поплелись обратно.

- Это же дерьмо, Мань... - пролепетала Карина. - Самое натуральное.

- Это кто ж нам так подгадил? - только и смогла простонать Маша. Было видно, что сама мысль о возвращении в комнату, покрытую зеленой дрянью, внушает ей ужас.

Впрочем, вскоре выяснилось, что так повезло не только обитателям комнаты номер пять. Почти половина помещений общежития оказалась залита жижей, и студенты, вместо того, чтобы отдохнуть перед завтрашними лекциями и насладиться теплым вечером, провели время за уборкой. Когда комната совместными усилиями была приведена в порядок, Марго восемь раз спела все куплеты «Марсельезы», а вещи отправлены в прачечную, взмыленная и злая Карина плюхнулась на кровать, застеленную свежим бельем - завхоз сбился с ног, бегая по этажам то с ведрами, то с дезинфицирующим средством, то с одеялами и подушками - и поинтересовалась:

- Маргош, а Ленка-то где?

Марго, на которую бесплатный физический труд словно бы не оказал никакого воздействия, пожала плечами и включила в розетку электрический чайник.

- А я откуда знаю? Пришла, посмотрела и ушла.

- Знаю я, куда она ушла, - Карина разглядывала чистую, сверкающую комнату, и чувствовала, как голова начинает болеть от нарастающей ярости. Значит, они тут наломались за уборкой, как проклятые, а белобрысая дрянь взяла и смылась. - Мне она пошла морду бить. Мань, ну не сука, а?

Маша, которая лежала на кровати, бессильно раскинув руки в полном изнеможении, издала какой-то невнятный звук. После того, как они с Марго оттерли до блеска угол Лены, Маша упала на кровать, и по ее виду было ясно, что она не сможет подняться до самого Нового года.

- Мы тут пашем, как не знаю, кто, а она шатается невесть где, - продолжала Карина. - Маргош, это что, честно?

- Нечестно, - спокойно согласилась Марго. - Но откуда нам знать, где она? Мало ли... может, в детской с маленькими, может, Эльдару помогает...

Карина вдруг поймала себя на том, что у нее губы сжаты в ниточку, а ноздри раздуваются и дрожат от гнева.

- Ага, Эльдару... - медленно проговорила она. - Пойду и я им помогу.

С этими словами Карина поднялась с кровати и, разъяренно бормоча что-то неразборчивое, скрылась за дверью. Марго пожала плечами и вымолвила:

- Миро дэвэл, какие нервные все...

Маша не могла с ней не согласиться.

Карина тем временем поднялась на третий этаж, где жили преподаватели, и почти сразу же наткнулась на Эльдара - он выходил из мужского туалета с ведром в одной руке и с тряпкой в другой. Вид у него был угрюмый и очень уставший, наверняка, наломался с уборкой не меньше, чем Карина. Впрочем, сейчас Карина меньше всего была расположена его жалеть.

- Знаете, что, Эльдар Сергеевич, - сказала она, не тратя время на приветствия и предисловия. - Отселите-ка от нас Ленку. Она начала драку. И при ее отношении к людям это будет не последняя драка. Точно вам говорю.

Эльдар посмотрел на нее, как на умалишенную. Было видно, что он едва сдерживается, чтобы не обложить свою подопечную самым ядреным матом, какой только существует.

- Карин, не дури, - процедил он, наконец. - Лена нормально находит общий язык с людьми... Ершиться только не надо.

Карина смотрела на его шею, туда, где по знакомой синей жилке стекала капля пота, и понимала, что сейчас натворит таких дел, что потом не расхлебает. Но ее уже понесло, и остановиться она не могла при всем желании.

- Тогда меня отселите, - твердо сказала она, уперев руки в бока и слегка нагнув голову, словно хотела забодать куратора. - Говорю вам точно, это не последняя драка.

Тут Эльдар уже не выдержал. Грохнув ведро на пол, он рывкнул на Карину так, что по всему этажу отдалось:

- Не борзей! Я что, при каждом конфликте тебя отселять буду? Учись ладить с людьми, пригодится по жизни.

- Когда пригодится? - крикнула Карина. В конце коридора приоткрылась дверь, и кто-то выглянул, привлеченный шумом. - Когда на меня охотиться будут?

- А ты не доводи до охоты! Что ты на ровном месте проблемы создаешь?

- Я создаю?! - Карина вдруг поняла, что плачет. Напряжение последних дней, скопившееся где-то под левой грудью, прорвалось и стало выходить со слезами. - Я?! Я ее вообще не трогала! Мы с Манькой и с Маргошей всю комнату вычистили, а она смылась! Я ей что, рабыня?!

Во взгляде Эльдара что-то поменялось - возможно, он понял правоту Карины и протянул к девушке руку, попытавшись обнять и как-то успокоить. Но Карина завелась настолько, что толкнула Эльдара в грудь и, крикнув что-то неразборчивое, рванулась в сторону лестницы.

Эльдар только руками развел. Покачав головой, он подхватил ведро и пошел в свою комнату.

А Карина медленно спустилась на второй этаж и села на подоконник, там, где к стене была приклеена надпись «Место для курения». Сигарет у нее не было - Карина решила посидеть просто так, побыть в одиночестве.

Нечестно. Все это было как минимум нечестно. Она могла заработать пять тысяч на привороте с собакой - и не заработала. Ленка, дрянь, возвела на них с Машей поклеп, да еще и нос разбила, и вдобавок, куда-то смылась. Оставить бы ее угол в том зеленом дерьмище, чтоб попрыгала! И Эльдар этот, сволочь такая... Наорал на нее.

Карина шмыгнула носом. Откуда-то доносились звуки гитары и неровное пение. Вот,

люди уже отмечают, а она сидит тут, как сова в дупле. От обиды в носу снова зашипало, и притихшие было слезы полились снова.

Из комнаты вышла Марго, тасуя колоду карт. Заметив плачущую Карину, она подошла, присела рядом и, ласково погладив ее по плечу, спросила:

- Карин, ну чего ты? Из-за Ленки? Да хрен бы с ней, что ты расклеилась? Бывают недоразумения...

- Сучка она, - сообщила Карина. Мягкая забота Марго заставила сердце тоскливо сжаться. - И Эльдар ваш... урод. Я его просила меня отселить, а он наорал...

Марго не стала вдаваться в дискуссии - просто обняла плачущую Карину, и та, прильнув к теплому плечу соседки, вдруг поняла, насколько она несчастна, и насколько все плохо.

- Откуда ты французский знаешь? - спросила Карина. Марго усмехнулась.

- Я в лицее языковом училась, - ответила она. - А ты что подумала?

- Что не встречала цыган, которые знают французский... - Карина провела по лицу, стирая слезы.

Марго расплылась в белозубой улыбке.

- Я неправильная цыганка, - сообщила она. - Но ты на всякий случай проверь, коня-то не сперли?

Карина рассмеялась. Почему-то ей стало легче, хотя проблемы никуда не делись. Возможно, потому, что Карина умудрилась нащупать решение для одной из них.

- Я привораживать умею, - призналась она. - Хорошо привораживаю, крепко. Есть такой приворот, называется «Синее колечко». Подсажу на него этого уroda, пусть знает...

Некоторое время Марго рассматривала ее с искренним изумлением, а потом расхохоталась так звонко, что по всему зданию запрыгало бойкое эхо.

- Эльдара? - уточнила она. - Ты решила Эльдара приворожить? Типа «мстя моя будет страшна»?

- А что? - явное сомнение соседки в ее способностях очень неприятно царапнуло Карину, и она ощутила растущий азарт. - Думаешь, не смогу?

Марго не ответила, заливаясь хохотом.

- Очуметь, - промолвила она, насмеявшись досыта. - Эльдар очень сильный маг. Очень, Карин. И наверняка у него навешано сто защит от таких вот любительских приворотов. Ты не справишься, девчуля, это сто пудов.

Карина почувствовала, как краснеют щеки. Вот так, влегкую, очень давно никто не сомневался в ее умениях и навыках. Ее азарт стал отчетливо окрашиваться злостью.

- А давай поспорим, - предложила Карина. - На тысячу евро. Через месяц будет у меня в ногах валяться.

Судя по веселым искрам, скакавшим в глазах Марго, ей хотелось смеяться снова, но сил уже не было. А Карина была вполне довольна своей идеей. Лучший способ отквитаться - поработить и унижить, а в том, что касается любовной магии, она знала все. По крайней мере, считала, что знает.

- У тебя нет тысячи евро.

- Это не проблема, - заявила Карина. - Потому что их отдашь ты. Через месяц. Так что думай, откуда будешь коней уводить.

Марго скептически усмехнулась, но уже было ясно, что она не против спора.

- Два момента, - сказала она. - Как ты докажешь, что приворот работает? А то, может, он

поскользнется и свалится, а ты скажешь, что в ноги падает?

Карина подумала и решила:

- Поцелуя с тебя хватит?

Марго снова расхохоталась. Махнула рукой.

- Ай, ладно. Хватит. И второй вопрос, - она демонстративно завела глаза к потолку. - Второй вопрос: где ты найдешь тысячу евро? - увидев, что Карина начинает злиться, Марго расплылась в улыбке и примирительно вскинула руки. - Ладно, договорились.

Карина довольно кивнула. План начинал ей нравиться.

«Закройте глаза и представьте, как во мраке перед вами вращается синее сверкающее колечко. Поиграйте с ним, ощутите его текстуру. Какое оно? Гладкое или шершавое? Теплое или холодное?»

Этот приворот Карина вычитала - смешно сказать! - в журнальчике для домохозяек, который покупала ее мама. Там, среди рецептов засолки огурцов, способов улучшить цвет лица при помощи подручных средств и интервью со знаменитостями, попадались и такие вот колдовские штучки. Карина посмеялась, но однажды попробовала применить приворот на практике: результат оказался просто сногшибательным. Сейчас, лежа на кровати и слушая, как сопят во сне соседки, Карина вертела перед внутренним взглядом синий обруч и думала о том, что Эльдар очень скоро обо всем пожалеет. И о том, что сорвал ее обряд, лишив хорошего заработка, и о том, что наорал в коридоре, отказавшись выслушать и помочь.

Разумная и логичная часть сознания твердила о том, что накладывать приворот, глумясь над душой и волей поработенного, как минимум непорядочно. В конце концов, ничего такого страшного и не случилось. Но Карина решительно отодвинула эти мысли на задворки - ей руководила обида, яростная детская обида, а в такие минуты Карина не слушала никаких здравомыслящих утверждений.

«Теперь во всех деталях представьте перед собой объект вашей страсти. Лучше всего смотреть на его фотографию».

Разумеется, снимка Эльдара у Карины не было, но она никогда не жаловалась на память. Сосредоточившись, она увидела куратора, как наяву - он словно вошел в темную комнату и встал у ее кровати, озаренный светом фонаря. «Так тебе и надо», - сердито подумала Карина и представила, как синее колечко соскользнуло с ее рук и охватило шею Эльдара. Видение получилось весьма натуралистичным, и Карина подумала, что потратит деньги Марго на что-нибудь интересное. Купит себе хороший ноутбук, например.

Она легонько подула в сторону призрака и дождавшись, когда он растает, довольно откинулась на подушку. Теперь оставалось только ждать. Откуда-то со двора донеслись обрывки разговора: каким-то полуночникам не спалось перед завтрашним днем.

«Интересно все-таки, чем Эльдар занимался в лесу? - подумала Карина. - И откуда взялась эта зеленая дрянь по всей общаге?»

Но, как обычно и получалось, додумать эти мысли она не успела и погрузилась в сон.

Люде почему-то не спалось.

Их блок не избежал всеобщей напасти, и Люда провела весь вечер, отмывая зеленую жижу, но сон так и не шел, хотя измученное тело так и молило об отдыхе. В конце концов, устав вертеться на кровати, стараясь устроиться поудобнее, Люда встала, несколько раз перепроверила, все ли готово к завтрашним лекциям, а потом накинула поверх пижамы халат и вышла в гостиную.

На диванчике обнаружился Ваня: он с искренним интересом читал «Сагу о Форсайтах», и Люда в очередной раз удивилась контрасту внешнего и внутреннего в странном библиотекаре. Раз уж на то пошло, она больше представляла Эльдара в обнимку с Голсуорси.

- О, привет! – сказал Ваня, откладывая книгу. Судя по улыбке, озарившей лицо, он непритворно обрадовался появлению Люды. – Чего не спится в ночь глухую?

Люда знала продолжение этой присказки и ощутила легкое царапанье недовольства.

- Даже не знаю, - ответила она. – А ты чего?

Ваня пожал плечами.

- Да вот... - как-то неопределенно промолвил он. – Слушай, может, на улицу пойдем? И так, и так не спим, чего здесь куковать?

К своему удивлению Люда согласилась. Быстро натянув джинсы и футболку, она взяла ветровку на всякий случай и вместе с Ваней вышла в коридор. Вопреки ее ожиданиям, общежитие не спало. В душевой журчала вода, откуда-то со стороны лестницы доносились шаги и разговоры, и где-то внизу играла музыка. Пахло дешевыми сигаретами; выглянув на лестничную площадку и обнаружив такие наслоения дыма, что хоть ножом режь, Люда предложила ехать в лифте.

Двор тоже не был пуст. На лавочке под кленом обнималась весело хихикающая парочка, и Люда готова была поклясться, что молодые люди изрядно напились. Чуть поодаль, на холме, расположилась целая компания – ребята смотрели в небо, усеянное крупными холодными звездами, и что-то деловито отмечали на карте. Всмотревшись, Люда узнала того толстячка, который давеча спрашивал Эльдара про нявку.

Дойдя вместе с Ваней до планетария и устроившись там на скамеечке, Люда долго смотрела на звезды, думая так себе, ни о чем. Грустный запах цветов, травы и земли говорил о том, что наступила осень, и бабье лето только обманывает всех теплом и стрекотом цикад – но пока дожди далеко, и можно насладиться этой обманчивой легкостью, на какой-то миг полностью ей поверив.

- Грешно спать в такие ночи, - вздохнула Люда, глядя, как вокруг фонарей нарезают круги бабочки. Цикады захлебывались своими песнями, и во всем этом – темноте, униженной звездами, цикадах, тумане, который робко тянул руки от деревьев – было что-то древнее, непостижимое, заставляющее забывать самого себя. – Вот она, магия. Обыкновенное чудо.

Ваня согласно кивнул.

- Вот и не спим, - согласился он. – Тут осенью очень красиво, сама увидишь. Лес так и подыхает. Там, чуть вглубь, озеро есть. Студням, конечно, туда путь заказан, а преподаватели ходят иногда. Можно на лодке кататься.

Люда улыбнулась и смущенно призналась:

- Представляешь, я никогда не каталась на лодке.

Ваня расплылся в улыбке.

- За чем же дело стало? Хоть завтра устрою тебе круиз.

- Завтра будет завтра, - Люда вдруг подумала, что начало учебного года вселяет в нее неясную тревогу. Раньше такого не было, хотя она успела поработать и в обычной школе, и в лицее, даже в колледже вела – из числа тех, которые презрительно именуют заборостроительными. – Что-то мне не по себе, честно говоря.

- Не бойсь, - Ваня ободряюще похлопал ее по руке. – Народ тут нормальный. Еще увидишь, пацаны за тобой бегать начнут, будем тебя отбивать.

Люда улыбнулась, но улыбка получилась грустной. Пацаны за ней не бегали. Она вообще не пользовалась успехом у противоположного пола. Как сказал один молодой человек, с

которым Люду пробовала свести подруга, «на тебе надо жениться», а жениться современные мужчины не торопятся.

- Вань, а что это за полоска там светится? – спросила Люда, желая побыстрее сменить тему.

От планетария был прекрасно виден склон холма, на котором стоял колледж, дорога, которая вилась от ворот серебристой пыльной лентой, и тоненькая огненная нить, что оплетала изящный витой забор у основания. Ваня всмотрелся и ответил:

- А, ну это охранный черта. Она не позволяет пройти посторонним, - он усмехнулся, откинулся на спинку скамейки и, вольготно вытянув ноги, продолжал: - Вот в прошлом году было дело. Дербеневские ужрались просто в доску. И решили, что у нас тут сидят такие лошки, которые позволят им прийти и навалить люлей. А черта их не пропускает. Ну ты бы видела, как они прыгали, мы ухохотались тут! Все морды поразбивали.

- Да, мне уже рассказывали, - промолвила Люда. Ваня прищурился, глядя в сторону забора, и вдруг как-то подобрался, словно собака, которая почуяла дичь.

- Гляди-ка, - сказал он холодным серьезным тоном, в котором не было ни капли глумливого веселья. - Еще один.

Всмотревшись туда, куда указывал Ваня, Люда увидела черную горбатую тень, которая копошилась возле забора - она пыталась проникнуть на территорию колледжа, вздрагивала, когда охранный черта отталкивала ее снова и снова, но не прекращала попыток пробраться за забор. Мягкое доброжелательное лицо Вани стало каким-то заострившимся и хищным: Люда поняла, что он узнал настойчивого горбуна.

- Кто это? – спросила она и внезапно поймала себя на том, что говорит шепотом. Сейчас, рядом с новым другом, в центре студгородка, где полным-полно народу, Люде вдруг стало страшно, как никогда.

- Люд, иди в общагу, - сказал Ваня таким тоном, что у нее отпало всякое желание как-то спорить. - Иди в комнату и ложись спать. И это... если братюня не спит, позови его? Если спит, то не трогай.

Люда поднялась со скамьи и увидела, как горбатую тень в очередной раз отбросило от забора. В ее настырности было что-то механическое, неживое.

- Кто это? – повторила Люда.

- Мовсесян, - промолвил Ваня - так, словно сам боялся своих слов. - Был тут такой... Иди, Люд. Иди.

Люда послушно пошла в сторону общежития, казавшегося сейчас островком спокойной и мирной реальности в безбрежном море безумия, которое вдруг снова обрушилось бурей на ее привычную жизнь. И думала она только об одном: скорей бы уже закончилось это первое сентября.

Глава 4

Тренинг

Первый по-настоящему учебный день вымотал Карину в край. С самого начала Черников нес какую-то ерунду про интегралы, причем настолько долго и нудно, что Карина и все ее соседи начали плавно погружаться в сон. Потом на второй и третьей паре дела пошли поживее: Людмила Васильевна довольно бодро рассказывала о введении в современное языкознание, так что первокурсники оживились, и у Карины появилась надежда, что она вполне сможет пережить этот день без потерь.

На большой перемене в столовой за стол к Карине, Маше и Марго подседа Елена с полным подносом харчей и ровным, как всегда, голосом сообщила:

- Девушки, кажется, нас прощупывают по периметру.

Карина и Маша, разумеется, ничего не поняли, но ощущение неприятностей, исходившее от Елены, было слишком явным, чтобы его игнорировать, тем более, Марго заметно напряглась.

- В каком смысле, Ленусь? – осведомилась она.

- Сами смотрите, - сказала Елена. Карина почему-то мысленно продолжала называть ее полным именем, без всяких Лен и Ленок. Тем более, Ленусей. – Во-первых, прорыв перед учебным годом. Во-вторых, эта зеленая дрянь по всей общаге, - она посмотрела в сторону Карины и Маши, которым под этим взглядом сразу же захотелось съежиться и занимать как можно меньше места. – Извините, первачье. Была не права. И вчера Ваня с русичкой видели Мовсесяна. Он пытался пройти за периметр.

Студентки ошеломленно замерли. Давешняя страшная сказка, которую рассказывали ребята на лесной опушке, вдруг ожила, поднялась рядом с ними во весь рост. Елена с абсолютным спокойствием ела борщ – вот уж кто настолько невозмутим, что не отвернется от тарелки, даже если мертвый Мовсесян придет их резать...

- С ума сойти, - промолвила Марго, задумчиво ковыряя вилкой котлету. – А кто это делает? И зачем?

Елена неопределенно пожала плечами.

- Эльдар сказал, что пока не знает. И добавил, что нам бояться нечего.

Карина неприятно ухмыльнулась.

- Твой Эльдар в лесу шарился, - сообщила она, глядя Елене в переносицу. – За полчаса до прорыва. Мы с ребятами шашлыки жарили, так он нас увел оттуда. Что он там делал, хотела бы я узнать?

Губы Елены дрогнули в тонкой улыбке, которая могла означать примерно следующее: я прошу тебя за глупость. Карине снова стало не по себе.

- Помнишь, он вчера рассказывал о мирах, рядом с нашим? – спросила Елена и, дождавшись утвердительного кивка, продолжала: - Эльдар может ходить по таким мирам. И он очень сильно чувствует, когда пленка между ними начинает истончаться. Поэтому и ходил вчера в лес, проверял. И вам жизнь спас, а то лежали бы сейчас в животах у тхааморов.

Карина смущенно опустила глаза к еде. Вот, значит, как.

- Ты уверена? – спросила она, чувствуя себя полной дурой. Елена кивнула.

- Да. Я была вместе с ним.

- И чего ты с ним делала? – осведомилась Карина, пытаясь скрыть свое замешательство за довольно наглым вопросом. Елена ослепительно улыбнулась и с достоинством ответила:

- Я его фамилиар. На последней паре узнаешь, что это.

- Слушайте, девки, - сказала Марго, которая тем временем разобралась с котлетой и приступила к штруделю, щедро политому клубничным сиропом. – У вас алгебра как прошла?

- Да вроде нормально, - пожала плечами Маша. – Рассказывал что-то про интегралы, кажется. Я ничего не поняла.

Елена усмехнулась.

- Раньше говорили, что дурак, а теперь говорят, что гуманитарий, - сказала она, и Маша сразу же надулась, как мышь на крупу. – Странный какой-то этот Черников. Странно смотрит.

Карина закивала, подтверждая правоту соседки. Теперь она сформулировала, что именно не нравится ей в Черникове: слишком пристальный, пронизывающий взгляд –

инспектор министерства образования словно пытался проникнуть в своего визави, но не для того, чтобы прочесть мысли. Карине казалось, что он замышляет что-то очень плохое.

- Попали мы, девки, - сказала она угрюмо. - Ничего хорошего нам не светит.

- Погоди тоску нагонять, - отмахнулась Марго. - Может, он просто близорукий. Или косой, или кривой.

Карина хотела было поинтересоваться, почему маги, раз такие всеильные, не могут сделать себе легкий апгрейд, то же зрение, например, поправить, но в это время где-то в учебном корпусе прозвенел первый предупредительный звонок с большой перемены, и студенты стали собираться.

- Как в театре, - заметила Маша, подхватывая свою сумку, доверху набитую какими-то пестрыми пакетиками со съестным: она была большая охотница втихаря похочмячить что-нибудь вкусное на паре.

Лекция по истории не успела начаться, как случился бунт - стихийный, громкий и нервный. Сергей, долговязый огненно-рыжий паренек, поднялся со своего места и демонстративно принялся собирать разложенные на парте вещи: ручки, какие-то обгрызенные карандаши, блокнот, тетрадь с гоночной машиной. Людмила - а вот ее Карине хотелось называть уже без отчества - удивленно повернулась от доски, на которой уже всплывала яркая презентация введения в курс лекций и удивленно спросила:

- Ты куда?

- Мне эта ваша история на*уй не нужна, - сообщил Сергей, аккуратно укладывая вещи в пакет. Людмила смотрела на него с испуганным удивлением, словно не понимала, как так можно: просто взять и уйти с лекций. - И русский не нужен. Приташили хрен знает куда... Я в военное училище хотел поступать, а не этой ересью заниматься, - ноздри парня раздувались свирепо и нервно, и Карине почему-то показалось, что он готов расплакаться. - Хотите - пишите докладную. Все, пока.

Он вышел из-за парты, в два широких шага преодолел расстояние до выхода и покинул аудиторию, хлопнув дверью так, что матовое стекло в ней жалобно задрожало. Проводив его каким-то странным взглядом, Людмила села за стол и, выключив презентацию, глухо спросила:

- Кто-то еще хочет уйти?

Первокурсники молчали, стараясь не смотреть ей в лицо, побледневшее и опустошенное.

- Я никого здесь не держу, - продолжала она, и ее голос звучал сдавленно, словно она едва сдерживала слезы. - Не хотите - как хотите. Вы взрослые люди, и заставлять вас что-то делать - уже бессмысленно. И привозить сюда в кандалах, наверно, тоже.

Тишина в аудитории сгустилась настолько, что Карина подумала, что может услышать биение сердец своих соседей. Никто не шевелился, и Карина, исподлобья посмотрев на Людмилу, вдруг поняла, что преподавательница сейчас расплачется.

Жалость, пронзившая ее, была настолько острой, что Карина неторопливо поднялась со своего места и стала сгребать вещи. Вспомнилось, как Людмила старательно готовилась к этому уроку, сидя с Иваном в библиотеке, как она тащила обожженную первокурсницу в общагу - поймав изумленные взгляды соседей, Карина громко сказала:

- Раз пошла такая свадьба, я поближе пересяду. На Серегино место, чтоб лучше видеть. Тоже, фортели тут будет устраивать... Здоровый лоб, а туда же... Не знаю, как вы, мои товарищи по несчастью, - обернулась она к группе, - а я сюда приехала на халяву здоровья и знаний набираться. И история меня вполне устраивает.

Людмила посмотрела на нее с такой искренней радостью, что Карине стало неловко. В конце концов, она не сделала ничего особенного, и это не Людмила приволокла ее сюда, чтобы устраивать ей истерики. Если злишься на крокодила, то и бей его, а не воду в реке.

Преподавательница хотела было что-то сказать, но в это время из коридора донесся самый натуральный рык, в котором Карина с изумлением опознала голос Эльдара:

- Нет, ты будешь учиться! Будешь! Тебя мама дома живым ждет, а не в мешке!

- Да пошел ты! – прокричал Сергей, и Карина услышала, что он захлебывается слезами. У парня все-таки началась истерика. – Не буду я никаким магом! Идите вы все... - и Сергей разразился настолько безобразной нецензурщиной, что сидевшие в аудитории замерли, натурально раскрыв рты от удивления.

Грохнула дверь – открыли ее по-простому, ногой. Эльдар вволок плачущего Сергея в аудиторию и, протаскив к последней парте, сгрузил там, словно тяжеленный мешок с картошкой. Демонстративно отряхнув ладони, он прошел к преподавательскому столу, сунул руки в карманы и несколько долгих минут смотрел на первокурсников.

Карина боялась пошевелиться. Все остальные, включая Людмилу, тоже замерли.

- Завтра у вас биология на первых двух парах, - глухо сообщил Эльдар. – Буду учить вас варить успокоительное. А то припадочных больно много.

- Я не припадочный, - всхлипнул Сергей, водя ладонями по побагровевшим щекам.

- Заткнись, - рыкнул на него Эльдар, и Карина поежилась, вспомнив, как на месте человека вырос двуглавый дракон. – Тебе слова не давали, Бутылин. Послушайте меня очень внимательно, первый курс. Все лекции обязательны к посещению. Лицензия будет вам выдана только вместе с дипломом, до этого момента вы – никто в человеческом мире. Помимо русского языка и истории, у вас еще будет английский, социология и экономика. А еще психология и физика на втором году обучения. Потому что цель любого образования – это научить вас думать мозгом. Поэтому лекции посещаем. Аккуратно и безоговорочно.

- Что ты нам сде... - начал было Сергей и тотчас же осекся, поймав взгляд Эльдара.

- Уж будьте уверены, - холодно процедил Эльдар, - я найду способ.

Лекция по истории прошла в гробовой тишине, нарушаемой лишь шелестом переворачиваемых страниц. Когда прозвенел звонок, Карина почти физически ощутила, как с нее упали оковы.

Практикум по введению в специальность проводился на свежем воздухе вместе со вторым курсом. Ирина Леонидовна, улыбчивая и доброжелательная дама под пятьдесят лет и под сто килограммов, которую второкурсники почему-то окрестили Людоедовной, выстроила ребят на лужайке попарно, первый курс со вторым. Компанию Карине составил Егор.

- Итак, дорогие мои, - весело начала Людоедовна, осматривая получившиеся пары. – Сегодня мы с вами познакомимся с тем явлением в магии, которое называется фамилиар.

Что-то похожее Карина встречала в книгах с заклинаниями. Черные кошки, крысы, змеи... Приятного мало, одним словом.

- Из истории известно, что фамилиарами или фамильярами называли волшебных духов, которые помогали своим владельцам вплоть до бытовых хлопот, - продолжала Людоедовна. – Вы все изучали в школе литературу, так что сейчас прошу вспомнить, в каких произведениях упомянуты фамильяры.

Первый курс дружно задумался. Второкурсники стояли молча, решив, видимо, что вопрос относится не к ним. Наконец, Маша робко подняла руку и сказала:

- В «Макбете» они были... - и, оробев окончательно, добавила: - И еще «Волшебник изумрудного города». Если Элли считали ведьмой, то Тотошка наверняка ее фамильяр.

Людоедовна посмотрела на нее с уважительным одобрением.

- Все верно, Маша. Умница. Да, как правило, фамильярами при ведьмах были животные, в основном, конечно, черные кошки, но, в принципе, фамильяром могло быть любое некрупное животное. Однако мы с вами сегодня отвлечемся от литературы и мифологического сознания и рассмотрим принцип, по которому работают фамильяры при современных магах. Как правило, это помощники-люди, будущие ведьмы и колдуны, не достигшие первого посвящения.

Первокурсники переглянулись. Егор посмотрел на Карину с каким-то непонятым превосходством и отвел взгляд. Карина спрятала руки в карманы и несколько раз покачалась с пяток на носки, только потом сообразив, что невольно копирует Эльдара.

- Первый курс, сегодня вы будете помощниками ваших старших товарищей, - продолжала Людоедовна. Сделав несколько шагов в сторону, она красиво взмахнула правой рукой, и с ее пальцев тотчас же сорвались алые огни. Медленно покружившись возле преподавательницы, огни взмыли вверх и зависли над газоном, послушно вытянувшись цепочкой. Людоедовна оценила результат и сказала:

- Второкурсники, ваша задача сейчас - сделать иголку и передать ее через руку фамильяра, поразив цель. Первый курс, послушайте внимательно. Вы должны полностью расслабиться, доверившись своему партнеру. Когда иголка пойдет через вас, вы должны придать ей дополнительное движение вперед. Витовт, подойди ко мне. Смотрите внимательно.

Витовт вышел из шеренги и приблизился к Людоедовне, вплотную встав к ней спиной. Преподавательница обняла его правой рукой за талию, а левую опустила поверх левой ладони Витовта, послушно вытянутой вперед. Парень закрыл глаза и послушно расслабился, почти обмяк - если бы Людоедовна не придерживала его, то Витовт наверняка свалился бы в траву. По левой руке Людоедовны пробежали бледно-голубые искры, медленно формируясь в нечто, похожее на иззубренную уродливую сосульку. Карину охватило холодом - иголка была настолько впечатляющей, что девушка невольно представила, как такая вот заковыристая дрянь срывается с ладони мага и вонзается в жертву.

Ее стало знобить. Покосившись влево, Карина увидела, что Сергей побледнел так, что было странно, почему он все еще держится на ногах. Стиснутые в ниточку губы, казалось, едва удерживали рвущиеся изнутри слова - то ли ругань, то ли просьбу о помощи.

Людоедовна издала резкий короткий звук, что-то вроде сдавленного аханья, и иголка, сорвавшись с ее руки, с громким хлопаньем поразила один из алых огоньков, лопнувший и рассыпавшийся пригоршней искр. Это было настолько ярко и эффектно, что первокурсники дружно зааплодировали. Людоедовна выпустила Витовта - парень покачулся, но устоял на ногах - и поклонилась. Было видно, что она очень довольна произведенным эффектом.

- Итак! - бодро воскликнула она. - Становимся в пары. Первый курс, помните - надо полностью расслабиться. Второй курс, не лепите слишком большие иголки. Ваши партнеры в первый раз занимаются боевой магией.

Боевая магия, вон что. Карина почувствовала, как по спине в очередной раз прошел неприятный холодок.

- Ну, давай попробуем, - сказал Егор, становясь за спиной Карины и обнимая ее. В любой другой момент она испытала бы невольный прилив сытого кошачьего удовольствия и приятного волнения, но сейчас ей было страшно. Просто страшно.

- Ты только не больно... - тихонько промолвила Карина, понимая всю двусмысленность фразы. Егор мягко усмехнулся над ее правым ухом.

- Фишка в том, что надо полностью расслабиться, - сказал он. - А потом, когда я сделаю иголку, уже работать рукой. Ничего сложного.

Карина скептически хмыкнула. Да уж, пожалуй, расслабишься тут, когда тебя обнимает самый красивый парень в этом образовательном болоте, а ты должна кидать с ним какие-то иголки вместо того, чтобы заняться чем-нибудь поинтереснее. Людоедовна ходила

вдоль выстроившихся пар, поправляя сложенные руки студентов, и все это было похоже на урок физкультуры, а не на обучение волшебству.

- Как в школе танцев, - сказал Егор. - Я бальными танцами занимался пять лет. Тренер у нас точно так же ходил.

- Научишь? - спросила Карина. - Как там... венский вальс, танго всякое?

- Научу, - пообещал Егор. - Ну, давай. На раз, два, три.

Левую руку Карины охватило таким лютым январским холодом, что она испугалась: а вдруг руку проморозит до кости, и она больше не сможет действовать? Иголлка Егора скользнула по коже и, сорвавшись со сцепленных рук, пролетела мимо цепочки алых шаров. Любоедовна щелкнула пальцами, прекратив ее смертоносный полет и сказала:

- Егор, молодец. Прицеливайся лучше. Карина, расслабься. Ничего страшного не происходит. А то Егор пока кидает иголлку без твоего участия.

Марго и Маша, стоявшие в паре, сработались намного лучше: их первая иголлка с легкостью поразила цель, и пронзенный шарик рассыпался пригоршней искр. Девушки тотчас же послали вторую и третью иглы, и на несколько мгновений лужайку окутал алый туман. Когда он рассеялся, Любоедовна довольно зааплодировала, и к ней присоединились остальные студенты.

- Гольцова, Михай, просто отлично! - похвалила она. - Вот видите, ребята? Ничего сверхсложного. Отлично справились, девочки, можете идти.

Марго и Маша радостно ударили по рукам и, подхватив сумки, побежали в сторону столовой. Остальные студенты завистливо смотрели им вслед, понимая, что у них вряд ли получится устроить нападение на пирожки в ближайшее время. Любоедовна хлопала в ладоши, привлекая внимание.

- Продолжаем, дорогие мои, продолжаем. Поражаете цель совместными усилиями и идете отдыхать.

Дождавшись, когда преподавательница пройдет мимо, Егор шепнул на ухо Карине:

- Это она сейчас делает вид, что добренькая. На сессии валит - не передать словами, как. Так что расслабься, Карин. Давай попробуем.

С четвертого раза Карина все-таки поняла, чего от нее хотят: вернее, расслабилась настолько, что смогла ощутить, как иголлка скользит по руке Егора, и, сумев-таки вложить дополнительную энергию и импульс, отправила синюю сосульку, резко выросшую в размерах, в полет. Игла расплыла огонек, и Любоедовна довольно воскликнула:

- Вот! Вот как раз то, что нужно. Посмотрите, как усилие фамилиара увеличивает иглу!

Егор расплылся в удовлетворенной улыбке, а Карину качнуло - тренировка выпила намного больше сил, чем она ожидала. Егор поддержал ее и повлек в сторону сумок, сваленных в кучу на траве поодаль. Карина послушно плелась за ним, почти не чувствуя ног, и думала, что больше всего сейчас хочет прийти в общагу и упасть на койку.

- Лихо мои соседки поскакали, - сказала она. Егор понимающе кивнул.

- Правильно сделали, - одобрил он. - Пока отдача не накрыла, надо поесть. Кофейку попить. Меня в прошлом году Эльдар Сергеич в общагу нес, я прямо на поле упал.

Карина вдруг вспомнила, что минувшей ночью наложила на Эльдара приворот, и ей отчего-то стало не по себе. Она вспомнила, с каким гордым достоинством Елена назвала себя фамилиаром куратора, и подумала, что, должно быть, именно поэтому белесая и невзлюбила Карину...

За спиной раздались очередные аплодисменты: Сергей и его партнерша, тоненькая большеглазая брюнетка, наконец-то поразили цель.

- Пойдем, - сказала Карина. Неловкость, охватившая ее, нарастала: Карина чувствовала странное смущение и чуть ли не стыд, когда вспоминала, как этот рыжий тощий паренек сегодня устроил бунт. Сейчас, после похвалы преподавательницы, Сергей казался вполне счастливым, словно давешней вспышки гнева не было, и это вовсе не он плакал от бессилия и обиды на последней парте в аудитории.

Егор проводил Карину в комнату и, осмотревшись, принялся хозяйничать: помог Карине устроиться на кровати, включил в розетку чайник и, быстро сбежав к себе, принес банку дешевого кофе и печенья. Карина смотрела, как он заваривает кофе и думала о том, с чего это вдруг Егор проявляет такую заботу.

- Вот, пей давай, - сказал он, вручив Карине чашку, и предупредил: - Осторожно, горячая.

Карина принялась старательно дуть на кофе. Обжечься не хотелось. Егор уселся на стул рядом и, размешивая сахар, сказал:

- Ты слышала, вчера ночью Мовсеяна видели?

Карина кивнула. Она с неудовольствием обнаружила, что восставший из мертвых убийца пугает ее намного больше, чем она могла ожидать.

- Вообще жуть, - призналась она. - Вот какого ему надо? Умер - так лежи себе да сопи спокойно.

- Темыч собирается домой на выходные, - сообщил Егор. - И он хочет вечером погулять по Дербенево, посмотреть, что к чему.

Карина не сдержала удивленного аханья. Коротышка, судя по всему, был парень не промах. Пойти охотиться на мертвеца!

- Если хочешь, - предложил Егор, - айда с нами. Темыч выпишет тебе гостевую.

Карина только руками развела. Бегать по задворкам угрюмого поселка, да еще и ночью - нет, эта идея ее не прельщала. Отнюдь. А вот возможность выбраться за периметр и хоть какое-то время снова побыть свободным человеком, а не заключенным, которого приволокли сюда в цепях - вот это было намного заманчивее. В конце концов, она сможет нормально родителям позвонить - Карине не улыбалось выстаивать длиннющую очередь в каморку завхоза к допотопному телефону.

- Хочу, - сказала она. - А это... Эльдар-то нас отпустит?

В комнате было темно. Фонарь за окном погас в полночь, давая понять, что всем пора отправляться спать. Тоненькая ниточка луны не могла развеять мрака.

Мрак был пропитан острым драконьим запахом.

Эльдар мягко, но властно приподнял Карину за подбородок, и ей показалось, что он смотрит ей в глаза - пристально, испытующе, словно проникая в самые сокровенные мысли. Тяжелая волна странных, почти незнакомых чувств нахлынула на Карину. Дыхание перехватило; она не знала, чего хочет и чего боится сейчас, в эту томительно долгую минуту. Единственное, в чем Карина была уверена на все сто - она не отпустит человека с драконьим запахом. Не сейчас, никуда, никогда...

Эльдар осторожно взял ее ладонь в свою и так же тихо, словно вступая на неведомую территорию, поднес к губам. Его глаза странно блестели в темноте, и Карине почему-то казалось удивительным, что она видит этот блеск. Разум бессильно цеплялся за какие-то мелочи, неважные и ненужные, просто для того, чтобы она не признавалась самой себе в том, что...

Карина полностью расслабилась, как на тренировке - тело больше не собиралось противиться властной спокойной ласке незваного гостя. Бережно опустив Карину на постель, Эльдар принялся медленно покрывать поцелуями ее лицо и шею, а руки скользнули под футболку и осторожно накрыли грудь. Карина снова и снова вздрагивала

от уверенных прикосновений горячих ладоней и сильных сухих пальцев, изучающих ее тело, смесь стыда и желания, накатившая на нее, была настолько жаркой и всепроникающей, что Карина не сдержала стоны – ей было все равно, проснутся ли ее соседки, в эту минуту во всем мире была она одна и Эльдар.

Одежда как-то незаметно оказалась на полу. Все с той же неторопливой уверенностью Эльдар развел колени Карины, но она вдруг испуганно содрогнулась всем телом и сделала отчаянную в своей бессмысленности попытку свести бедра, чувствуя, как лицо заливают полыхающим стыдливым румянцем.

- Не бойся, - негромко промолвил Эльдар, и Карина всхлипнула, когда он вошел в нее. Всё ее смущение, неловкость и страх исчезли, смытые горячей волной возбуждения, растекавшейся в низу живота. А потом все растаяло в томительно сладких движениях и сбивчивых словах, которые они шептали друг другу. И вот, когда Карина, впившись дрожащими пальцами в плечи Эльдара, сжала его тело бедрами, почти задохаясь у вершины невероятного, острого удовольствия, ее вдруг ударило в голову чем-то душным и тяжелым.

Карина вскочила на кровати и в первую минуту не могла понять, где она и что с ней. Елена, запустившая в нее подушку через всю комнату, недовольно выкрикнула:

- Слышь, ты! Достала уже крутиться! Спи давай!

Карина схватила подушку и бросила ее в соседку, но не попала и бессильно распласталась на кровати. Значит, это был всего лишь сон... Ей казалось, что на теле до сих пор полыхают огненные отпечатки пальцев куратора. Карина чувствовала, как кружится голова, и разум отказывается понимать, что происходит. Всего лишь сон – она смотрела в потолок и никак не могла поверить, что это ей приснилось.

Шмыгнув носом, Карина выпуталась из тонкого скомканного одеяла и, нащупав тапочки, поплелась в коридор. Свет ламп расплескался по светлому кафелю, тишина была непроницаемой и равнодушной, и Карине вдруг показалось, что она сейчас расплачется – неизвестно, почему.

Может быть, оттого, что сон кончился.

Откуда-то снизу доносились негромкие голоса. Карина подумала и решила пойти посмотреть, кому еще не спится.

Ночь в общежитии действительно выдалась беспокойной. Люда проснулась от того, что за стеной, в комнате Эльдара и Вани, кто-то бурно и громко занимался любовью. Люда недовольно села на кровати, некоторое время слушала скрипы, сдавленные стоны и невнятные возгласы, а потом набросила на плечи халат и вышла в темную гостиную. На кухне горела маленькая лампа – заглянув туда, Люда увидела Ваню, который сидел на корточках перед холодильником и задумчиво ел клубничное варенье прямо из банки.

Люда покашляла, и Ваня, совершенно по-комедийному встрепенувшись, мигом убрал банку и сделал вид, что просто проходил мимо.

- Не спишь? – спросила Люда, задумчиво потирая глаз. Ваня только руками развел.

- Да там это... - замаялся он. – У братюни девушка в гостях.

- Я слышала, - холодно сказала Люда. Почему-то ей стала неприятна мысль о том, что у Эльдара может быть подруга. Хотя, почему бы и нет? – Все общежитие слышит.

Ваня покосился в сторону своей комнаты и сказал:

- Ну это... Геля Гребенникова, она суккубина. Ей *надо*.

- А, - сказала Люда с понимающим видом. – Тут благотворительность.

Она сама не могла понять, почему ей не все равно. Ваня взял со стола свою кружку и изящную чашку Люды и предложил:

- Может, в комнату отдыха сходим, чаю попьем? Раз уж все равно не спим?

Люда согласилась. Мысль о том, что она может столкнуться с Эльдаром, провожающим свою даму, внушала ей непонятную брезгливость.

На лестнице они столкнулись с Кариной – похоже, девушка пребывала в замешательстве, во всяком случае, смотрела так, словно не могла понять, где находится и как сюда попала.

- Здравствуйте, - каким-то потерянным голосом протянула она. - Вам тоже не спится?

Ваня продемонстрировал чашки и сказал:

- Да вот, чайку решили попить. А ты чего? Царствуй, лежа на боку, времени пол-первого.

Карина пожала плечами.

- Кошмары замучили, - объяснила она настолько неубедительно, что сразу стало ясно: дело не в кошмарах. Далеко не в кошмарах. - А можно, я с вами посижу? А то бабы мои спятверху пузом, не хочу тревожить.

- Конечно, - улынулась Люда. Она была искренне признательна этой коротко подстриженной дерзкой девчонке за сегодняшнюю поддержку на лекции. - Пойдем, сообразим на троих.

Ваня расхохотался так, словно это была лучшая шутка за всю его жизнь.

В комнате отдыха горел свет: там обнаружился инспектор Черников, который сидел за столом у окна и задумчиво смотрел в экран маленького ноутбука. Непонятно, почему, но Люда вдруг ощутила неприязнь, словно этот в целом совершенно нормальный и даже привлекательный мужчина был на самом деле вовсе не тем, кем хотел казаться.

- А, здарсьте, - сказал Ваня. Присутствие Черникова его вовсе не смутило: библиотекарь прошел к кулеру и принялся наливать в чашки горячую воду. - Вы нас даже ночью инспектируете?

Черников нервно улыбнулся и закрыл ноутбук, словно боялся, что на его экране могут увидеть что-то предосудительное.

- Работаю, - промолвил он с ледяным спокойствием, - в отличие от некоторых.

Инспектор нарочно смотрел в сторону, так что невозможно было понять, каких именно некоторых он имеет в виду, но Люда почему-то стусевалась. Зато Карина демонстративно села на диванчик и промолвила, скрестив руки на груди:

- У меня дед есть, орденосец. Так он говорит, что работать надо с девяти до пяти. А не уложился - значит, слишком часто курить бегал, и гнать надо палками такого работничка.

Выпалив это, она вдруг растерялась, внезапно сообразив, что, вообще-то, разговаривает с преподавателем. Однако Черников даже глазом не повел.

- Возможно, - равнодушно сказал он, поднявшись. - Доброй ночи.

Когда он покинул комнату отдыха, Ваня раздал чашки с чаем (Карина получила пластиковый стаканчик) и заметил:

- Станный мужик. Реально, реально странный.

Карина посмотрела по сторонам, словно ее могли подслушать, и сказала:

- Ребят, чего знаю про него...

И она в красках пересказала историю своей встречи с Черниковым на вокзале в Дербенево. Услышав о том, что инспектор когда-то убил Эльдара, Люда едва не расплескала кипяток от удивления. Зато Ваня не удивился, а насторожился.

- Дело пахнет керосином, девчули, - сказал он. - Как-то все странно. И прорыв, и грязь, и Мовсесян. Все одно к одному. И инспектор этот... Вот хоть что говорите, но

подозрительный мужик!

Карина важно сказала, что сегодня они с соседками обсуждали именно это, но так и не пришли к каким-то выводам. Ваня отпил чаю и спросил:

- Как там, кстати, у вас девочка-кошка поживает?

- Какая девочка-кошка? – удивилась Карина.

- Ну, Ленка, - объяснил Ваня. - Ты что, не знаешь?

От изумления Карина только руками развела. Люда поймала себя на мысли, что уже перестала удивляться чему бы то ни было. Если есть человек-дракон, то почему бы не быть девочке-кошке? Она вспомнила эту Лену, сидевшую в самом конце аудитории и скрупулезно строчившую в тетради. Такая светленькая девчонка, ничего особенного. Встретишь на улице – не заметишь.

- Это как? – недоверчиво осведомилась Карина.

- Ее сделали кошкой, - сообщил Ваня. – У вас во втором семестре будет намеренное оборотничество, когда человека специально превращают в животное. Например, он перекинулся через ножик в пне и стал зверем. А потом нагулялся, пришел – а ножик-то тью-тью, сперли. Так и с Ленкой вышло. Она три года была кошкой. Одичала просто в край. Там какая-то ситуация с квартирой была... не очень красивая. Короче, братюня ее из подвала какого-то вытащил. Она даже говорить разучилась, прикинь?

- Еще бы... - Люда сокрушенно покачала головой. – Бедная, такое пережить.

Карина явно чувствовала себя неловко. Поерзав на диване, она отпила чаю и сказала:

- То-то я смотрю, она с чудниной.

Ваня улыбнулся, но в этой улыбке не было ничего, кроме глухой застарелой тоски.

- Мы тут все с чудниной, - промолвил он. – Ты еще не заметила?

Второй учебный день начался с практического занятия по биологии. Первокурсники пришли в оранжерею и долго рассматривали заросли экзотических растений, длинные ряды аккуратно подписанных ящиков с цветами и травами, крупные золотистые плоды, пригивавшие ветви почти к самому полу. Самые отважные рискнули потихоньку сорвать их и отведать. Карина не стала лезть на рожон – у нее не было привычки тянуть в рот чего не попадая.

- Не советую, - раздался женский голос, и из-за ящиков с цветами появилась молодая худенькая женщина в аккуратном зеленом халате. – Они вызывают расстройство желудка.

Карина уже видела эту женщину раньше, когда только приехала в колледж: она встречала новоприбывших у автобуса и раздавала по списку брелки с ключами. Пожиратели незнакомых фруктов дружно выплюнули полупрожеванную мякоть в ладони и принялись искать, где бы сполоснуть руки.

- Устраивайтесь во-он за тем столом, - женщина указала в сторону длинного стола, заставленного ящиками с мелкими розоватыми цветочками. – Эльдар Сергеевич сейчас придет, и начнем.

Первокурсники разместились за столом так, что каждому достался свой ящик. Карина принялась: красивый цветок с мохнатым стеблем и листьями издавал довольно неприятный аромат.

- А я такую траву знаю, - заявила Маша, пристально рассматривая листья в своем ящике. – Это белокудренник. У нас возле дома рос, это сорняк.

- Правильно, Маша, это белокудренник, - прозвучал в оранжерее голос Эльдара. Первокурсники сразу же умолкли и как-то подобрлись, словно чувствовали себя

неловко в его присутствии. Эльдар, одетый в такой же зеленый халат, как и женщина, отдававшая распоряжения, прошел мимо студентов и встал во главе стола.

- Итак, первый курс, - начал Эльдар. - Напомню еще раз: я Эльдар Сергеевич Смирнов, преподаватель биологии и проректор по воспитательной части. От всей души рекомендую вам посещать биологию без прогулов. Не потому, что за прогулы я вас выдеру так, что мало не покажется - а я выдеру. А потому, что знания, которые вы получите на этих уроках, однажды смогут спасти вам жизнь.

Карина смотрела на него и понимала, что он не шутит. Остальные первокурсники тоже стояли с крайне серьезным видом.

- Если вопросов нет, то начнем, - произнес Эльдар. - Итак, как правильно заметила гражданка Гольцова, перед вами белокудренник. Исключительное по своим полезным свойствам растение! Это одновременно антисептик и транквилизатор, противорвотное и спазмолитическое средство. Но больше всего белокудренник ценят как лекарство от депрессий и неврозов, - Эльдар сделал паузу, оглядел студентов и недовольно произнес: - Я для кого тут распинаясь? Вы записывать собираетесь или что?

Смущенные первокурсники зашелестели тетрадами. Держать их приходилось на весу. Ассистентка Эльдара неслышно прошла мимо студентов, положив рядом с каждым перчатки и бумажные конверты.

- Вам не раз и не два придется столкнуться с таким явлением, как смещение души, - продолжал Эльдар. - В народе о нем говорят просто: «крыша поехала». Но никакая крыша никуда не едет - это под воздействием стресса человеческая душа смещается в пластах нашей с вами реальности. Человек, как правило, не осознает этого. Не понимает, что с ним не так. Татьяна Юрьевна, вам слово.

Эльдар отошел от кафедры, и ассистентка заняла его место. Карина смотрела на нее и почему-то думала, что эта маленькая женщина с мягкой улыбкой - очень хорошая. Судя по тому, как на нее смотрели остальные студенты, первый курс вполне разделял точку зрения Карины.

- Да, Эльдар Сергеевич прав, - сказала Татьяна. - У меня было такое смещение, и я не осознавала, что у меня проблемы. Поэтому, когда встретите такого человека, постарайтесь ему помочь. Он нуждается в помощи. А я научу вас, как это сделать. Надевайте перчатки - белокудренник оказывает токсическое воздействие на центральную нервную систему и печень.

До конца пары первый курс под руководством Эльдара и его ассистентки, которую Карина окрестила Танюшей, осторожно срезал листья, цветки и стебли, разбирая цветки на лепестки, а листья и стебли - на тонкие волокна. Запах растения, казалось, завяз в ноздрях, и, когда Карина подумала, что ее сейчас вырвет, прозвенел звонок. Стянув перчатки и подписав свои конверты с цветочной трухой, Карина подхватила сумку и почти бегом направилась к выходу.

Свежий воздух солнечного осеннего дня привел ее в чувство. Ночью прошел легкий дождь, который словно обновил запахи травы, деревьев и земли, сделал их пронзительно четкими и яркими. Второкурсники расходились с практического занятия во дворе, негромко перебрасываясь короткими фразами - было видно, что они очень устали. Егор, который в компании Артема шел в самом хвосте своей группы, что-то сказал приятелю и помахал Карине. Она махнула ему в ответ, подумав, что он, в принципе, неплохой парень. Гораздо лучше тех, с кем она до этого пересекалась по жизни. Отделившись от сокурсников, Егор и Артем подошли к Карине.

- Эльдар Сергеевич там? - спросил Артем, махнув головой в сторону оранжереи. Карина утвердительно кивнула, и он сказал: - Я написал гостевое на тебя, Машку и Маргошу. Тетка уехала, хата свободна. Днем можем погулять, костерок пожечь, ну там что... - заметив, что Эльдар вышел из оранжереи, Артем быстро подошел к нему и молниеносным движением протянул бумагу.

Эльдар посмотрел на него с искренним удивлением.

- Это еще что? - холодно осведомился он, рассматривая листок.

- Завтра же пятница, Эльдар Сергеевич, - сказал Артем настолько доброжелательно и простодушно, что Карина едва сдержала усмешку. - Тетка сказала, что в гости ждет, пирогов напечет. Сказала, что можно ребят привести.

Эльдар брезгливо взял бумагу и сказал:

- Тут, я смотрю, девчат намного больше. Ладно, Михай, ваша старая подруга, но к вам уже и первокурсницы прилепились..?

Егор взял Карину за руку, и они подошли к Эльдару и Артему.

- Эльдар Сергеич, ну пожалуйста, - попросил Егор. - Мы спокойно, без эксцессов... В воскресенье вечером уже вернемся.

Эльдар пожал плечами. Было видно, что идея Артема ему не по душе. Карина вдруг подумала, что ее приворот уже должен начать действие, и ей стало не по себе. Очень сильно не по себе.

- Студенческие всегда держите при себе, - внезапно сказал Эльдар, вынимая ручку из кармана. Ребята, замерев, смотрели, как он подписывает разрешение, и Карина не верила своему счастью. Вырваться отсюда хоть на пару дней, снова стать собой, свободной... - Артем, Егор, первокурсницы - под вашу ответственность. Как сигнал бедствия подать, помните?

Парни синхронно кивнули. Эльдар покачал головой и вернул Артему бумагу.

- Головы со всех сниму, если что, - мрачно пообещал он и отправился в оранжерею. Через несколько мгновений прозвенел звонок на пару.

Глава 5

Дербенево

Время теперь тянулось крайне медленно, как всегда и бывает, когда ждешь чего-то хорошего. Впрочем, настроения Карины не могла испортить ни алгебра - первокурсницы дружно решили, что Черников в принципе неплохой мужик, хоть и зануда, ни две пары английского, в котором Карина так и не пробилась дальше London is the capital of Great Britain, its political, economic, and commercial centre - дальше наступал сплошной лингвистический туман. Даже практикум по введению в специальность, на котором они с Егором снова поражали алые огни иголками, не так вымотал Карину, как в прошлый раз. После третьей пары в пятницу они с Машей бегом бросились в общежитие - там уже стояли собранные сумки, и Марго с тощим рюкзачком за спиной болталась в коридоре, задумчиво тасуя привычную колоду карт.

- Ну что, погнали? - спросила она, увидев соседок. - Эльдар нам автобус подогнал, чтоб ноги не бить.

- С чего это он такой заботливый? - подозрительно осведомилась Карина. Марго только плечами пожала.

Девушки влетели в свою комнату, бросили на стол учебники и тетради и, быстро проверив, все ли взято, направились к выходу. Елена, как обычно лежавшая на своей кровати с книгой, задумчиво промолвила:

- Давайте отдохните там. И я без вас отдохну.

Карина вспомнила рассказ Вани и, внезапно ощутив острый укол сочувствия и понимания, спросила:

- Лен, может, тебе привезти чего-нибудь?

Елена даже от книги не оторвалась.

- Не стоит, - процедила она. Маша подтолкнула Карину в спину, и девушки покинули комнату.

Марго была права: у ворот стоял тот самый микроавтобус, который забирал студентов с дербеневого вокзала. Водитель флегматично курил, стоя у открытой двери в компании Эльдара.

- Студенческие взяли? – осведомился он. – Показывайте.

Девушки дружно предъявили ему темно-синие корочки с золотыми буквами. Эльдар кивнул и с какой-то лукавой искрой во взгляде сказал:

- Ладно, загружайтесь. Приятного вам отдыха.

Ребята их уже ждали. Водитель закрыл дверь, Эльдар помахал студентам рукой, улыбаясь как-то уж очень странно, словно в конце пути их ждал какой-то неожиданный сюрприз, и микроавтобус двинулся по дороге в сторону Дербенево.

- Что-то не нравится мне это, - призналась Карина. – Как-то быстро он нас отпустил.

- Думаешь, не к добру? – спросила Маша. – Ох, лучше бы мы в общежитии остались.

Марго только рукой махнула.

- Ой, Мань, не нагнетай. Хоть в магазин нормальный ходим. Тём, тут есть магазины? А то меня от столовской еды уже чутка воротит.

Артем кивнул.

- Все есть, - ответил он. – Сейчас приедем, затаримся и в квартиру пойдем.

- Я вас возле подъезда высажу, - бросил через плечо водитель. – Приказ начальства.

Студенты не сдержали дружного разочарованного вздоха. Водитель включил радио, и в салон ворвался старенький хит про офигительные штаны. Карина вдруг поняла, что ужасно соскучилась по обычной жизни – простой музыке, возможности ходить, куда захочется, и есть, что выберешь сам, а не то, что имеется в наличии в столовой.

Сегодня Дербенево выглядело совсем не так, как несколько дней назад. Виновато ли было осеннее мягкое солнце или настроение ребят, но поселок сейчас казался им вполне милым: маленькие домики были вполне ухоженными, а палисадники прямо тонули в зарослях белых и розовых астр, сиреневых брызгах флоксов и хризантем и золотых мазках рудбекий. Школьники, перебрасываясь мячом, шли с уроков, на углу расположился небольшой лоток, казалось, вываливший из своих ящиков все фруктовое и овощное богатство, и Карина заметила на одном из газонов важных гусей, деловито расположившихся под сохнувшими парусами белья. Микроавтобус свернул сперва в один из дворов, затем в другой и остановился возле серой двухэтажной хрущевки.

- Все, приехали, - сказал водитель. – Конечная.

Артем кивнул.

Ребята выгрузились у подъезда, и свежий осенний воздух вдруг показался им необычным и ярким – Карина смотрела на друзей и понимала, что все они чувствуют примерно то же, что и она: насыщение свободой. Впрочем, момент приятной расслабленности довольно скоро растаял: Артем посмотрел на окна второго этажа и вдруг охнул:

- Что за..?

- Чего ты, Тёмыч? – спросил Егор. Артем указал на окна и сказал:

- Открыты. Тетка дома.

Карина поняла, что означает выражение «обухом по голове». Артем вздохнул и промолвил:

- Ладно, что ж поделаешь... Пойдемте.

Подъезд дома практически ничем не отличался от такого же подъезда в доме Карины –

разве что обувью, по сельской привычке оставленной у дверей. Поднявшись на второй этаж, Артем снова издал тяжелый вздох и надавил на пуговку звонка. Дверь тотчас же отворилась, и студенты услышали звонкий красивый голос с едва уловимым акцентом:

- Темочка приехал! Ай ты мой хороший!

Глядя на маленького бледного Артема, Карина никогда бы не подумала, что его тетка – колоритная полная грузинка совершенно невероятной, экзотической красоты, прямо-таки бьющей по глазам. Расцеловав племянника, тетка с той же искренней радостью обняла и расцеловала его спутников, и Карина, чувствуя неловкость от такой теплой встречи, почему-то едва не заплакала.

- Мне вчера Эльдар Сергеевич позвонил, сказал, что мой Темочка приедет! – голос тетки звенел над небольшой толчеей в коридоре, отражаясь от старого темного зеркала и закрытых дверей в комнаты. – И с друзьями! Говорит: ну вы уж, Нина Георгиевна, не подведите! А как я подведу, когда такая радость? Проходите, ребята, проходите, сумки прямо тут пока бросьте. Руки мыть – сюда. А потом в зал, отдохнете с дороги, покушаете по-людски.

Увидев накрытый стол, ребята дружно ахнули: тетка действительно расстаралась на славу. Были здесь и воздушные золотистые хачапури, и зеленые шары пхали, и ароматная курица, и тарелки с обжигающим пряным харчо, и стройные бутылки вина, и лиловые баклажаны, и пузатый красный перец – да чего тут только не было, и Карина не удивилась, когда через четверть часа тетка Артема стала лучшим другом для всех гостей, а через час над столом уже вилась песня, текста которой до этого момента никто не знал, но слова почему-то сами слетали с языка:

Тбилисо, мзис да вардебис мхарео,

Ушенод сицоцхлец ар минда.

Сад арис схваган ахали Варази,

Сад арис чагара Мтатцминда!

Карине казалось, что это и есть самая настоящая магия, и она не удивилась, когда Артем сказал, что его тетка – известная по всей области ворожея. Официальную регистрацию она получила только в прошлом году, проводив племянника в колледж и умудрившись завязать с Эльдаром самую нежную дружбу. Неудивительно, что он позвонил ей и известил о планах своих подопечных. Кстати, Нина Георгиевна почему-то выделила Карину из всех гостей и задумчиво сообщила ей:

- Что-то мне эти синие ниточки в твоей ауре не нравятся. Кушаешь хорошо? Голова не болит?

Карина только руками развела: голова у нее отроду не болела, а ела она всегда за троих. Вспомнив, что она еще собиралась позвонить родителям, Карина, вежливо извинившись, вышла из-за стола и пошла в коридор, где в сумке лежал ее мобильник, бесполезный на территории колледжа.

К ее удивлению, связь в Дербенево была отличной. На всякий случай Карина подошла к окну на кухне, и, когда мама взяла трубку, ее голос зазвучал настолько отчетливо, словно она стояла рядом. Карина чуть не расплакалась: она и представить не могла, насколько соскучилась по дому и родителям.

- Каринка! Вот так чудо! – воскликнула мама. – Рассказывай, как ты там? Как учеба, как общежитие?

- Мам, да все хорошо, - промолвила Карина, искренне стараясь, чтобы мама не заметила, как дрожит ее голос. – У нас по четыре пары каждый день. Меня на практических

хвалят... Живем хорошо, в общаге вообще классно... Мам, как вы? Как папа?

- Папа на работе, - сказала мама, и Карина поняла, что она тоже едва сдерживает слезы.
- Ох, Каринка, как же я рада тебя услышать... А мы, кстати, нашли сайт вашего колледжа. Оказывается, частное учебное заведение для одаренных подростков.

- Да, - кивнула Карина и с какой-то детской гордостью добавила: - А вы и не знали, что я у вас одаренная.

- Мы всегда это знали, - серьезно сказала мама. - Ну расскажи еще. Как ты, как все вообще...

И Карина долго говорила ей об учебе, о занудной алгебре и интересной истории, о том, какие хорошие у нее соседки, и как они все вместе отдыхают после занятий - она говорила и понимала, что по щекам текут слезы. Потом они попрощались, и Карина несколько минут бездумно смотрела в окно, глядя, как бесшумно сгущаются серые сумерки, в двухэтажном доме напротив загораются огни, а во дворе на выдавшей виды лавочке расположилась веселая компания самого разудалого вида, и молодой мужчина с лицом профессионального литрбольщика с матами и перематами провозглашает первый тост.

Сперва Карине показалось, что низкорослый мужичок в потрепанной джинсовой куртке, невообразимо заношенных штанах и бейсболке, надвинутой на лицо, который стоял возле фонаря, принадлежал к той гоп-компании. Впрочем, она почти сразу отменила эту мысль: мужичок не делал никаких попыток приблизиться к веселящимся выпивохам - он стоял неподвижно и изредка нервно дергал головой, словно к чему-то принюхивался. Именно это дерганье и не понравилось Карине, и она отправилась обратно в комнату, чтобы рассказать о мужичке тетке Нине и ребятам. Мало ли что...

Дойти до зала она не успела: с улицы раздались многоголосые вопли ужаса, в которых Карина отчетливо разобрала:

- Мовсесян! Мовсесян, бл*!

Бросившись в зал, Карина увидела, что ребята и тетка Нина заняли позицию у окна - так, что с улицы их было не видно. Марго махнула Карине - заползай, мол, и та осторожно, по стеночке, приблизилась к окну. Пьяная компания улепетывала так, что пятки сверкали. В окнах соседнего дома гас свет, и Карина слышала встревоженные голоса, однако во двор никто не выходил.

Мовсесян шевельнулся, и длинная горбатая тень легла на дорогу перед домом. Теперь Карина видела, что он смотрит прямо на их окна. Страх, липкий и парализующий, положил руку ей на живот и царапнул.

- Ох ты, Господи Боже мой... - выдохнула тетка Нина. - Ребята, он за вами пришел.

Егор сориентировался первым. Почти бесшумно скользнув по комнате к Карине, он обнял ее тем жестом, каким обнимал на практических, и негромко произнес:

- Я сейчас его подпалю.

- Нет! - шепотом воскликнула тетка Нина. - Егор, нет, не веляю! А если не подпалишь? А если он сюда полезет?

Но Егор даже бровью не повел.

- Расслабься, - прошептал он на ухо Карине.

Легко сказать! В Карине сейчас, казалось, и клетки не было, которая не тряслась бы от страха - тем удивительнее было то, что огромный пылающий шар сорвался с их сцепленных рук и с низким гулом вылетел в раскрытое окно, оставляя за собой дымный темный след. Он с ювелирной точностью попал как раз в то место, где стоял Мовсесян, рассыпавшись огненными каплями - да только мертвец исчез за мгновение до этого. Карина смотрела туда не отрываясь: Мовсесян просто пропал. Только что был - и растаял.

Тишина, нахлынувшая на комнату, была густой – хоть режь. Во дворе было тихо-тихо: наверняка соседи, смотревшие в окна, просто лишились дара речи. Карина испуганно подумала, что тетка Нина была права: вот так налегке применять магию в поселке было как минимум неосмотрительно.

- Я скажу, что вы петарду запустили, - подала голос тетка Нина. - Молодые, горячие, никого не боитесь...

Ее голос задрожал, и женщина расплакалась, неожиданно став какой-то маленькой и очень несчастной.

Разумеется, огненная атака на восставшего из мертвых не осталась незамеченной. Вытерев слезы и приказав ребятам не высовываться в окно, тетка Нина вышла во двор, куда выбежали почти все соседи. Разбежавшиеся от Мовсесяна выпивохи вернулись, захлебываясь рассказывая о том, как тот тарачился сперва на них, а потом вылупил белесые зенки на окна. Убирая со стола и мою посуду, ребята слушали, как тетка Нина рассказывает:

- Смелые у меня гости, что тут скажешь. Петардой его шуганули. Вот молодежь пошла, ничего-то ей не страшно...

- У меня даже живот заболел с перепугу, - призналась Марго. Бледность до сих пор не покинула ее лица. - Слушайте, ребят, неужели он и правда за нами приходил?

- Зачем мы ему? - глухо спросила Маша, накрывая недоеденные салаты тарелками и передавая Артему, который убирал еду в холодильник. - Что мы ему сделали?

- Нина Георгиевна, вы уж гостей-то своих пообуздайте, - медовым до омерзения голосом пропела какая-то бабища неохватных размеров. - А то они петардами не только Мовсесяна шугать будут. Все из шараги этой, да?

- Я разберусь, не сомневайтесь, - холодно промолвила тетка Нина. - Ребята однокурсники моего Тёмочки.

- Уголовники будущие, - подал голос один из трусливых выпивох. Тетка Нина одарила его таким взглядом, что он счел нужным скрыться за спинами товарищей.

- Ты на себя-то посмотри, - сказала она. - Давно ли сам-то оттуда?

Егор, слушая эту в высшей мере поучительную беседу, усмехнулся и покачал головой.

- Так-то, девочки, - заметил он, вытирая тарелки. - Нас тут считают неблагонадежными гражданами.

- Местные уверены, что в колледже учатся трудные подростки, - поддакнул Артем. - Поэтому и за забором сидят. Лучше уж так...

Карина усмехнулась. Вот, значит, почему ее облаяли на вокзале. Перемыв посуду и все убрав, ребята вернулись в зал и стали думать, что же делать дальше. Маша предлагала с утра отправляться назад в общежитие. Мало того, что мертвый убийца притащился, стоило им только появиться в Дербенево, так еще и местные готовы за ними с вилами бежать. Артем только отмахнулся.

- Не, никаких вил. Я на каникулах нормально тут живу, ничего страшного. Они боятся нарваться, по большому счету... А вот что тут за штука с Мовсесяном, надо разобраться. За этим же приехали.

С ним нельзя было не согласиться, правда, почему-то у всех резко поубавилось желание лезть на рожон. Егор, сидевший рядом с Кариной, задумчиво произнес:

- А вы его ауру видели?

Студенты пожали плечами – видимо, все были настолько напуганы, что не обратили внимания, есть ли у Мовсесяна аура вообще. Когда Карина вспоминала черную тень,

лежавшую на асфальте, ее начинало знобить от страха.

- Во-первых, она у него есть, - продолжал Егор. - То есть, он не мертвый, а вполне живой. И аура эта довольно необычная. Там много разных вставок... ну, словно ее собрали по кусочкам. Лоскутное одеяло.

Некоторое время все сидели молча, переваривая сказанное. С улицы все еще доносились взволнованные голоса - Карина подумала, что появление Мовсесяна и якобы пущенную из окна петарду будут обсуждать еще долго.

- Неужели никто из преподавателей об этом не знает? - удивилась Марго. - Он же давеча пытался проникнуть на территорию... И что, никто не додумался увидеть его ауру?

Егор пожал плечами.

- Наверняка, они знают. Гамрян, Эльдар Сергеевич... И Черников, я думаю, тоже.

Карина изумленно посмотрела на него.

- Черников? При чем тут он?

Егор улыбнулся и как бы между делом положил руку ей на плечо. Карина подумала и не стала отстраняться.

- Мы с ребятами учимся составлять натальные карты, - сказал Егор. - Сидели той ночью на лужайке, наблюдали звезды. И я заметил Черникова - он сначала был в комнате отдыха, я его видел через окно. А потом он пошел гулять по студгородку - вниз, чуть ли не к воротам. Так что наверняка он видел, как Мовсесян лез.

- А чего это он ночью-то шастал? - изумилась Маша. Карина смотрела на нее и Артема и думала, что вот, новая парочка уже готова.

- Ночью, вообще-то, много кто шастает, - заметила Марго. - Вон, Каринка не спала. Ваню с русичкой тоже гулял.

- Ничего себе! - воскликнула Карина. Егор тоже удивленно хмыкнул. - У них что, любовь-морковь?

Марго пожала плечами.

- Ну, я бы сказала, что все к этому идет. Слушайте, ребят, ну их. Давайте с Мовсесяном сначала разберемся.

- Правильно, - кивнул Артем. - Что у нас есть? Мертвец, который не мертвец. У него странная аура. И он почему-то появился у меня во дворе, едва только мы приехали. Уважаемые знатоки, что будем делать?

С улицы донеслась пьяная нецензурщина. Марго пожала плечами и сказала:

- Предлагаю, как Эльдар выражается, на горшок и в люлю. А завтра пойдем куда-нибудь на зеленя... Тём, тут есть зеленя?

Артем ухмыльнулся и завел глаза.

- Тут все - зеленя. Собираешься ловить Мовсесяна на живца?

- А мы разве не за этим приехали? - вопросом на вопрос ответила Марго. Артем согласно кивнул и сообщил:

- Есть тут березовая рощица прямо за поселком. Можно, кстати, шашлыки пожарить, совместим приятное с полезным. Наш-то мангальчик на опушке того, медным тазом накрылся.

На том и порешили, и Артем на правах приглашающей стороны стал распределять гостей по спальным местам.

В Дербенево рано ложились спать: когда на улице сгустился плотный осенний мрак,

Карина посмотрела в окно и к удивлению своему обнаружила, что почти везде уже погасили свет. Негромко открылась входная дверь – со двора пришла тетка Нина, и Артем, который сидел на кухне, вышел ее встретить. Карина слышала их тихие голоса, но не могла разобрать, о чем они говорят.

- Хватит уши греть, - посоветовала Марго, читавшая книгу со смартфона. – Ты по-грузински все равно не понимаешь.

- Да, тут я их бин дубин, - согласилась Карина, уstraиваясь на отведенной ей раскладушке. – Маргош, а ты умеешь эти ауры проверять?

- А что?

- Да вот, тетка Нина сказала, будто у меня там какие-то нитки синие, - грустно призналась Карина. – Это к чему вообще?

- Ха! – воскликнула Марго. – К синему колечку твоему, к чему ж еще?

Карина почувствовала, как ее охватило холодом. Неужели приворот, который она сделала, оказал какое-то влияние и на нее?

- Что за синее колечко? – осведомилась Маша, которая с кем-то переписывалась смсками. Незадолго до того, как лечь в кровать, она ходила звонить бабушке и, как и ожидала Карина, вернулась зареванной. Артем, с радостью взявший на себя обязанности ее рыцаря, напоил Машу валерьянкой, и было ясно, что он встревожен.

- Да вот мы тут с Каринкой поспорили на тыщу евро, - сказала Марго, полностью игнорируя предупреждающие жесты Карины, - что она одного человека приворожит. Я теперь вся в размышлениях, где она такие деньжищи выкопает через месяц. Курс-то сейчас вон какой.

- Ничего себе! – воскликнула Маша, мигом забыв про свою переписку, и пораженно спросила: - Ты умеешь привораживать?

- Ой, Мань, - отмахнулась Марго. – Во втором семестре научись. Хотя у тебя и так все в порядке. Вон, Тёмыч смотрит, как кот на сало.

Маша посмотрела на нее очень выразительно. Даже в полумраке комнаты было видно, что она покраснела, как помидорина. Карина хотела было посоветовать Марго держать язык за зубами, но тут пиликнул телефон, извещая о новом сообщении. Карина увидела, что это смс-ка от Егора. Они на всякий случай обменялись номерами телефонов прежде, чем отправляться в Дербенево, но Карина не ожидала, что Егор будет ей писать.

«Что, гражданочки, не спится?»

Вопрос сопровождала щедрая груда смайликов.

- Вам привет от мужской части коллектива, - сообщила Карина и набрала ответ:

«Да вот, за жизнь болтаем. Вы там как?»

«Тёмыч в интернете сидит. Тетка Нина спать ушла. Ты как насчет погулять чуть попозже? Я хотел натальную карту посоставлять, а одному идти неохота».

Карина усмехнулась и подумала, что это самый необычный подкат к девушке, какой ей доводилось видеть.

«Давай, - ответила она. – Я не против».

Осенняя ночь выдалась теплой и звездной. Пригоршни созвездий, щедро рассыпанные по черной скатерти неба, висели так низко, что, казалось, протяни руку – и дотронешься до звезды. Все фонари в Дербенево давным-давно погасли, поселок погрузился в сон, и дороге Егору и Карине освещал только тоненький месяц. Люди уснули, зато пробудились чистые прохладные запахи осенних цветов и сухой травы, цикады пиликали на своих скрипочках с таким рвением, что уши закладывало, и Карина подумала, что ее душа и

тело наконец-то пришли к полной гармонии, сделав ее легче перышка.

- Кажется, я сейчас взлечу, - промолвила она. Егор взял ее за руку, и они осторожно перешли по маленькому мостку через местную речку-тухлячку и вышли в поля. Дербенево осталось позади. На холме перед ними чернела полуразрушенная церковь, печально склонив проржавевший крест. Карине померещился было огонек, таинственно озаривший развалины изнутри, но, стоило ей начать всматриваться, как свет исчез.

- Давай не пойдем туда, - попросила Карина. - Что-то жутко там.

- Хорошо, - согласился Егор. Он расстелил на траве свою куртку и жестом предложил Карине садиться. - Ты как, созвездия знаешь?

- Только Большую Медведицу, - смущенно призналась Карина, устраиваясь поудобнее. - И эту еще... которая буквой «М».

- Кассиопея, - улыбнулся Егор и больше ничего не сказал. Было ясно, что он пригласил Карину прогуляться не для того, чтобы читать ей лекцию по астрономии - и теперь, когда дошло до дела, невероятно смутился. Это смущение сделало его невероятно привлекательным.

- Да, - сказала Карина. - Да, точно. Кассиопея.

И, приблизившись к Егору, она осторожно поцеловала его. Чего тянуть-то? И так понятно, зачем молодые люди зовут девушек прогуляться под звездным небом. На какое-то мгновение Егор изумленно замер, словно не понимал, что происходит, а потом сгреб Карину в радостные объятия и впился в ее губы с такой искренней страстью, будто этот поцелуй был первым или последним в его жизни.

Ощущение было таким, словно Карине в рот влетела оса и принялась жалить, куда ни попадя. От жгучей боли брызнули слезы, Егор и Карина в ужасе отпрянули друг от друга, сдавленно мыча что-то нечленораздельное и зажимая рты ладонями. На какое-то мгновение Карине показалось, что она вот-вот потеряет сознание - настолько ей было больно. Она ревела так жалобно и громко, что все Дербенево наверняка вскочило с кроватей, услышав ее вопли. Егор не отставал - он катался по траве и бубнил что-то неразборчивое, но явно нецензурное.

Они забыли о своей боли, когда окна в церкви налились зловещим красно-золотистым светом. Карина и Егор поднялись на ноги и, поддерживая друг друга, испуганно уставились на ожившие развалины. В провале на месте двери вдруг появилась маленькая темная фигурка - нетвердо качнулась, словно ноги не держали, но затем уверенно двинулась в сторону Егора и Карины.

- Мовсесян, - прошептала Карина. - Это он...

Похоже, Егор не испытывал того парализующего страха, который охватил Карину. Ощущение чего-то по-настоящему чудовищного было огромным и всепоглощающим: Карина отчетливо понимала, что не способна ни бежать, ни сопротивляться - она уже ничего не сможет сделать, и мертвый убийца со странной аурой отрежет ей голову, как всем своим жертвам.

- Погоди-погоди, - промолвил Егор, и странное возбуждение в его голосе не понравилось Карине. Совершенно не понравилось. Парень сейчас был похож на сумасшедшего ученого, готового на все, лишь бы изучить опасное явление в непосредственной близости. Когда горбатая прихрамывающая фигурка была уже совсем рядом, Егор вскинул руку и выбросил вперед сгусток оранжевого пламени.

Огненный шар прокатился по земле, оставляя за собой пылающую дорожку. Рарог - сейчас, когда Карина смотрела на него, ей не верилось, что этот человек имеет хоть какое-то отношение к тому Егору, которого она успела узнать - моментально вылепил второй и отправил в сторону бегущего. Почти попал - горбатая фигурка в последний момент дернулась в сторону, и шар поразил пустоту, рассыпавшись плевками пламени. Егор издал низкий тяжелый рык и выпустил целых три шара, один за одним.

- Ну! - рявкнул он. - Давай! Иди сюда!

Мовсесян снова исчез, и свет в церкви погас. Звездная ночь была полна испуганными криками разбуженных птиц, где-то в Дербенево заходились лаем собаки, потрескивала, сторая, трава – а Егор стоял неподвижно, бессильно опустив руки. Сжав зубы, Карина с трудом сделала несколько шагов и взяла его за руку. Егор вздохнул и едва слышно произнес:

- Да, Карин. У него сборная аура. От разных людей.

Его голос был сильным, еле различимым.

- Я специально накидал столько шаров, - признался Егор. – Страх пробуждает все фрагменты ауры... А он меня боялся, но все равно шел. Карин, мы завтра же должны вернуться в колледж, - промолвил он решительно, - и обо всем рассказать преподавателям. Он не просто так тут отирается.

Карина кивнула, не выпуская его руку. Сухая теплая ладонь казалась единственным якорем, держащим ее на поверхности и не дающим окончательно погрузиться в пучины ужаса.

Откуда взялся огромный пыльный внедорожник, они так и не поняли: вроде бы только что его тут не было, но вот уже свет фар прорезал тьму, и водитель посигналил, привлекая внимание. Водитель открыл дверь и, высунувшись наружу, позвал:

- Идите сюда, ребята.

Голос был знакомым. Карина и Егор изумленно посмотрели друг на друга, а потом послушно направились к автомобилю. Черников сел на водительское кресло и, когда ребята подошли к нему, сказал:

- Ночью по Дербенево ходить очень опасно. Очень. Вас что, не предупреждали?

Он был крайне рассержен, и Карина никак не могла понять причин его гнева.

- Нам разрешили, - сказала она. – Наш куратор подписал заявление.

Черников скривился, будто отведал кислого. В свете лампы в салоне джипа его лицо казалось некрасивым и зловещим. Карина вновь ощутила прикосновение чего-то пугающего.

- Садитесь, - приказал он. Помедлив, Карина и Егор сели на заднее сиденье, и джип неторопливо двинулся в сторону церкви. Карина опустила глаза, чтобы не смотреть в сторону развалин: она физически чувствовала, как силуэт церкви генерирует тяжелые волны мертвящей пустоты, а откуда-то изнутри, из черных провалов на них смотрит *некто*, оживившее мертвого убийцу. Джип мягко переваливал через кочки и колдобины, громко ворковало радио, и Карине все больше и больше становилось не по себе.

- Что вы тут делаете? – наконец, спросил Егор. Черников усмехнулся, и усмешка показалась Карине очень жесткой и холодной. Она еще сильнее вцепилась в руку Егора.

- Свою работу, Егор, - промолвил Черников. – Пытаюсь отловить то существо, которое вы настолько талантливо гоняли своими огненными шарами.

- Вы охотитесь на Мовсесяна? – воскликнула Карина. Черников кивнул.

- Да. В нем крайне заинтересованы влиятельные люди из совета магов.

- Почему? – осведомился Егор.

- Я дал подписку о неразглашении, - откликнулся Черников. – А вы, я смотрю, решили проявить энтузиазм там, где не надо?

Карина промолчала. Церковь осталась позади – теперь джип ехал среди холмов, заросших юным березнячком. Карина, разумеется, не знала, как выглядят здешние места, но ей постепенно стало казаться, что они едут не в Дербенево, а совсем в другую сторону.

- Интересно же, - признался Егор. – А почему у него такая аура?

Черников одобрительно покосился в его сторону.

- Некротическое новообразование, - промолвил он. - Эти лоскутки раньше принадлежали его жертвам, насколько я понимаю.

Карина поежилась. Ветерок, влетающий в машину, приносил запах прохладной сырой воды и осоки - впереди, наверно, было озеро или река.

- То есть, он все-таки жив? - продолжал спрашивать Егор. Похоже, его совершенно не пугало то, что их везет неведомо куда тот человек, которого минувшим вечером вся их компания сочла как минимум подозрительным.

- Нет, конечно, - улыбнулся Черников, сворачивая куда-то в сторону. Карина вдруг увидела спокойную озерную гладь справа, а далеко впереди - очертания знакомых зданий студгородка. - Он мертв, приговор был приведен в исполнение - я это знаю совершенно точно. А вот почему он отирается там, где есть маги, для меня пока загадка.

- Вы что, нас в колледж везете? - разочарованно произнес Егор.

- Хватит с вас приключений, - серьезно и строго промолвил Черников. - Ваш куратор обещал с вас головы поснимать за такие подвиги. Сейчас высажу вас и поеду в Дербенево - забирать остальную команду.

Остаток пути прошел в молчании. Карина сидела, насупившись, угрюмо рассматривала обивку кресла и, когда джип остановился у ворот, попросила не забыть ее вещи. Высадив студентов, Черников сунул в зубы длинную тонкую сигарету и сказал:

- Все, молодежь, отбой. Доброй ночи.

Когда джип двинулся в сторону поселка, Карина и Егор решили не дожидаться оставшихся товарищей по приключениям и отправляться спать, раз уж так все обернулось. Проводив Карину до двери комнаты, Егор некоторое время стоял молча, держал ее за руку, и выражение его лица было настолько мягким и добродушным, что Карина чувствовала, как губы невольно расплываются в улыбке. Ей было радостно от того, что пугающий в своей решимости, чуть ли не обезумевший воин, стоявший рядом с ней в полях недалеко от разрушенной церкви, исчез без следа.

- Спокойной ночи, - негромко сказала Карина и, приподнявшись на носочках, поцеловала его в щеку. Губы охватило уже знакомым жжением, но сейчас оно было намного слабее.

- До завтра, - улыбнулся Егор и пошагал в свою комнату.

Оставшуюся часть компании привезли в общежитие к утру - сквозь сон Карина слышала, как в комнату вошли Маша и Марго, обе злые, как черти. Побросав вещи, куда придется, девушки рухнули на кровати и вскоре уже спали. Суббота, занятий нет, торопиться некуда.

Карина проснулась около восьми утра и обнаружила, что комната пуста. Соседки уже успели куда-то смыться. Быстро сходяв в душ, Карина вернулась в комнату, захватила ветровку и пошла в столовую. Впрочем, добраться туда ей так и не удалось: в холле первого этажа Карина наткнулась на Ваню, который сообщил, что ее вообще-то ждут в ректорате.

- Это с какого пуркуа? - изумилась Карина. Библиотекарь пожал плечами.

- В душе не догадываюсь, - признался он. - Наверно, есть повод.

Мельком подумав о том, что у парня наклеивается роман со словесницей, Карина вздохнула и отправилась в сторону главного корпуса. В ректорате все первокурсники побывали еще вчера - получали студенческие у секретаря. Сегодня черноволосой дамочки, которая вчера вручала студентам корочки, на месте не оказалось: по экрану компьютера плавали экзотические рыбы, пускавшие разноцветные пузыри, и над кружкой кофе еще вился ароматный пар. Из приоткрытой двери доносились голоса; Карина прислушалась и в одном из говоривших узнала Егора.

Что ж, должно быть, не все так страшно.

Осторожно постучав, Карина просунула голову в дверь и спросила:

- Вызывали?

- Проходите, - сухо промолвил Гамрян и указал на свободное место за столом. Кабинет был полон народу: угрюмые Маша и Марго сидели рядом, насупленные и сонные, Артем и Егор стояли у окна, и весь их вид говорил о том, что им ставят пресловутую скипидарную клизму ведер на десять. Эльдар сидел чуть поодаль, задумчиво раскручивал ручку, вынимал стержень и заворачивал обратно - его движения были такими механическими и резкими, словно он собирал автомат на время.

Самым интересным было огромное зеркало, занимавшее почти всю стену напротив окна. Карина присмотрелась и открыла рот от изумления: зеркало было живым - в нем, словно на экране телевизора, плавала цветная картинка: молодая женщина в деловом костюме сидела за письменным столом, заваленным бумагами, и выражение ее гордого красивого лица было таким, словно необходимость отражаться в зеркале причиняла ей физическое неудобство.

Карина плюхнулась на стул и сама не поняла, что села - засмотрелась на женщину.

- Карина Копылова, первый курс, - равнодушно представил ее Эльдар и добавил: - Карина, расскажи госпоже гхоуле о том, что случилось минувшей ночью.

Зеленые глаза женщины оценивающе скользнули по Карине, и стало ясно, что госпожа гхоула не видит в студентке ровно ничего выдающегося.

- Ну... мы с Егором пошли составлять натальную карту, - начала Карина. Женщина в зеркале ободряюще улыбнулась, и Карина продолжала: - Мы вышли за поселок и увидели заброшенную церковь. Потом там зажегся огонь, и мы увидели человека, который побежал в нашу сторону.

- Ты узнала этого человека? - осведомилась гхоула.

Карина кивнула.

- Да. Это был Мовсесян... ну, тот оживший убийца. Я его видела вечером, он стоял под окнами квартиры Нины Георгиевны.

- Что было потом?

- Егор бросил в него несколько огненных шаров, - сообщила Карина. - Это проявило его ауру. Он нас очень боялся, но все равно продолжал лезть.

- Какой была аура?

- Я ее не видела, - призналась Карина. - Но Егор сказал, что она вся из кусочков. А Александр Александрович сказал, что это некротическое образование. Ауру собрали из жертв Мовсесяна.

Женщина опустила глаза и некоторое время перебирала какие-то бумаги на своем столе. В кабинете Гамряна воцарилась тяжелая напряженная тишина. Наконец, Эльдар не выдержал и произнес:

- Лиза, какое именно задание у Черникова?

Гхоула оторвалась от своих бумаг и посмотрела на Эльдара таким взглядом, что впору было бежать неведомо куда, спасаясь от ее обжигающего гнева. Однако, Эльдар, похоже, труса не праздновал.

- Ты что, не понимаешь? - продолжал Эльдар. - Черников оказался там не случайно. Я больше чем уверен, что он как-то связан с тем существом, которое живет в оболочке Мовсесяна. И уж поверь мне, Черников не собирается его уничтожить! А вот неожиданные свидетели, - Эльдар указал в сторону Карины, - легко отделались. Я не знаю, почему он передумал. Но я клянусь, что он не собирался везти их в общежитие.

Озеро у нас тут глубокое, в прямом смысле концы в воду...

- Прекрати, Эльдар, - жестко промолвила гхоула и посмотрела на Эльдара так, что он опустил глаза и снова принялся развинчивать свою ручку. - Я не знаю всех деталей работы Черникова. Но меня заверили в том, что никаких негативных последствий для колледжа, студентов и преподавателей не будет.

Гамрян, до этого сидевший неподвижно, так, словно происходящее его ни с какой стороны не касается, внезапно поднял голову и спросил:

- Кто заверил?

Тут гхоула несколько стусевалась, словно Гамрян застал ее за чем-то непристойным или опасным.

- Знаменский, - промолвила она. - Черникова к вам отправил именно он.

- Лиза, у нас тут за неполную неделю прорыв из Параллели, который мы еле заткнули, - холодно произнес Гамрян, и всем стало ясно, что при необходимости он способен действовать очень жестко, без оглядки на чины и звания. - Некротическая слизь по всему общежитию. Студгородок и студентов атакует некое существо, при жизни бывшее серийным убийцей. А ты от лица совета магов уверяешь нас в том, что все в порядке?

Несколько мгновений гхоула молчала - должно быть, думала, как ответить Гамряну так, чтобы он понял свое место. Карине было ясно, что рыжая Лиза очень крупная шишка в мире магов - однако же Гамрян внушал госпоже гхоуле определенное уважение: так ученик, добившийся в жизни всего, что только можно получить, продолжает трепетать перед своим первым учителем. Наконец, она спокойно промолвила:

- Да, Геворг. Именно это я и говорю. И это мнение совета магов, а не мое личное, - она сделала паузу и продолжала: - Я верю, что цели Знаменского не навредят колледжу. Прошу вас поверить тоже.

Эльдар кивнул - видимо, это послужило каким-то особым знаком, потому что Гамрян заметно успокоился, и напряжение утекло прочь с его лица.

- Хорошо, Лиза, - произнес Гамрян. - Как нам вести себя с Черниковым?

По губам гхоулы скользнула легкая улыбка.

- Как обычно. Ведет свои лекции - пусть ведет. А я приеду через месяц, когда третий курс вернется с практики. Если вопросов больше нет, то тогда я с вами прощаюсь. И да, кстати, - пристальный взгляд больших зеленых глаз остановился на Карине. - Проверьте состояние здоровья Карины... мне очень не нравятся эти нитки в ее ауре.

В следующее мгновение зеркало помутнело, растворяя гхоулу и ее кабинет в таинственной темно-сиреневой глубине. Вскоре рябь, исчеркавшая зеркальную поверхность, растаяла, и теперь зеркало послушно отражало кабинет Гамряна, растерянных студентов и Карину, у которой губы дрожали от страха.

- Ребята, вы свободны, - с нажимом произнес Гамрян, откинувшись на спинку кресла. - Кроме вас, Копылова.

Студенты поняли, что спорить с ректором не следует, и медленно подались к выходу. Карина сидела ни жива, ни мертва. От ужаса у нее даже живот свело. Сейчас она искренне раскаивалась в том, что несколько дней назад со злости решила наложить на Эльдара приворот - видимо, пресловутое Синее колечко оказалось заковыристей, чем она думала. Когда Егор, растерянный и, похоже, испуганный не меньше Карины, осторожно закрыл за собой дверь, Гамрян внимательно посмотрел на Карину и произнес:

- Да, классическая приворотная порча. Свеженькая.

Карина почувствовала, как на глаза набегают слезы. Дура, какая же она дура! Эльдар оставил в покое свою ручку, окинул Карину придирчивым взглядом покупателя, выбирающего на рынке свежий кусок мяса, и согласился:

- Порча, точно.

Слезы потекли по щекам, и Карина не собиралась их останавливать. Гамрян смотрел на нее с сочувствием, Эльдар – как-то странно. Она не могла понять, как.

- Ну и дети пошли, - вздохнул Гамрян. - Я думал, самые оригинальные учились в Турьевском педагогическом, ан нет. Карина, вы создаете впечатление неглупой девушки. Преподаватели о вас отзываются очень хорошо. Я поражаюсь, с чего вы вдруг вдарились в такую безрассудную глупость, как привороты. Искренне поражаюсь.

- На Руси таких оригинальных на сто лет припасено, - подал голос Эльдар, задумчиво почесывая кончик носа. - А Карина вообще девушка особенная. Если приворот, то на кладбище и никак иначе. Если Синее колечко бросать, то на мага, причем на самого отмороженного в стране.

Равнодушный холодный тон, которым это было сказано, заставил Карину разреветься в голос. Даже вернувшаяся секретарша осторожно приоткрыла дверь – взглянуть, не надо ли чего. Гамрян с искренним изумлением посмотрел сперва на Карину, потом на Эльдара, а потом неожиданно рассмеялся:

- Вот так дела! На тебе-то, ясное дело, защита от посторонних воздействий! – отсмеявшись, он отер выступившие слезы и объяснил: - Карина, дорогая моя, никогда не привораживайте защищенных магов! Вся сила вашего обряда ударит не по объекту приворота, а по вам, и приворот постепенно начнет разрушать вас изнутри.

Карина хотела было посоветовать ему не читать лекции, а помочь избавиться от порчи, но от страха могла только всхлипывать, смахивая слезы. Вздохнув, Эльдар посмотрел на Гамряна и спросил:

- Это все лирика, Геворг. Что делать будем?

Гамрян снова улыбнулся. Было ясно, что эта неприятная ситуация почему-то крайне его забавляет, и веселое настроение ректора заставляет Эльдара нервничать.

- Как что? – улыбнулся Гамрян. - Приворот на тебя – тебе и снимать.

Эльдар посмотрел на ректора, и Карина не поняла выражения лица куратора.

Глава 6

Серый волк под горой

Вернувшись в комнату, Карина легла на кровать лицом вниз и зашлась в рыданиях. Марго и Маша куда-то ушли, а Елена, до этого сидевшая за столом и корпевшая над учебниками – им задавали намного больше, чем первокурсникам – неожиданно подошла, присела на край кровати и заботливо погладила Карину по спине. Эта внезапная поддержка была настолько трогательной и искренней, что Карина заплакала еще горше.

- Поплачь, - мягко промолвила Елена. - Поплачь, слезы помогают. Надо вымыть все, что у тебя накопилось.

Карина шмыгнула носом и села на кровати. Елена смотрела на нее с тем уверенным спокойствием, которое не оставляет сомнений в том, что однажды все будет хорошо – надо просто немного потерпеть.

- Лен, а ты на самом деле кошкой была? – спросила Карина. Елена легко улыбнулась и сказала:

- Да. Была. Несколько лет жила на улице потому, что на мою квартиру положили глаз. Пришлось долго восстанавливаться, но сейчас уже все в порядке, - она сделала паузу и сказала: - Если хочешь, можешь рассказать, что у тебя произошло. А я попробую помочь.

Карина подумала и выложила Елене всю историю с приворотом – разумеется, не называя имен во избежание драки. В том, что драка непременно будет, если Елена узнает, кого

именно приворожила глупая соседка по комнате, Карина даже не сомневалась. Она рассказала и о единственно возможном спасении от порчи, которое назвал Гамрян. Помнится, Эльдар от этого предложения, мягко говоря, опешил.

- Так что мне придется с ним переспать, - закончила Карина свой рассказ. - Потому что иначе порча не снимется... Такие вот особенности у Синего колечка.

Елена неопределенно пожала плечами.

- Ну а что поделать? - промолвила она. - Ты же не почку отдаешь, в конце концов. И чай, не девушка невинная, чтобы ломаться по этому поводу.

Карина горестно вздохнула. Конечно, Елена была права - если хочешь жить, то пойдешь и не на такое. Но сейчас, когда между Кариной и Егором уже протянулись тонкие ниточки чувств и отношений, сама мысль о том, чтобы провести ночь с другим человеком, казалась Карине невыносимо кощунственной. Это было почти преступление.

- Понимаешь, - начала Карина, - у меня сейчас с одним парнем... ну, почти отношения. И я не знаю, как ему потом в глаза смотреть.

Елена вопросительно изогнула левую бровь.

- С Егором, что ли? - дождавшись утвердительного кивка, она улыбнулась: - Ничего страшного. Ему об этом необязательно докладывать. В конце концов, считай, что это операция. Маленькая, но очень нужная. И что, теперь ее не надо делать?

Карина признала ее правоту - как и то, что ей очень больно от этой правоты. Она даже представить не могла, как Эльдар подойдет к ней, дотронется, поцелует - от страха и отвращения к самой себе все внутри замирало. Как потом общаться с Эльдаром - он же ее куратор? Как быть с Егором?

- Слишком много мыслей, - призналась Карина и вдруг сказала: - Лен, ты это... Прости меня.

Елена снова улыбнулась и погладила Карину по плечу.

- И ты меня прости. Со мной бывает очень трудно, я знаю.

После этого разговора Карине стало немного легче. Она прекрасно видела, что проблема никуда не исчезла, но соседка словно бы разделила с Кариной ее груз, и появилась надежда на то, что все еще можно исправить. И, подхватив с пола еще не разобранный сумку, с которой она ездила в Дербенево, Карина молча направилась к выходу. Эльдар сказал, что будет ждать ее в двенадцать у ворот - у Карины еще было время, чтобы позавтракать.

В столовой она увидела Марго, Машу и Егора - компания сидела за столиком в углу, и подносы с завтраком рядом с ними были нетронуты. Егор выглядел крайне подавленным, словно узнал, что-то очень плохое. Карина взяла себе омлет и большую чашку кофе и присоединилась к друзьям.

- Ну что, я проспорила, - угрюмо сказала Марго. - Тут одним поцелуем дело не ограничится.

Сунув руку в карман спортивной кофты, она достала банковскую карточку и положила на стол перед Кариной.

- Здесь как раз тысяча евро, - сообщила Марго. - Пин-код там сзади карандашом написан.

- Убери, - мрачно сказала Карина. - Убери, Маргош, и так тошно. Что, уже каждый крот знает?

Ей было страшно поднять глаза и посмотреть на Егора. Карина видела только его руки - длинные мосластые пальцы скручивали и рвали салфетку, и в этом жесте было столько отчаяния, что Карине хотелось закричать.

- Мы подслушали ваш разговор, - промолвила Маша и выложила перед Кариной маленькое грязно-серое нечто, слепленное, судя по всему, из жеваной жвачки и отдаленно напоминавшее ухо. - Вот, слухачка. Мы просто очень испугались за тебя, Кариш, - поспешила добавить Маша. - Тетя Нина эти нитки увидела, потом госпожа гхоула...

Егор скручивал и рвал салфетку, скручивал и рвал. Перед ним росла горка мятых бумажных хлопьев.

- Ему сорок шесть, - подала голос Марго. - Из них он десять лет как труп. Ленка рассказала. Е-мое, Карин, вот реально страшно за тебя. Как ты с такой дуростью дальше жить собираешься.

Похоже, потеря значительной суммы денег ее не опечалила.

- Я не хотела, - промолвила Карина. Она нашла в себе силы поднять голову и посмотреть Егору в лицо - чтобы не увидеть там ничего, кроме глухой, почти детской обиды.

Он не ответил. Расправившись с салфеткой, Егор взял с подставки последнюю и снова принялся скручивать и рвать бумажный квадратик. Карине хотелось взять его за руку, но она понимала, что не может пошевелиться.

- Как-то все у меня через одно место, - грустно призналась Карина. - Вся жизнь. Я правда не знаю, как дальше буду.

Марго собралась было ответить, но в это время в столовую заглянул Эльдар - угрюмый и в то же время какой-то решительный. Скользя взглядом по студентам, он поманил Егора и произнес:

- Егор, выйди на минутку. Копылова, через час у ворот. Не опаздывай.

Егор резко выдохнул и поднялся. Маша и Марго смотрели на него с искренним сочувствием. Карина сидела, не в силах оторвать взгляда от бумажной горки.

- Он очень расстроился, - сообщила Маша, когда Егор вышел. - Очень. Я даже не ожидала...

- А я говорила тебе, что на Эльдаре целая горсть защит висит, - вставила Марго. - От таких вот, молодых и ранних.

Карина хотела было посоветовать им заткнуться - но не сказала ни слова. В кофейную тьму в ее чашке упала сперва одна слезинка, потом вторая. Марго взяла салфетки с соседнего стола и протянула Карине.

- Ох, не реви, мэ тут мангава, - вздохнула Марго. Было видно, что вся эта ситуация ее очень расстраивает. - Вот тебе наука так наука. Ты когда вернешься-то?

Карина пожала плечами. Она понятия не имела, куда Эльдар собирался ее отвезти и когда вернуть обратно. Что делать потом, Карина не знала тоже. Она была твердо уверена только в одном - любые отношения с Егором, даже дружеские, закрыты для нее навсегда.

Вспомнился давешний сон, наверняка навеянный приворотом. Карина вдруг почувствовала, как в низу живота стало тепло: к ее растерянности и страху внезапно примешалось вожделение, и это было настолько неожиданным и необычным, что Карина смутилась окончательно.

- Я Ленке рассказала, как дело было, - произнесла она. - Только без имен. Вы тоже смотрите, не проболтайте.

- Зубки на крючок, - сказала Маша, а Марго добавила:

- Я тебе уже штуку евро проспорила. Не хватало еще на венок сдавать.

Через час к воротам подъехал уже знакомый микроавтобус. Стоя у отъехавшей в сторону двери, Карина угрюмо смотрела, как Эльдар в компании с Ваней и русичкой идет к

выходу из студгородка. Он выглядел очень мрачным и очень решительным – таким, словно собирался сдвигать горы. Карина отчего-то подумала, что предстоящее избавление от порчи ему также не доставит удовольствия.

- Чего стоим? – осведомился Эльдар, раскланявшись со своими соседями. – Время деньги, мне тоже есть, чем в субботу заняться.

- Коноплю выращивать будете? – забравшись в микроавтобус, Карина невольно обрадовалась тому, что у нее еще осталось чувство юмора.

- Да хоть и коноплю, - к невольному облегчению Карины, Эльдар сел не рядом с ней, а напротив. Водитель занял свое место, и микроавтобус двинулся в сторону Дербенево. Посмотрев в сторону студгородка, Карина вдруг воскликнула:

- Смотрите, там Черников!

Эльдар взглянул в окно и нахмурился. Невесть откуда появившийся инспектор подошел к Ване и Людмиле, и по выражению его лица было ясно, что он беседует со словесницей в крайне доброжелательном ключе.

- Интересно, чего ему надо? – задумчиво произнес Эльдар. – Не нравятся мне эти его подкаты.

- Мутный мужик, - согласилась Карина, решив, что лучше уж обсуждать Черникова, чем занятие, которому они предадутся уже совсем скоро. – Думаете, он нас с Егором убить хотел?

Эльдар пожал плечами.

- Не верю, что он просто так там оказался. Хоть режь меня, не верю.

Микроавтобус ехал той же дорогой, которой Черников вез Карину и Егора ночью. В солнечном свете теплого осеннего дня развалины церкви совсем не казались страшными – наоборот, в них было что-то романтически прекрасное. Нечто, занимавшее их ночью, куда-то исчезло. Карина с грустью вспомнила, как они с Егором попытались поцеловаться – как раз вон там, неподалеку от мостика – и ей стало настолько тоскливо, что она с трудом сдержала слезы. Елена права, не почку же она отдает – но вряд ли Карине когда-нибудь было хуже, чем теперь.

- Не переживай, - с легкой печалью в голосе сказал Эльдар. – Я тоже не испытываю от этого удовольствия. Сделаем, что должны, и останемся друзьями.

Карине захотелось ударить его чем-нибудь потяжелее.

По счастью, ничего подходящего под рукой не оказалось.

Дом на окраине Дербенево, перед которым остановился микроавтобус, утопал в зарослях флоксов. Мальвы стояли в палисаднике, словно часовые. Пройдя за Эльдаром по заросшей травой дорожке к крыльцу, Карина подумала о том, что сегодня замечательный день, теплый, сухой и солнечный, и хорошо бы провести его с Егором. Они бы придумали, чем заняться. Организовали бы пикник, например. Или попросили бы соседей погулять где-нибудь часок-другой и уединились в комнате. Но утром Гамрян сказал, что приворотная порча окончательно развернется к вечеру, а раз так, то Карина не доживет до утра. Как правило, такой вид порчи приводил к инсульту, а Карине меньше всего хотелось умереть таким образом.

Эльдар открыл дверь и жестом пригласил Карину проходить. Войдя в светлую прихожую, Карина обернулась и увидела, как микроавтобус отъезжает от калитки.

- Позвоню ему, когда все закончится, - сказал Эльдар. – Заберет нас. Ты проходи, не стесняйся.

Из прихожей Карина попала в маленькую кухню, аккуратную, белоснежную, словно только что снятую с витрины мебельного магазина. Ей подумалось, что эти изящные

шкафчики, полочки, плита и стол ненастоящие. Что это декорация. Толкнув дверь, Карина прошла в гостиную – единственную комнату в доме – и ощущение того, что она стоит на сцене, и все вещи, окружающие ее, ненастоящие, только увеличилось. Казалось, здесь никто никогда не жил.

- Располагайся, - сказал Эльдар с кухни. Дверца холодильника открылась и закрылась: должно быть, хозяин доставал минералку. Или вино. Опустившись на диван, Карина подумала, что водка была бы предпочтительней – хотя он никогда в жизни не пила водку и боялась ее пить.

Эльдар принес бутылку вина и два бокала.

- Анестезия, - объяснил он, усаживаясь на диван рядом с Кариной. - Ты слишком напугана, расслабим тебя немного.

Вино было похоже на густую кровь – очень банальное сравнение, подумалось Карине, когда она взяла бокал и сделала небольшой глоток. Она не любила вино за ту горечь, которая обычно скрывается под сладкими фруктовыми нотками, но, к ее удивлению, в этом напитке горечи не было: только тепло, воспоминание о солнце, ласкавшем крупные запыленные ягоды, и обещание чего-то хорошего. Карина и не заметила, как осушила свой бокал. Эльдар усмехнулся каким-то собственным мыслям и налил Карине вторую порцию.

- Я напьюсь, как черт-те что, - пообещала Карина. - Напьюсь, и ничего потом не вспомню.

- Тебе настолько неприятно? – поинтересовался Эльдар. Ему, судя по всему, было абсолютно все равно. Снимать порчу с приворожившей его студентки, возиться с растениями в оранжерее, готовиться к лекции – безразлично. «Что ж, - вздохнув, подумала Карина, - хоть кто-то из нас способен сохранять спокойствие».

- Мне страшно, - призналась она. - Не от того, чем мы сейчас займемся. Это... ну я почти смирилась. А вот от того, что будет потом...

Эльдар вопросительно изогнул бровь.

- Потом?

Карина шмыгнула носом. Второй бокал вина опустел как-то неприлично быстро, а хмеля так и не принес.

- Вы мой куратор. Мне у вас учиться минимум три года.

- Это не должно тебя волновать, - вздохнул Эльдар, обновляя бокалы. - Считаю, что я тебе делаю операцию. И потом, некоторые магические практики намного интимнее того, чем мы с тобой собираемся заняться.

Карина подумала, что даже представлять себе не хочет этих практик. Хватает и ужасного настоящего. Более чем.

- О чем вы говорили с Егором? – спросила она. Эльдар неопределенно пожал плечами.

- Рабочие моменты. Я же курирую второй курс.

- Мне нравится Егор, - честно сказала Карина. - Очень нравится. Но вряд ли теперь у нас что-то получится.

Эльдар как-то странно посмотрел на нее.

- Ты думаешь, что он разочарован?

Карина пожала плечами. Ей сейчас меньше всего хотелось думать о Егоре. Она была уверена, что не имеет на это права.

- Наверно. Не знаю... Давайте не будем об этом.

Должно быть, дело было в количестве выпитого вина – Карине внезапно показалось, что

в комнате с каждой секундой становится все жарче и жарче. Воздух сгустился, превращаясь в плотную осязаемую массу.

Эльдар внезапно протянул руку и дотронулся до ее колена. От неожиданности Карина вздрогнула и отпрянула – сейчас она самой себе казалась испуганным животным, угодившим в капкан. Охотник, властный и беспощадный, был рядом.

- Давайте не будем... - беспомощно повторила Карина, но губы Эльдара мягко прикоснулись к ее губам прежде, чем она смогла понять, что происходит. По телу пробежала теплая легкая волна, и Карина не отстранилась от куратора. «Это сон, - думала она, отвечая на его поцелуй. - Это сон, и я проснусь в общаге...»

Ладонь Эльдара легла на грудь Карины, потом мягко соскользнула к талии и плавно обрисовала линию бедра. Карине казалось, что она задыхается – ей никогда не было так стыдно, так страшно и в то же время настолько хорошо. Это было слишком странное и слишком сильное ощущение, чтобы противостоять ему, и Карина полностью расслабилась, как на практических занятиях, когда стояла в паре с Егором, помогая ему отправлять иглу в цель.

Эльдар осторожно избавил ее от одежды, потом разделся сам – его спокойные уверенные прикосновения вызвали в Карине такую бурю чувств, что она боялась сгореть от стыда и желания и не знала, чего хочет больше: то ли оттолкнуть Эльдара и убежать – и будь, что будет! – то ли наоборот, привлечь его к себе и не выпускать из объятий. Его дыхание опалило кожу – Карина почти видела, как с губ куратора срываются алые лепестки пламени. Она прекрасно понимала, что не оттолкнет его, и скоро все закончится именно так, как и должно. Карина знала, что завтра не сможет смотреть в глаза ни Эльдару, ни Егору – но все это будет только завтра, а пока ее тело с радостью откликалось на умелые ласки, и Карина понимала, что переступит и через страх, и через стеснение, иначе просто сгорит от нетерпеливого возбуждения и желания, накрывшего ее с головой.

Потом, когда он осторожно развел ее бедра, Карина на какое-то мгновение опомнилась – жаркое наваждение схлынуло с нее, освобождая разум. Карина невольно обрадовалась этому, поймав вопросительный взгляд Эльдара, согласно кивнула и через несколько секунд ощутила, как куратор все с той же неспешной размеренной осторожностью вошел в нее.

«Вот и все, - с какой-то тихой тоской подумала Карина, обхватив Эльдара за плечи и притянув к себе. - Вот и все...»

Подождав, пока Карина привыкнет, куратор начал двигаться, сперва медленно и размеренно, но постепенно увеличивая темп и глубину. И, незаметно для себя, Карина откликнулась, подаваясь навстречу бедрами. Ей было хорошо, просто невероятно хорошо и легко – если бы она умела считывать информацию с ауры, то увидела бы, как синие нити приворота без следа исчезают в золотом сиянии. Последняя нитка, самая толстая и грубая, растаяла в тот момент, когда Карину захлестнула горячая волна удовольствия, и девушка бессильно обмякла на диване. Через несколько мгновений Эльдар что-то сдавленно прошипел и расслабленно уткнулся в плечо Карины влажным лбом.

Несколько минут они лежали молча, не разнимая рук и не разрывая соединивших их нитей – эти нити невесомого счастья потом растаяли сами, когда Эльдар с сожалением поднялся, сел на диване и, пристально посмотрев на Карину, произнес:

- Ну вот и все. Порча снята.

Карина вздохнула, не понимая до конца, что именно чувствует: то ли облегчение, то ли разочарование от понимания того, что ничего подобного у них больше никогда не будет. Помедлив, она села рядом с Эльдаром и повторила:

- Вот и все. Тут туалет есть?

Эльдар усмехнулся.

- Как пошло, - заметил он и, аккуратно взяв Карину за подбородок, легко поцеловал – по губам словно огоньком мазнуло. Всклипнув, Карина отодвинулась от Эльдара, и он, довольно улыбнувшись, произнес:

- Сейчас. Надо закончить одну вещь.

Карина вдруг поняла, что у куратора изменился голос, став совсем другим, не таким глубоким – в нем проявились нотки, которых раньше не было. Эльдар продолжал улыбаться, и его лицо внезапно дрогнуло и начало меняться, оплывая, словно восковая маска под действием огня. Изнутри пробивались совсем иные черты.

Карина закричала.

Субботнее утро Люда провела спокойно, почти по-домашнему: с утра выпила чашку кофе, сделала маску для лица, потом сходила в каморку завхоза – позвонить родителям, пока студенты не кинулись драться за телефон с той же целью. Дома все было хорошо и спокойно. Мама, конечно, волновалась о том, каково Люде живется на новом месте, но Люда в очередной раз заверила ее в том, что давно стала большой девочкой, и мама вроде бы поняла. Потом Люда вернулась в свой блок и, устроившись на диване в гостиной с чашкой чаю и тарелкой пирожных, открыла ноутбук и стала готовиться к лекциям на следующей неделе. Уходя в библиотеку, Ваня оставил телевизор включенным, и краем глаза Люда следила за приключениями Оливии Данэм в параллельной вселенной. После прорыва и тхааморов фантастический сериал казался исключительно документальным.

Впрочем, Люда недолго наслаждалась одиночеством. Вскоре дверь в блок распахнулась, и в гостиную вошел встрепанный и покрасневшийся Эльдар, который тащил за шкирку Егора. Студент сдавленно матерился сквозь зубы, и по выражению лица Эльдара Люда поняла, что давненько его так не вышивали гладью: некоторые словоформы, которые выплевывал Егор, произвели на Люду, профессионального филолога, значительное впечатление. Ваня, вошедший за ними, закрыл дверь и разудало подмигнул Люде.

- Ты понял, что я тебе сказал? – осведомился Эльдар, одергивая рубашку. Егор одарил его весьма красноречивым взглядом и ответил:

- Да. Я понял.

- А что ты понял, псих припадочный?

- Что она тебя не любит. И что ты ее тоже не любишь, - процедил Егор, и Эльдар развел руками и сказал, почему-то обратившись к Люде:

- Вот, Людмила Васильевна, полюбуйтесь. Дурак дураком, а ведь соображает что-то иногда. Случаются удивительные проблески и озарения.

- Что случилось-то? – поинтересовалась Люда. Дело определенно принимало занимательный оборот.

- Гражданка Копылова отчебучила, - объяснил Эльдар. - Приворожила меня по причине личной неприязни, но не учла, что обратка пойдет именно на нее. А гражданин Хмельницкий из ревности едва не выжиг мне глаз. Потому что именно я должен снимать эту обратку, причем самым что ни на есть интимным образом. Ну что, Егорушка, пойдём оформлять докладную о покушении на куратора, или ты все-таки слушаешь мой план?

Егор шмыгнул носом, и Люда поняла, что он сейчас полностью раздавлен – но все же пробует надеяться. Она не знала, как бы сама повела себя в такой ситуации: возможно, тоже кидалась бы выжигать глаза, если бы умела.

- Какой план?

Эльдар снова развел руками.

- О, святая Марфа, покровительница неудачников, ты услышала мои молитвы, - с театральной напыщенностью промолвил он и велел: - Жди здесь.

С этими словами Эльдар ушел в свою комнату, а Ваня плюхнулся на диван рядом с Людой и сказал:

- Ну, сейчас будет шоу. Занимаем места в первом ряду.

Эльдар вернулся – из комнаты он принес тонкий белый свитер и модные темные джинсы. Приложив свитер к груди Егора, он довольно кивнул:

- Почти в самый раз. Иди вон, на кухню, переоденься. И живо! Тебя девушка ждет. Надеется, между прочим.

Егор не стал спорить, хотя было видно, что идея надевать личные вещи Эльдара ему крайне претит. Переодевшись – свитер действительно повис на нем мешком, а джинсы стоило подвернуть – Егор вошел в гостиную, держа в руках свою футболку и спортивные штаны, и мрачно осведомился:

- Ну? Дальше что?

Эльдар запустил пальцы в карман брюк и извлек крошечный темный пузырек. Внимательно прочитав написанное на затертой этикетке, он осторожно вытянул пробку, и в гостиной пронзительно запахло хвоей.

- Вот, держи, - сказал он и протянул пузырек Егору. - Пей до дна и, Бога ради, без рвоты.

Егор помедлил, несколько минут вглядываясь в содержимое пузырька – хотя, казалось бы, что там можно было разглядеть через маленькое узкое горлышко – а потом послушно выпил и тотчас же зажал рот ладонями: видимо, предложенное ему зелье действительно было забористым. Эльдар поддержал его – иначе Егор не устоял бы на ногах: накотившая слабость заставила парня покачнуться. Он обмяк в руках куратора, и Люда поняла, что Егор почти лишился сознания.

- Давайте положим его, - предложила Люда, поднявшись с дивана и подтолкнув Ваню: не сиди, мол, помогай. Егора устроили на диване, Люда принесла плед, и это оказалось очень кстати: парня начало знобить, а на лице выступили крупные капли пота. Люда испуганно подумала, что будет делать, если Егору станет еще хуже. Вряд ли в Дербенево есть нормальные врачи... Мысли металась, как заполошенные птицы, и Люда не сразу заметила, что мокрое, потемневшее от боли лицо Егора стало меняться.

Это было похоже на то, как вылупляется птенец, пробивая уже не нужную оболочку яйца – новые черты проступали поверх прежних, Егоровых: изменялся лицевой угол, нос становился длиннее, тоньше и острее, уши, аккуратно прилаженные к голове, вдруг уродливо оттопырились, а губы искривились тонкой язвительной ниточкой. Коротко подстриженные темные волосы посветлели и завились, упав по шее и плечам длинными свободными прядями.

Егор издал короткий хрип, и преображение завершилось. От изумления Люда ахнула: теперь студент был точной копией своего куратора. Эльдар довольно смотрел на Егора, и было понятно, кто именно будет решать проблему студентки Копыловой. Он помог парню подняться и осторожно подвел к зеркалу в прихожей – всмотревшись в свое отражение, Егор испуганно взглянул на куратора и пролепетал:

- То есть, я... А как? А вы?

Эльдар вздохнул так, словно не переставал поражаться наивной глупости своих подопечных.

- А я спать пойду, потому что вы, студни, мне все нервы повытрепали, - сказал он. - Сделаешь все, что нужно, а потом заклятие спадет, - усмехнувшись, Эльдар добавил: - При желании можете повторять. Да, и вот еще что...

Взяв своего двойника за руку, он указательным пальцем быстро начертил на ладони какой-то иероглиф, на мгновение вспыхнувший золотистым огнем. Егор вопросительно посмотрел сперва на собственную руку, потом на Эльдара, и тот снизошел до объяснения:

- Контрацепция, мой дорогой подопечный. Слушайте, друзья, - сказал Эльдар, оборачиваясь к Ване и Люде. - Проводите мою копию к воротам, его там девушка румяная заждалась. Да смотрите, чтоб не упал! А то пойдут разговоры, что проректор по воспитательной с утра уже лыка не вяжет.

Разумеется, Егор не упал. Он почти сразу же вошел в роль, и даже Гамрян, с которым компания встретила на первом этаже, ничего не заподозрил, когда лже-Эльдар обменялся с ним твердым рукопожатием. Карина уже стояла у ворот – угрюмая и несчастная девчонка, пострадавшая от собственной глупости. Люде вдруг показалось, что она видит странные бледно-голубые паутинки, порхающие возле головы девушки.

- Ну, дай Бог, чтоб получилось, - сказал Ваня, когда Егор и Карина сели в микроавтобус, и, обернувшись к Люде, поинтересовался: - Ты как насчет озера? Часов в пять?

- А твоя библиотека? – вопросом на вопрос ответила Люда. Ваня пожал плечами.

- Да не убежит. Посажу какого-нибудь второкурсника за главного. Да хоть вот Марго, - он кивнул в сторону студенток, сидевших на траве поодаль, и окликнул: - Маргош! Ты как насчет сегодня меня подменить?

Марго только руками развела.

- Подменю, - сказала она. - Но буду жрать и бесчинствовать.

Ваня победоносно улыбнулся.

- Ну вот, - довольно произнес он. - Все готово.

Люда представляла, как может закончиться эта приятная прогулка, и не могла сказать точно, хочет ли она этого или нет. Впрочем, она все-таки решила согласиться: не сидеть же в комнате в такую хорошую погоду.

В это время к ним подошел Черников – Люда так и не успела с ним толком познакомиться и пообщаться – и чуть ли не с поклоном поздоровался и поинтересовался:

- Людмила Васильевна, а вы ведь английский преподаете?

Ваня спрятал руки в карманы и очень выразительно посмотрел на инспектора, словно хотел поинтересоваться, чего это ему тут понадобилось – причем используя возражения, не поддающиеся никакой цензуре.

- Да, - кивнула Люда. - Да, преподаю. Можно на «ты», кстати.

Сейчас «мутный мужик Черников» отчего-то очень располагал к себе.

- Хорошо, - согласился он. - Люда, как ты смотришь на то, чтобы меня порепетировать? В следующем году еду по контракту в Нью-Йорк, а дальше «гёрл» и «окей» так и не забрался. Не бесплатно, разумеется.

Ваня усмехнулся и покачал головой. Не надо было быть магом, чтобы понять, о чем он сейчас думает: почуял конкурента, который очень ловко берет даму в оборот – и карьерой похвастался, и себя обрисовал как приличного человека, а не поклонника халявы.

Люда улыбнулась.

- Хорошо, только давай начнем завтра? Часов в двенадцать, устроит?

Черников охотно согласился и, поспешив раскланяться, двинулся в сторону главного корпуса. Люда вдруг заметила, что Марго смотрит ему вслед – пристально и неотрывно.

Катание на лодке, впрочем, прошло без эксцессов, и Люда вернулась в общежитие, отчего-то вздохнув с облегчением. Должно быть, Ваня пока решил повременить с переводом отношений из дружеской плоскости в любовную – а может быть, Люда нравилась ему намного меньше, чем ей хотелось думать.

На первом этаже, у лифта, к ней неожиданно подошла Марго и с определенным смущением поинтересовалась:

- Людмила Васильевна, извините, пожалуйста, а Черников Сан Саныч – он ваш друг, да?

Люда вопросительно изогнула левую бровь.

- Нет, почему ты решила?

Марго одарила ее белозубой улыбкой, и в ее взгляде вдруг мелькнуло что-то странное, какая-то зеленая волна.

- Это хорошо. Спасибо, - и студентка снова подалась на улицу. Похоже, в отличие от сокурсников, оккупировавших библиотеку, учеба ее не беспокоила. Люда шагнула к лифту, но внезапно нахлынувшая слабость заставила безвольно привалиться к стене. Должно быть, давление упало, вот и мерещится весь день какая-то дрянь: то синие паутинки вокруг Карины, то зелень в глазах Марго...

Дверцы лифта открылись с мелодичным звоном, и в холл вышел Гамрян. Увидев Люду, он встревоженно приблизился к ней и спросил:

- Людмила Васильевна... Люда, что с вами?

Эти слова донеслись до Люды словно через толстое одеяло. Воздух в легких вдруг стухнул, стал тяжелым и горьким, и Люде неожиданно показалось, что она тонет - как когда-то в детстве, когда она тонула в реке и чувствовала примерно то же, что и сейчас: обреченный ужас, желание выкарабкаться и невероятно четкое понимание того, что она уже ничего не сможет с этим поделать. Перед глазами сомкнулась темная пелена, и Люда, потеряв сознание, упала прямо в руки Гамряна.

-...красавец. Жирный-то какой!

-...это ты еще жирных не видал, братюнь. Вот я в том году видел - вот там был жирный...

-...но кто додумался посадить психочервя человеку? Я понимаю, мага - но человеку?

-...тут важнее то, какая на нем прописана информация...

Сознание возвращалось, принося непонятные запахи, звяканье инструментов в кюветках, осторожные прикосновения рук, затянутых в перчатки. Открыв глаза, Люда увидела, что лежит на операционном столе, прямо над ней нависает сияющая лампа - в отражении на ее блестящем теле Люда увидела себя и людей, которые что-то делали с ее головой.

- Она пришла в себя, - сказал откуда-то сбоку голос Вани, и в нем Люда услышала искреннюю радость. - Люд, ты как?

Люда попробовала ответить, но убедилась в том, что язык не ворочается. Лицо жгло так, словно его покусали пчелы.

- Постарайтесь не шевелиться, Люда, - в поле зрения появилось человеческое лицо, скрытое под хирургической маской, но по глазам и темным бровям Люда опознала Гамряна. - На вас напали. Вживили психочервя. Магов он делает особо восприимчивыми к чужому воздействию. А вот людей убивает. Хорошо, что мы с вами встретились в холле.

«В самом деле, хорошо, - подумала Люда. Мысли были ленивыми, мысли не хотели шевелиться, прижимались друг к другу и отчаянно сопротивлялись, когда Люда пыталась размышлять. - Вот только кому это надо?»

- О, заговорила! - радостно воскликнул Ваня, и Люда поняла, что задала свой вопрос вслух. - Люд, да мы сами не знаем! Обычно людям психочервей не подсают. Это ж магическая фишка. Получается, кто-то принял тебя за мага?

- Я не маг... - едва слышно проговорила Люда. Колочее жжение в языке и губах усилилось, но она повторила: - Я не маг.

- Да, я смотрел, - прозвучал голос Эльдара. - Обычная человеческая девушка. Геворг, что с червем?

- А что с червем? - поинтересовался Гамрян, и Люда ощутила, как сильные твердые пальцы стиснули ее виски.

- А то с червем, что я его держу до сих пор.

- Ну поддержи еще, что ли, - с неудовольствием откликнулся Гамрян. - И Лиза еще будет нам говорить, что все нормально. Да тут каждый день приключения!

Люда не могла с этим не согласиться. Она понятия не имела, кто такая эта Лиза, но дамочка явно неважно разбиралась в ситуации. Наконец, Гамрян оторвался от ее головы и сказал:

- Все, Люда. Сейчас вы уснете на четверть часа, а потом поговорим...

Его последние слова утонули в вязком сонном мареве, окутавшем Люду. Сон не принес сновидений, зато, когда Люда открыла глаза, то почувствовала себя намного лучше. Она обнаружила, что ее успели перенести на койку в лазарете, и вся честная компания во главе с Гамряном уже устроилась на стульях рядом.

- Я встану, мне уже лучше, - сообщила Люда, но Гамрян протестующе вскинул руку.

- Ни в коем случае! Ну-ка, не геройствуйте. На понедельник и вторник дам вам отгулы, отлежитесь, - Люда хотела было спорить, но Гамрян погрозил ей пальцем и сказал: - Даже не думайте, Люда. Вы чудом смогли избежать большой беды.

Люда кивнула. Одно название этой мерзости, невесть как прилипшей к ней, внушало ужас. И кому понадобилось так поступать? Она еще не успела ни с кем поссориться, никто не обменивался с ней колкостями, все было тихо и мирно...

- Кто вот только додумался подселить вам червя, - хмуро продолжал Гамрян, откликаясь на Людины мысли. - Причем совершенно пустого червя, в нем ничего не прописано. Никаких приказов. Пустота.

- И без подписи автора, - подал голос Ваня и вдруг, на мгновение нахмурившись, спросил: - Геворг Ашотович, а что, если червя обнулило то, что Люда - человек?

Гамрян пожал плечами. Было видно, что он пребывает в растерянности и недоумении, и такое состояние ему очень не нравится.

- Может быть. Я вижу пока два варианта. Либо червя хотели посадить кому-то другому, и Люда по случайности перехватила его, либо злоумышленник не знал, что она человек. Хотя как можно этого не заметить - я не представляю, - Гамрян сделал паузу и потом спросил: - Вспомни, с кем ты общалась сегодня. Перечисли всех, по порядку.

Подумав, Люда рассказала о своем дне - когда дошло до Черникова, Эльдар воскликнул, хлопнув себя по колену:

- Ну я так и знал!

Выражение его лица было таким, что Люда поежилась. Гамрян с неудовольствием посмотрел на Эльдара, словно хотел посоветовать ему заткнуться.

- У тебя во всем Черников виноват, - сказал ректор. - Не притягивай его за уши, куда не надо, хорошо?

Эльдар осклабился.

- Конечно. Но он один раз меня уже убил. И я не хочу дожидаться второго раза.

- Улик-то нет, - промолвил Ваня. - Подумаешь, захотел чувак инглиш подтянуть. У него карьера за бугром и пафоса полные карманы.

Люда не сдержала улыбки. Если это не ревность, то что тогда? От злости у Вани, кажется, даже дреды шевелились, и это было настолько мило, что Люда улыбнулась снова.

- У меня о нем Марго Михай спрашивала, - сообщила Люда. Эльдар натуральным образом изменился в лице: Люда и предположить не могла, что ее сосед по комнате может выглядеть настолько свирепо. - Интересовалась, не друг ли он мне. Буквально за минуту до всего этого...

Эльдар развел руками так, будто хотел показать, что дело зашло слишком далеко. Настолько далеко, что страшно представить. Масла в огонь подлил Гамрян, который сказал:

- Я их видел сегодня днем. Очень мило беседовали, почти ворковали.

Глава 7

Кхаморо пэкэла

Пока в гостях у тетки Нины Маша плакала после разговора с бабушкой, Артем сидел на каком-то форуме автомобилистов, а Карина и Егор отправились на прогулку, Марго не тратила времени на пустяки. Выйдя со смартфона в интернет, она умудрилась раскопать, что когда-то давным-давно в захудалом городишке под названием Турьевск жил да был молодой человек по имени Саша Черников, который учился на матфаке местного педуниверситета и профессионально занимался бальными танцами. Учитывая, что Гамрян в то время был деканом матфака, Марго решила, что совпадение не случайно: наверняка ректор колледжа не забыл своего ученика и дал ему почасовку. Спустя полчаса поисков на одном из форумов обнаружилось и старое фото: долговязый тощий паренек, державший знамя факультета математики и информатики, был очень похож на мужчину, который сейчас читал лекции в колледже.

- Значит, бальные танцы, - задумчиво сказала Марго. - Ну, посмотрим, что он напляшет.

Она, конечно, не считала себя Матой Хари, но была уверена, что нужную информацию женщина может получить только одним способом - и Марго ничего не имела против этого способа.

Когда в половине третьего Черников, злой, как черт, приехал за ними, Марго собралась первой, вышла из подъезда и устроилась на сиденье рядом с водителем. Черников, дожидаясь, пока Маша и Артем, зевая, разместятся сзади, косился в сторону Марго, и она уловила в его взгляде легкий флер интереса. Пока красивая смуглая девушка была всего лишь студенткой среди остальных студентов, но Черников уже начал ее потихоньку выделять, и это вполне вписывалось в планы Марго.

- Пристегнуться? - спросила она, искоса глядя в его сторону.

- Да уж будьте любезны, - хмуро произнес Черников. - Дороги тут всю душу вытрясут.

Марго послушно пристегнулась и, когда джип выехал со двора, доброжелательно сказала:

- Очень здорово, что вы за нами приехали. Мы тут такого страху натерпелись! Этот покойник мало-мало в дом не ломился.

Черников неопределенно пожал плечами.

- Интересный феномен, - сдержанно заметил он. Артем хотел было что-то добавить по этому поводу, но передумал. Маша, привалившись к его плечу, снова задремала.

- Любопытно, почему его так тянет к магазинам, - продолжала Марго. Черников усмехнулся.

- Понятия не имею. А вы... Марго, да? - Марго кивнула, и Черников сказал: - Заметили его ауру?

Марго только руками развела.

- Честно говоря, нет. Я так испугалась, что старалась лишний раз не высовываться. А разве у него есть аура? Он же мертвец... - она замялась, подбирая слова: - Дух, призрак?

Спящее темное Дербенево, таинственно подсвеченное редкими фонарями, осталось позади, и джип выехал на дорогу, ведущую к колледжу. По обеим сторонам дороги темнели кусты, сонные деревья выбрасывали руки к машине, какое-то мелкое животное метнулось в сторону, испугавшись света фар, и Марго вдруг подумала, что если этот

Черников действительно подозрительный тип с червоточиной, то с него станется открутить студентам головы и выбросить в канаву. Очень уж местность располагала к криминалу. Впрочем, Марго тотчас же отменила эту мысль как заведомо ложную. В конце концов, Черникова видела тетка Нина, да и любопытные соседи наверняка спали не так крепко, как хотели показать. Он же не выбросит в канаву всех свидетелей.

- У него есть аура, - сказал Черников. Он говорил неторопливо и осторожно, словно правильно подбирая слова, стараясь не сболтнуть лишнего. - Он ведь был серийным убийцей, вы же знаете? - Марго кивнула, и он продолжал: - Так вот, его аура соткана из клочков ауры жертв.

- Боже мой... - промолвила Марго. - Кто же он... что же он такое?

- Я не знаю, - откликнулся Черников. - Но я здесь для того, чтобы разобраться с ним окончательно. И вы, Марго, сделайте мне одолжение - больше не выходите за пределы студгородка. Ваши друзья, Копылова и Хмельницкий, сегодня ночью столкнулись с Мовсесяном, и хорошо, что я оказался неподалеку.

Марго испуганно вскрикнула и тотчас же закрыла рот ладонями, в ужасе глядя на Черникова и надеясь, что не переигрывает. Конечно, то, что ее друзья столкнулись с мертвым убийцей, заставило ее содрогнуться от страха - но Марго старательно добавила в этот страх несколько капель женского восхищения и кокетства.

- Они не ранены? - спросила она. - Каринка, Егор... с ними все в порядке?

Черников кивнул. Впереди уже маячили здания студгородка, и Марго почувствовала облегчение - несмотря ни на что, она испытывала определенное напряжение, сидя рядом с преподавателем.

- Да, они уже в общежитии, - сказал Черников. - Но я ведь не всегда буду рядом.

Машина остановилась у ворот, и, когда Артем и Маша, отчаянно зевая, выбрались с заднего сиденья и поплелись в сторону общежития, Марго улыбнулась и протянула Черникову руку.

- Спасибо вам, - сказала она. - И за меня, и за ребят... Спасибо.

Губы Черникова дрогнули в улыбке. Он взял руку Марго, но, вопреки ее ожиданиям, не пожал, а - надо же! - поцеловал.

- Доброй ночи, - мягко промолвил он, и Марго, выйдя из машины, пошла догонять товарищей, думая о том, что будет спать до обеда.

Ей казалось, что в отношении Черникова она на верном пути.

Днем Марго продолжила реализацию своего плана, как бы невзначай столкнувшись с Черниковым в столовой. Четверть часа назад он беседовал с русичкой - Марго краем уха уловила что-то относительно репетиторства по английскому - а у Вани, стоявшего рядом, от ревности пар из ушей валил. Марго усмехнулась: хочешь понравиться тургеневской девушке Люде - срезай к чертям собачьим свои дреды и бери уроки манер. Распрощавшись с коллегами, Черников направился к столовой - дело шло к обеду, и Марго, оставив Машу на лужайке в компании с учебником и неизменными слойками с ветчиной, двинулась тем же путем.

Не только она решила набить брюхо вкусным - свободных столиков не оказалось, и Марго, таща свой поднос с борщом, картошкой, мясом и тремя видами салатов, решительно двинулась в угол, где в одиночестве сидел Черников: на ее счастье, ему еще никто не составил компанию. Когда он поднял голову, оторвавшись от планшета, Марго ослепительно улыбнулась и спросила:

- Добрый день, а можно к вам? А то все столики заняты...

Возможно, ей показалось, но Черников обрадовался ее появлению. Насколько поняла Марго, с ним никто не спешил заводить дружбу: ни студенты, которые испытывали искреннюю неприязнь к его предмету, ни преподаватели, которые невзлюбили Черникова после того, как обнаружилось, что когда-то именно он убил Эльдара. Марго

подумала, что если кому-то нужен человек, который никогда, ни при каких обстоятельствах не стакнется с коллективом, то, пожалуйста, вот он – Александр Черников. Обаятельный брюнет с интеллигентным, вполне располагающим лицом и ранней сединой в кудрях.

- Разумеется, присаживайтесь, - сказал он, отодвинув свой поднос, хотя на столе и без того было достаточно места.

- Приятного аппетита, - пожелала Марго и поинтересовалась: - Любите харчо?

Черников пожал плечами, но было видно, что интерес ему приятен.

- Даже и не знаю, - улыбнулся он. - Оно выглядело наиболее аппетитно.

Некоторое время они отдавали должное стряпне местных поваров, а потом Марго спросила:

- А вы на бал пойдете?

Первого октября третьекурсники возвращались с практики, а пятого в колледже должен был состояться осенний бал – красочные плакаты, которые извещали об этом, с утра расклеили на всех досках объявлений. Хотя до бала был еще месяц, студенты уже оживились по этому поводу, прикидывая, кто и с кем пойдет, и как организовать вечеринку со спиртным.

- Пойду, - сказал Черников. - Все преподаватели там будут. А вы?

- Нет, - с искренней грустью призналась Марго. - Я танцевать не умею, а в углу сидеть – я и в комнате посижу.

Черников улыбнулся.

- Танцевать совсем не трудно, - сказал он. Марго только рукой махнула.

- А! Нетрудно, если есть хоть какой-то навык. А я никогда не танцевала и уже не научусь.

- Напрасно вы так, - промолвил Черников. - Если хотите, то я могу вас научить.

От удивления Марго едва ложку не выронила. Радость на ее лице была настолько искренней, что Черников улыбнулся еще шире. Марго подумала, что поставила на правильную лошадь – все-таки человек животное социальное, и Черников, который будто был отделен от всех прозрачным стеклом, искренне хотел кому-нибудь пригодиться. Одиночество тяготило его.

- Вы? - переспросила Марго так, словно не могла поверить внезапно свалившемуся на нее счастью. - Вы можете меня научить?

- Могу. Я профессионально занимался бальными танцами, работал тренером... так что вальс вы будете танцевать лучше всех, - пообещал Черников. Марго порывисто и благодарно сжала его руку и тотчас же выпустила, будто устыдилась своего жеста.

Они договорились устроить первую тренировку вечером в спортзале – именно об этом Марго и рассказала Эльдару, который самым натуральным образом припер ее к стене в тот момент, когда Марго шла на занятие, помахивая пакетом с туфлями. Туфли были взяты напрокат у Елены, которая пообещала оторвать Марго и голову, и руки с ногами, если с обувью что-нибудь случится.

- Танцевать? - искренне удивился Эльдар. - Михай, я не пойму: тебе что, веселья мало?

Марго уперла руки в бока и с вызовом ответила:

- Да, мало. Я всю жизнь мечтала румбу танцевать. Бедрями в разные стороны: тыц-пыц, - и она даже показала, как именно в ее понимании выглядит румба. Эльдар, судя по всему, не оценил.

- Я твой куратор, - напомнил он. - И в целях твоей безопасности запрещаю иметь какие-то контакты с Черниковым, помимо учебных.

- Не запретите! – воскликнула Марго. – И вообще... он мне, между прочим, нравится.

Эльдар изменился в лице. Марго никогда не думала, что сможет увидеть куратора настолько удивленным.

- Это в каком смысле? – не понял он.

- В прямом, - ответила Марго. – Как мужчина.

И, воспользовавшись тем, что изумление Эльдара дошло просто до невероятных вершин, она сделала шаг в сторону и через мгновение уже мчалась вниз по лестнице. Таня, которую Марго едва не сбила с ног, изумленно посмотрела ей вслед.

Марго и не предполагала, что какие-то там бальные танцы заставят ее чувствовать себя выжатым лимоном после первого занятия. Черников подошел к вопросу обучения крайне основательно и при невероятной обходительности спуску все-таки не давал. Впрочем, к концу урока Марго уже могла вполне пристойно скользить по воображаемому квадрату на паркете и не отдавливать ноги своему партнеру.

Конечно, гораздо важнее был физический контакт. Марго решила не строить из себя скромницу, которая содрогается всем телом, когда мужчина берет ее за руку, и это пошло на пользу: в конце тренировки Черников с искренней радостью похвалил ее и сказал, что они станцуются очень быстро.

- А что это значит? – спросила Марго. Черников, возившийся с флешкой, на которую была сброшена музыка к занятию, охотно объяснил:

- Это когда партнер и партнерша друг от друга не шарахаются. Он ведет, она позволяет себя вести... - Черников сделал паузу и добавил: - Как отношения двух любящих людей. Только в танце.

Марго согласно кивнула. За эту тренировку они наобнимались так, что, в принципе, уже были кем-то большим, чем просто знакомые.

- Извините, Александр Александрович, - сказала Марго, собрав вещи и стоя у выхода в ожидании, - а у вас случайно пакетика с кофе не будет? А то столовая закрыта уже, а девки мои только по чаю соображают.

Черников прямо просиял. Должно быть, одиночество причиняло ему намного больше неудобства, чем Марго могла предположить.

- Пакетиков нет, - сказал он. – А банка есть. Идемте, угощу.

Впрочем, угощения не получилось: возле входа в общежитие стоял Гамрян, который позвал к себе Черникова, и слегка разочарованная Марго вернулась в свою комнату. Карины еще не было, и, задумчиво посмотрев на Машу, которая усердно готовилась к практическому занятию, обложившись самыми растрепанными книгами, какие только можно вообразить, Марго нахмурилась и поинтересовалась:

- Слушай, Мань, а если Эльдар тут, то с кем тогда Каринка уехала?

Маша оторвалась от книг и некоторое время размышляла над вопросом, а потом просияла и ответила:

- Наверняка с Егором! Я его с обеда не видела. А Тема с Витовтом одни пошли карты составлять.

Плюхнувшись на кровать, Марго подумала, что вроде бы можно вздохнуть с облегчением и искренне поблагодарила святую Марфу, покровительницу неудачников, за помощь. Она не была уверена, существует ли такая святая на самом деле, но Эльдар поминал ее так энергично, что Марго решила не сомневаться по этому поводу.

- Мань, а Мань, - сказала Марго, вольготно потянувшись на кровати и заложив руки за голову. – Как ты думаешь, а вдруг Черников нормальный мужик? А мы его тут

подозреваем невесть в чем?

Маша отложила ручку и покачала головой.

- Мутный он все-таки тип. Слишком часто попадаетея, если рядом кипиш какой-нибудь... А почему ты спрашиваешь?

- Да так... - махнула рукой Марго, решив держать свое при себе. - Мысли разные в голову лезут.

Она действительно терялась в размышлениях. Вот хоть убей, при близком контакте Черников не выглядел злодеем, затевающим какую-то дрянь. Обычный человек, со своими странностями, конечно, но у кого их нет? Ладно, пусть он когда-то убил Эльдара - но магические разборки, насколько Марго успела понять, дело похлеще любой политики: в них не разберешь, кто прав, кто виноват, а вчерашние враги сегодня могут быть закадычными друзьями - такие случаи Марго тоже видела. Эльдара любят, ему верят - а Черникова сторонятся. Хотя вот гхоула сегодня утром вроде была на стороне инспектора...

Марго поняла, что запуталась, решила плюнуть на размышления и пойти все-таки попить кофе. Может, Гамрян уже отпустил Черникова с миром. Выйдя к лифту, Марго лишний раз убедилась в том, что на ловца и зверь бежит: Черников спустился по лестнице с банкой дорогого кофе и кружкой в руках.

- Не знал, в какой вы комнате, - сказал он, когда Марго подошла. - Кофе еще нужен?

Марго продемонстрировала ему свою кружку и промолвила:

- Да, нужен. Думала, сегодня ходим с ребятами в дербеневское сельпо, я и затарюсь... А не судьба.

Войдя в комнату отдыха, Марго и Черников попали под обстрел любопытных глаз: студенты мигом забыли о своих занятиях и с искренним интересом стали смотреть, как Марго и инспектор наливают кипяток из кулера. Решив, что сегодня по общежитию уже пойдут сплетни, а завтра на их тренировку придут потарашиться даже самые ленивые и объевшиеся, Марго довольно сказала:

- Спасибо за кофе. Пойду на улице посижу. Последние теплые деньки, их грешно упускать.

Черников поставил банку рядом с кулером - видимо, ему было все равно, что дорогому кофе быстро приделают ноги - и сказал:

- Да, пойдете. Тут слишком душно.

Они неторопливо прогулялись до скамеечек возле оранжереи и устроились на одной из них, в отдалении от остальных отдыхающих студентов. Солнце почти скрылось за деревьями, и мягкий сумрак, заливавший студгородок, делал мир удивительно теплым и уютным. Бледно-сиреневая цепочка облаков протянулась по небу, и Марго, глядя на них, ощутила тоскливое чувство, которое всегда приходило к ней осенью - желание все бросить и уйти туда, где рождаются эти облака, в тот далекий и невозможный край, где все счастливы.

- Даже не верится, что уже осень, - сказал Черников, отпив кофе. Марго кивнула.

- Не люблю осень, - сказала она. - Впереди только дожди, снег и ничего хорошего. А вы любите осень, Александр Александрович?

Черников пожал плечами. Цикады, отдыхавшие днем, расчехлили инструменты и принялись страстно и весело пикиать на своих скрипочках.

- Не очень, - признался он. - Но в ней все-таки есть своя прелесть. И потом, осенью бал, а я вас научу танцевать. Так что у вас есть повод получать удовольствие от этого времени года.

Марго грустно усмехнулась. Кофе был очень вкусным, и тонкая нотка его горечи,

которая изящно вплелась в полотно вечера, оказалась очень подходящей к запахам сухой травы, деревьев и листьев, уже примеряющих желтый цвет – тихим ровным запахам, тянувшимся, словно длинные ленты. И Марго подумалось вдруг, что все люди уйдут, а природа так и продолжит жить своей неизбывной жизнью со стрижами, которые обязательно вернутся через год, и золотисто-розовым закатом, мягким, словно присыпанным пылью.

- Ноги гудят, - сказала она. Сзади в шею прямо-таки вгрызся комар; Марго резко прихлопнула его и добавила: - Думаете, из меня выйдет толк?

Черников кивнул.

- Вы очень хорошо двигаетесь. Нет зажатости. Так что на балу у вас все получится.

Из леса доносились шорохи и негромкий треск ломаемых веток – кто-то шел среди деревьев, и Марго чувствовала его взгляд на своей спине: в принципе, беззлобный, но оборачиваться все равно не стоило. После прорыва по краю леса проложили заградительную полосу, и Марго невольно вздохнула с облегчением, увидев, как она впервые засияла в сумерках.

Комар снова укусил ее за шею. «Интересно, - подумала Марго, почесывая место укуса, - когда уже можно будет форсировать события?»

- Любопытное все-таки место этот колледж, - произнес Черников. - Студенты и преподаватели свободно общаются, субординация чисто номинальная...

- Да какая тут может быть особая субординация, - сказала Марго, - когда живем бок о бок, под одной крышей? На прошлый новый год у нас банкет был, так Людоедовна... то есть Ирина Леонидовна с коньяком перебрала, и мы с Витовтом ее в общагу несли.

Черников поставил свою кружку на лавочку и задумчиво спросил:

- Интересно, а что вы скажете, если я сейчас захочу вас поцеловать?

Такой стремительный шторм и натиск заставил Марго изумленно оторопеть. А она-то думала, когда предпринимать новые шаги! Видимо, Черников действительно затосковал в одиночестве, раз настолько резво кинулся на первого человека, который отнесся к нему по-человечески.

- Я скажу, - негромко промолвила Марго, смущенно опустив глаза, - что о таких вещах не спрашивают. А просто берут и делают.

Потом, когда Марго вспоминала этот вечер, то на память ей приходили какие-то обрывки и пестрые клочки: вроде бы они с Черниковым придвинулись друг к другу – осторожно, словно первопроходцы, вроде бы он даже поцеловал ее, а его правая рука скользнула по шее Марго – а вот потом ее пронзило такой болью, что мир рассыпался туманными искрами, и не осталось ничего, кроме этой боли и далекого голоса, который мягко напевал: «Кхаморо татькирла, кхаморо пэкэла...». Но чей это был голос, Марго так и не поняла.

Марго вынырнула из обморока, словно из воды – на нее моментально нахлынули краски, запахи и звуки, и она увидела, что по-прежнему сидит на лавочке, судорожно схватившись обеими руками за собственную шею и жадно глотая прохладный вечерний воздух, рядом с ней находятся испуганные Елена и Таня, осторожно поддерживая и не позволяя упасть, а чуть поодаль стоит Эльдар, держа Черникова за грудки, и, судя по свирепому выражению лица, не собирается с ним церемониться. Разумеется, в непосредственной близости толпились студенты, со страхом глядя то на Марго, то на преподавателей, а от здания общежития уже спешил Гамрян.

- Что такое? – спросил он, приблизившись к Эльдару и Черникову. – Эльдар Сергеевич, да отпустите вы его!

- Пусть расскажет, - с медовыми интонациями промолвил Эльдар, - зачем он подселил психочервя моей подопечной. Ну что, Геворг, это второй случай за день. Я думаю, кого-

то пора вывести на чистую воду.

Марго ахнула и схватилась за голову – там, под волосами, было горячо и мокро, и, опустив руку, Марго увидела кровь и какую-то желтую густую жидкость.

- Осторожно, - промолвила Таня. – Постарайся не крутить головой. Рану я смазала, но лишний раз лучше не дергаться.

Правая рука Черникова дрогнула, и на траву упало нечто, похожее на полупрозрачную сардельку. Во влажно блестящем тельце перекачивались красные и синие шары – это наверняка было какое-то живое существо, но Марго почему-то стало ясно, что паразит, которого держал инспектор, больше никому не причинит вреда и даже убежать не сможет. Некоторое время все зачарованно смотрели, как психочервь пульсирует на траве, а затем Гамрян произнес:

- Александр Александрович, извольте объясниться.

- Охотно, только пусть господин проректор меня отпустит, - процедил Черников. Помедлив, Эльдар разжал руки, и Черников, благоразумно отступив на несколько шагов, сказал:

- Я заметил психочервя почти сразу. Насколько я понимаю, он прилепился к Марго со второй попытки – там два следа от укуса. Разумеется, я предпринял все возможное, чтобы не дать ему внедриться в нервную систему девушки... Я предположил, что владелец червя находится рядом и, чтобы он ничего не заподозрил и не успел отдать дополнительных команд...

- Он меня поцеловал, - хрипло закончила Марго фразу Черникова. – И, похоже, сразу червя схватил за жабры. Больно было – нет слов.

Эльдар смотрел на Черникова так, что было ясно: он не верит ни единому его слову, и лучше бы инспектору уносить ноги, подальше да побыстрее. Впрочем, Гамрян придерживался иного мнения.

- Товарищи студенты, - бросил он через плечо, - ступайте в общежитие. Причем очень быстро. Из комнат без крайней нужды не выходить.

Собравшиеся подчинились, и вскоре лужайка была пуста. Марго попробовала встать, но, если бы Елена и Таня не поддерживали ее, она непременно свалилась бы на траву – ноги не держали. Гамрян вздохнул и присел на скамью.

- Татьяна Юрьевна, будьте добры, - попросил он, - приберите эту дрянь. Я ее потом посмотрю.

Таня красивым отточенным движением вынула из карманов своего зеленого халата перчатки и бумажный пакет и вскоре уже несла издохшего червя в оранжерею. Гамрян задумчиво сжал переносицу и негромко произнес:

- Александр Александрович, у меня к вам вопросов нет. Проводите Михай в лазарет, а то боюсь, шлепнется где-нибудь по дороге.

Лицо Эльдара окаменело – острые черты приобрели монументальную грубость статуи, и на какое-то мгновение Марго испугалась, что Эльдара сейчас хватит удар от с трудом сдерживаемого гнева.

- Геворг, какие еще можно задавать вопросы? – Эльдар говорил глухо и отчетливо, словно выплевывал слова. – Он рядом с жертвой. С червем в руке. Тебе какие еще доказательства принести?

- Я его вынимал, а не подсаживал, - проронил Черников, помогая Марго подняться. – Совсем мозги в могиле отлежал?

В следующий миг он уже валялся на траве, зажимая разбитый нос – Эльдар скривился от боли, потирая кулак, и было видно, что он готов предложить щедрую добавку. Гамрян вскочил и, встав между Эльдаром и Черниковым, предупредительно вскинул руку.

- Эльдар, уймись, - устало, но твердо сказал ректор, и было понятно, что он с трудом сдерживается, чтобы не наделать непоправимых дел. - Он действительно вынул червя. Он держал его за хвост.

Черников поднялся на ноги и, сдавленно и негромко бранясь себе под нос, брезгливо посмотрел на измазанные в крови пальцы. Марго стояла, опираясь на руку Елены, и думала, что надо бы как-то удрать отсюда - да вот только как удерешь, когда земля так и норовит выскользнуть из-под ног...

- Он будет подсаживать этих червей у тебя на виду, - с искренней горечью промолвил Эльдар. - Но ты все равно не захочешь посмотреть правде в глаза.

- Опомнись, - глухо посоветовал ректор. - Ты просто не видишь, что все твои обвинения притянуты за уши.

- Раньше ты видел намного больше, Эльдар, - сказал Черников, и в его голосе звучали отчетливые издевательские нотки. - Или это очередная интрига в твоём духе? Подставить под удар старого врага, а самому в это время обстригать свои делишки?

На этот раз Эльдар ударил уже намного сильнее и серьезнее - зазубренное ледяное тело иглы выскользнуло из его пальцев, но Черников умудрился уклониться от удара буквально в последний момент, зато брошенный им огненный шар скользнул по плечу Эльдара и рассыпался отвратительно пахнущими искрами.

- Хочешь дуэль? - с веселым хохотком осведомился Черников, перекидывая очередной шар из одной ладони в другую. - Будет тебе дуэль.

Конечно, Марго и раньше видела, как Эльдар превращается в дракона, но никогда прежде превращение не происходило настолько близко - лицо куратора дрогнуло от ярости, которую больше не надо было сдерживать, и Эльдар осанисто повел головой, над которой уже дрожали дымные очертания двух драконьих морд, скаливших зубы. По траве хлестнул шипастый хвост - попавшая под удар скамья разлетелась в щепки. Елена взвизгнула и дернула Марго в сторону - через мгновение на том месте, где они стояли, уже чернела огромная туша меречи.

Марго знала, что по первому разу такое превращение очень впечатляет, и не удивилась бы, если бы Черников убежал стирать штаны. Впрочем, инспектор оказался не из пугливых - он проворно отпрыгнул к оранжерее, а в его руках пламенели уже два готовых к броску шара.

- Не смей! - гаркнул Гамрян. Его крик потонул в грохочущем реве меречи: вскинув головы к сиреневому вечернему небу, дракон исторг из обеих глоток такой вопль, что в оранжерее едва стекла не посыпались, но Гамрян не отступал и продолжал кричать: - Шура, стой! Эльдар, не смей! Под трибунал пойдешь!

Черников не выдержал и швырнул в дракона один из своих шаров. Меречь издал грозный рык и дохнул пламенем в сторону инспектора, но Черников оказался намного проворнее, чем ожидал Эльдар - должно быть, сказалась танцевальная подготовка, но он ускользнул от пламени и наградил дракона вторым шаром, на сей раз промахнувшись. Гамрян, который чудом сумел ускользнуть от огненной волны, заорал:

- Эльдар! Она не простит! Она тебя не простит!

Марго, которую Елена сумела утащить под кусты бирючины, не знала, кто такая эта «она», о которой кричал Гамрян - но, на ее удивление, это помогло. По уродливому драконьему телу прошла дрожь, одна из голов выпустила несколько лепестков пламени, и вскоре туша меречи растворилась в мягкой синеве сумерек. Эльдар покачнулся - видимо, превращение все-таки было задачей не из легких - но все-таки устоял на ногах. Устало проведя ладонями по лицу, он произнес:

- Ладно. Ладно, Геворг. Занимайся этим без меня.

Черников, который тем временем лепил третий шар, изумленно опустил руки, и огненный комок выпал из его ладони в траву. Оторопевший Гамрян который, кажется, не до конца понимал, что все-таки происходит, смотрел на Эльдара - тот улыбнулся и добавил:

- Я бы уволился отсюда прямо завтра. Ребят вот только жалко. Все, Геворг, теперь с меня только учебная работа по договору. А с червями, маньяками и прочим дерьмом разбирайся сам.

Он пошел в сторону общежития и ни разу не обернулся. Елена ахнула и, выскользнув из кустов, бросилась за Эльдаром и, догнав, взяла его за руку. Гамрян и Черников смотрели им вслед, и на их лицах было совершенно одинаковое выражение, которого Марго не поняла.

Воскресенье прошло очень тихо – студенты почти не выходили из своих комнат. Слухи о том, что червя подсадили еще и к преподавательнице по русскому, разбежались по общежитию и напугали всех настолько, что многие ребята даже в столовую не пошли. Береженого Бог бережет, как говорится.

Марго решила, что ей уже нечего терять, а дела делать надо. Она пришла в практически пустую столовую и, оценив меню, попросила навывнос порцию спагетти с грибами и ветчиной. Оставалось надеяться, что Черников не имеет ничего против макарон. Вернувшись в общежитие, Марго поднялась на третий этаж, по счастью, никого не встретив ни в лифте, ни в коридоре, и, подойдя к двери, на которой красовалась аккуратная металлическая семерка, осторожно постучала. Через несколько долгих минут – Марго даже начала нервничать – дверь открылась, и в коридор выглянул Черников, угрюмый и усталый. Впрочем, увидев Марго, он как-то посветлел лицом.

- Добрый день, - сказала Марго. - Вы уж простите меня, Александр Александрович, что я вот так, по нахалке... но все по комнатам сидят, и я подумала, а вдруг вы еще не пообедали... Там выбор, конечно, небольшой, но паста очень аппетитная.

- Здравствуйте, Марго, - улыбнулся Черников: он был искренне рад ее появлению и не собиравшись этого скрывать. - Заходите, я тут как раз чайник поставил. Составьте мне компанию.

Блок был рассчитан минимум на четверых, но Черников жил в нем один – должно быть, инспекторское положение обязывало. Марго прошла за ним в светлую, обставленную дорогой мебелью гостиную, где на экране телевизора шли какие-то политические дебаты, и со всей возможной искренностью сказала:

- Я ведь вчера так вас и не поблагодарила. А вы мне, можно сказать, жизнь спасли.

Черников грустно усмехнулся. Посмотрел на коробку с чаем в руках так, словно в первый раз ее увидел и не понял, как эта вещь вообще к нему попала.

- То есть вы верите мне, а не своему куратору? – спросил он. - Мне, человеку, которого вы знаете без году неделя?

Марго села на край дивана и, сложив руки на коленях, как примерная ученица, ответила вопросом на вопрос:

- Почему бы и нет?

- А если я действительно подсадил вам червя?

Марго улыбнулась.

- Не стоит казаться хуже, чем вы есть, Александр Александрович. Если бы вы хотели, то подсадили бы его во время тренировки. Мы были наедине, никаких свидетелей, ничего такого...

Черников понимающе кивнул.

- Да, - задумчиво сказал он. - Да, это так. Жаль только, что ваш куратор, - он словно избегал называть Эльдара по имени, - не хочет этого понимать. Впрочем, ладно, что теперь поделывать... Расскажите лучше, как себя чувствуете.

В принципе, все было неплохо: головная боль почти прошла, а крохотная точка на месте

укуса побледнела и стала практически незаметной. Марго даже посидела за уроками с утра, написав половину реферата по биологии. Об этом она и рассказала Черникову, когда они сервировали стол к обеду. В закромах инспектора обнаружился неплохой сыр, галеты и банка фаршированных оливок, так что обед намечался очень приличный.

- Когда у нас следующая тренировка? - спросила Марго. - Что-то мы вчера так и не решили...

Черников задумчиво пожал плечами.

- Если хотите, то можем хоть сегодня. Подготовлюсь к лекциям, - он прикинул время и продолжал: - Часа через три буду полностью к вашим услугам.

Некоторое время они ели молча, и Марго, которая никогда прежде не пыталась влезть к мужчине в постель, чтобы выведать его секреты, никак не могла понять, правильно ли она ведет себя с Черниковым.

- Извините, если я не в свое дело лезу, - сказала она, - но почему все-таки Эльдар так вас ненавидит?

Черников отложил вилку и пару минут молчал, задумчиво изучая рисунок на своей чашке. Марго не знала, что и думать. На всякий случай она вспомнила одно из боевых заклинаний, которое способно остудить любую горячую голову, и искренне понадеялась, что оно сможет остановить Черникова, если он решит на нее напасть.

- Когда-то очень давно, - произнес он, в конце концов, - мы с Эльдаром любили одну женщину. Впрочем... - Черников сокрушенно покачал головой, словно не мог подобрать правильных слов, - даже и не знаю, как сказать. Вы в курсе, что такое даэрана, Марго?

Марго пожалала плечами. В магии было множество оттенков и полутонов, разумеется, она не успела выучить все.

- Это человек без свойств, - продолжал Черников, и в его голосе звучала та задумчивая и тихая печаль, которая всегда появляется, когда вспоминаешь о невозвратном прошлом. - Существо, которое не способно испытывать чувства - оно только отражает их от окружающих. Как сказала одна моя знакомая, это перчатка, в которую можно всунуть любую руку... Тогда я не любил Лизу сам - я отражал ее любовь. А потом получилось так, что я стал фамильяром одного из могущественных магов и по его приказу убил Эльдара. Вот вам и причины. Я встал между Эльдаром и его женой, а потом размазал его по стенке. Конечно, ему трудно испытывать ко мне теплые чувства.

Несколько минут Марго сидела молча, рассматривая остатки пасты в своей тарелке и удивляясь тому, насколько звонкая тишина воцарилась в ее голове. Мысли словно растаяли, и какое-то время Марго могла просто смотреть и воспринимать: это я, это моя рука с вилкой, это тарелки с едой, это Сан Саныч Черников, биоробот. Наконец, она смогла избавиться от оцепенения и спросила:

- А вы... вы до сих пор ничего не чувствуете?

Черников улыбнулся и, осторожно взяв Марго за руку, положил ее ладонь себе на голову. Марго послушно запустила пальцы в темные жесткие волосы и нащупала шрам - толстый и грубый, он стекал от макушки к затылку.

- Что это? - испуганно прошептала Марго, убрав руку.

- Однажды меня тяжело ранили, - объяснил Черников. - Этот шрам остался на память. А когда я пришел в себя в больнице, то обнаружил, что могу чувствовать сам, - он усмехнулся и добавил: - Вы не представляете, насколько мне было странно. Непривычно. Понимать самому, ощущать самому, быть собой, а не зеркалом, которое отражает других людей, но само всегда остается равнодушным и холодным. Я был счастлив. Вы даже не представляете, насколько.

Марго сдержанно улыбнулась - она вообще с трудом представляла, как можно не испытывать чувств. Впрочем, сейчас ее больше занимало другое: прикоснувшись к шраму, она словно открыла дверь и, заглянув в комнату, обнаружила только мрак - и в этом мраке не было ничего хорошего. Это чувство было настолько необычным и

пугающим, что на какое-то мгновение Марго пожалела, что вообще затеяла эту авантюру.

- Да, - кивнула Марго. - Не представляю. Александр Александрович, а что потом случилось с Лизой?

Черников придвинул к себе чашку чая и принялся старательно размешивать сахар.

- С ней все хорошо, - промолвил он. - Лиза стала гхоулой Совета магов.

Марго ахнула - так вот кто такая гхоула, вот почему Эльдар смотрел на нее с такой грустью и с такой пронзительной болью во время вчерашней трансляции в ректорском кабинете. Они были женаты, кто б мог подумать. Теперь у Марго была одна и очень важная задача: удержать за зубами полученную информацию, и она понимала, что сил потребуется очень и очень много. Ей уже сейчас хотелось пойти и обо всем рассказать Карине и Маше.

- Почему-то мне жаль, - сказала Марго. - И ее, и вас всех... Простите меня, я не должна была спрашивать.

Черников улыбнулся снова, и Марго поняла, что все это время он хотел кому-то рассказать свою историю: пусть даже так, обрывочно и не углубляясь в детали. Теперь ему стало легче.

- Вы правильно сделали, что спросили, - произнес он. - Когда нет секретов, то все намного проще.

Марго отпила чая и не почувствовала вкуса. Пальцы на левой руке до сих пор ощущали прикосновение к шраму, и Марго не знала, что теперь делать: то ли убежать как можно дальше и никогда больше не встречаться с Черниковым, то ли действовать по плану. Эта растерянность ей не нравилась: Марго не любила беспомощности.

- Спасибо за чай, - сказала она, вставая. Черников поднялся тоже, и вдвоем они пошли к выходу. - Значит, в пять часов в спортзале?

- Да, - кивнул он и внезапно взял Марго за локоть. Она резко остановилась, чуть не споткнувшись от неожиданности, а Черников вдруг склонился к ее затылку и несколько раз втянул носом воздух, словно собака, берущая след. Марго почему-то почувствовала липкое прикосновение страха.

- Запах, - негромко промолвил Черников. Его горячее дыхание щекотало кожу на голове, и Марго чувствовала, как на щеках вспыхивают пятна румянца. - Станный какой-то...

Он принялся снова. Марго стояла неподвижно, и ей казалось, что невидимая рука проникла в живот и стала перебирать внутренности. Здесь, в полутьме крошечной прихожей, Марго впервые в жизни не могла предсказать, что случится дальше.

- Может, это мазь? - предположила она и обнаружила, что говорит шепотом: голос почему-то сел. - Татьяна Юрьевна мне вчера смазывала след от червя.

- Нет, - откликнулся Черников. Он не выпускал руку Марго, стоял неподвижно и продолжал принюхиваться. - Это другое. Какое-то растение, но я не помню, какое. Вчера его не было.

Собравшись с духом, Марго сделала шаг вперед, и пальцы Черникова соскользнули с ее руки. Она испугалась, что инспектор снова схватит ее и, быстро открыв дверь, вышла в коридор - только тогда Марго сумела обернуться и посмотреть на Черникова.

- Спасибо, - повторила она и добавила: - До вечера.

Черников улыбнулся, но в этой улыбке не было ни капли мягкости или душевного тепла.

- Будь осторожна, - произнес он. - Мне очень не нравится этот запах.

Глава 8

Госпожа гхоула

Осень нахлынула на студгородок в ночь с воскресенья на понедельник: яркие звезды заволокло низкими клокастыми тучами, ветер стал не теплым, а студеным, пронизывающим до костей, и дождь занудно завел свою песню, смывая зеленую краску с листвы деревьев в лесу. Карина обнаружила, что не привезла с собой зонта и, собираясь на занятия, материлась так, что уши закладывало. Студенты бежали в главный корпус небольшими группками, толпясь под зонтами – не одна Карина, собираясь сюда в теплый летний день, оказалась забывчивой. Натягивая теплый свитер, Карина благодарила маму, которая сунула его в чемодан – сама Карина сроду бы его не взяла, он всегда казался ей слишком толстым и каким-то дурацким.

Одним словом, бабье лето миновало, и осень откровенно заявила, что шутить с ней не стоит. Теперь никто не гулял во дворе, не засиживался допоздна на лужайках, любуясь звездным небом – ребята предпочитали собираться компаниями в комнатах и проводить время под гитарную музыку. Эльдар периодически заглядывал к своим подопечным, проверяя собравшихся на наличие алкоголя, но вскоре это ему надоело.

Отношения Карины и Егора развивались стремительно и бурно. Они приходили в главный корпус, держась за руки, на переменах целовались, не в силах оторваться, а после занятий запирались в комнате и любили друг друга так, словно завтра должен был настать конец света. Иногда Карина ловила себя на мысли о том, что это ее первые маломальски серьезные отношения, и она ни в коем случае не должна их запороть. Потом Егор обнимал ее, и все сомнения убегали, сверкая пятками – Карина была счастлива и не думала о своем счастье.

Лекционные недели прошли, и теперь большую часть уроков занимали практические занятия. Помимо привычных и – Карина собралась с духом и назвала их нормальными – предметов студенты ходили на историю магии, методику заклинаний и основы ворожбы. Эльдар и Таня учили их варить зелья, собирать и заготавливать растения и разбираться с рецептами в таких старых книгах, какие Карина видела только в букинистических отделах магазинов. Вдобавок по средам и пятницам после третьей пары шли индивидуальные занятия с кураторами – после них Карина обычно приползала в общежитие, ложилась на кровать и хотела умереть: Эльдар гонял ее как сидорову козу, другим его подопечным было не легче.

Марго продолжала ходить на танцы к Черникову, и у нее хватало ума и такта, чтобы держаться на занятиях по алгебре максимально отстраненно, никак не показывая, что их отношения на всех парах двигались в сторону любви. Она решала задачи не лучше и не хуже одноклассников, предпочитала держаться в середнячках, изредка поднимала руку, когда группе задавался вопрос, а после занятий не задерживалась. Карина и Маша встречали ее на лестнице после каждого урока танцев и брали в оборот, пытаясь выяснить, с чего она все-таки завела с Черниковым дружбу, и какой у нее на самом деле план действий.

- Ой, девки, ничего я вам не скажу, - отмахивалась Марго, брала из шкафа полотенце и шла в душ.

Одним словом, монотонные студенческие дни шли своим чередом, и понедельник не слишком отличался от пятницы – но эта монотонность нарушилась первого октября, когда перед воротами студгородка остановился старый красный «Икарус» и из него с шутками и прибаутками выгрузились третьекурсники – веселые, горластые и заносчивые. Они готовились стать магами и ведьмами первого посвящения, у них было два месяца практики под опекой самых сильных колдунов своих регионов, и третьекурсники сразу дали понять, что мелочь с первого и второго курсов им не ровня. Карина и не собиралась заводить с ними дружбу, ей хватало тех приятелей и приятельниц, которыми она уже успела обзавестись, а вот Елена обиделась, когда одна из прежних товарок сказала в открытую, куда бы ей, Елене, надо сходить вместо того, чтобы лезть к умным и опытным.

- Умные и опытные! – Карина до этого не видела Елену настолько расстроенной и гневной. Соседка прошла по комнате и, подойдя к окну, стукнула кулаком по подоконнику. – Ты, сучка, у меня прокладки занимала!

- Да хрен бы с ними, Ленусь, - подала голос Марго. Она сидела на кровати и старательно

красила правый глаз, энергично поплеывая в старую тушь – на занятия с Черниковым Марго ходила в полном боевом облачении, становясь похожей на экзотическую красавицу с подиума или экрана. – Чего они тебе? Пусть пасутся. Посмотрим еще, пройдут ли посвящение.

- А это страшно? – испуганно поинтересовалась Маша. Елена пожала плечами.

- Раньше было сложнее, - сказала она. – Теперь вроде легче, мы же относительно подготовленные идем. Но все равно... дело такое, непредсказуемое.

Марго докрасила глаз, посмотрела в зеркало и, убедившись в своей несказанной красоте, взяла кисточку для помады.

- Никто вроде не умер от посвящения, - сказала она и, видя, что Елена до сих пор гневно смотрит в окно, добавила: - Лен, да забей ты на них. Своих хлопот полон рот.

- Смотрите, - вдруг позвала Елена и указала в окно: – Какие люди в нашем Болливуде.

Девушки дружно кинулись к окну и увидели, как в ворота въезжает серебристо-серый автомобиль – стильный, изящный, больше похожий на живое существо, чем на машину. Автомобиль остановился возле входа в главный корпус, где на ступенях уже стояли Гамрян, Черников и какой-то незнакомый светловолосый мужчина – все трое выглядели крайне серьезно и строго, а одеты были, как на прием к президенту. Маша задумчиво рассматривала троицу, а потом спросила:

- Девчат, а третий это что, Эльдар?

Девушки всмотрелись и дружно ахнули: их куратор действительно был неузнаваем с новой стрижкой и почти военной выправкой. Тем временем из автомобиля вышла молодая рыжеволосая женщина в светлом плаще, и Марго, узнав в ней гхоулу, произнесла:

- Понято, принарядился для супруги.

Теперь уже на Марго посмотрели с изумлением.

- В смысле – для супруги? – холодно поинтересовалась Елена. «Говорила мне бабка Лулуди: рот закрывай – дождик накапает», - угрюмо подумала Марго и объяснила:

- Ну, госпожа гхоула. Она ведь жена Эльдара, - и, увидев, как дрогнули губы Елены, поспешила добавить: - Я думала, ты знаешь.

- С чего ты взяла? – поинтересовалась Карина. Гхоула тем временем дружески обнялась со встречающими, и вся компания вошла в корпус.

- Черников сказал, - без всякой охоты сообщила Марго и, решив, что, раз уж проболталась, то можно рассказать историю до конца, произнесла: – Ох, девки... Короче, эта Лиза была женой Эльдара. А Черников ее любовником. Он работал фамильяром у какого-то мага, и этот маг ему велел Эльдара грохнуть. Ну а Черников, судя по всему, и рад стараться. Такая вот Санта-Барбара...

Слушательницы, мягко говоря, опешили. Елена вздохнула и, отойдя от окна, села за стол и открыла учебник по английскому с таким видом, словно ей было абсолютно безразлично все, что происходит рядом. В этот момент она, закрытая броней нарочитого равнодушия, больше всего напоминала хрустальную фигурку – только дотронься и рассыплется на тысячу осколков.

- Лен, ну что ты, - Маша села рядом и заботливо погладила ее по руке. – Ну что ты такая, Лен... Не надо так, что ты...

Эти неуклюжие утешения привели только к тому, что по щеке Елены скатилась слеза: Марго подумала, что в случае ее соседки это признак глубочайшей истерики. Карина ткнула пальцем куда-то в сторону двери и спросила:

- А то, что он с Гребенниковой спит, тебя не волнует? Да вся общага в курсе.

Елена стерла слезу и перевернула страничку.

- Он мог бы мне хотя бы рассказать, - еле слышно промолвила она. - Разве это честно?

- Нечестно, - вздохнула Марго. - Лен, да когда это было-то...

Елена закрыла учебник и несколько минут сидела неподвижно. Потом она потянулась к стопке тетрадей и, вытащив одну из них с самого низа, выдернула двойной листок в клетку. Повинуясь ее жесту, листок вдруг взлетел под потолок, а потом медленно опустился к столу и завис над тетрадями, став уже не листком, а маленьким белым экраном, на котором вдруг высветилась картинка: зимний вечер, заснеженная улица, далекое звездное небо над желтыми шарами фонарей. В комнате было совсем не холодно, однако от листка вдруг повеяло такой январской стужей, что всем дружно захотелось надеть что-нибудь теплое.

- Хотите посмотреть, как все было? - негромко спросила Елена. - Я покажу.

Кошка жила на улице уже третью зиму - для тех, кто хоть немного в курсе быта бродячих кошек, это могло бы стать свидетельством настоящего чуда. Иногда кошка обитала в подъезде одной из хрущевок, где жили первоклассники-близнецы, которые подкармливали ее и даже обустроили спальное место, положив к батарее коробку с теплым тряпьем на дне. Впрочем, из подъезда кошку частенько выгоняли, хотя она никогда не поднимала шума и, разумеется, не гадила там, где жила - когда соседка первоклассников, в очередной раз вооружившись веником, выкидывала кошку на улицу, та шла к небольшому магазинчику, где продавцы знали ее и выносили что-нибудь поесть, удивляясь кошковой всеядности: она действительно ела все, что ей давали, даже хлеб и печенье.

Кошка почти не вспоминала, что когда-то была человеком - Леной Савичевой, которую жестоко обманули самые близкие люди. Ей было слишком больно и грустно об этом вспоминать. Жизнь свелась к обычному, банальному, первобытному - выжить любой ценой, удрать от собаки, желающей выпустить тебе кишки, спастись от человека, который ни с того, ни с сего дает пинка в живот, сбежать от детей, которые принимаются швырять камнями. Наверно, это очень весело - смотреть, как кошка плачет, когда в нее попадает булыжник, как она, хромя на заднюю лапу, пытается забиться в щель. Наверно, это действительно было смешно...

Весной и летом было хотя бы тепло. Если кошка чувствовала, что заболевает, то могла пожевать разных полезных травок, а в кустах можно было спрятаться от собак и любителей пошвыряться кусками кирпича. Можно было не дрожать от холода, жуя обрезки, брошенные добросердечными продавцами. Можно было хоть на какое-то время почувствовать себя живой. Но весна и лето были слишком короткими, приходила осень, приносила ветра, дожди и холод, и кошка понимала, что счастье придумано не для нее.

Однажды в январе, вечером, она попала под машину, но не умерла сразу, на тротуаре - кошка умудрилась доползти до подъезда, волоча за собой перебитые лапы, кошка кричала от боли и умоляла хоть кого-нибудь остановиться и помочь ей, но никто не подходил, люди шли мимо, и кошка поняла, что она, которая никогда и никому не сделала ничего плохого, сейчас умрет - и никому до нее не будет дела. Уличные кошки умирают, туда им и дорога.

А потом появился человек. Он присел рядом с кошкой на корточки, некоторое время пристально рассматривал ее, а затем осторожно взял на руки и пошел в подъезд, а кошка плакала и все пыталась благодарно лизнуть его пальцы. Потом стало очень темно и тихо, а когда темнота и тишина прошли, кошка увидела, что лежит на диване, мягком и теплом, а боль в изломанном тельце куда-то ушла, оставив лишь легкое покалывание. Потянувшись, кошка мурлыкнула и поняла, что проголодалась. В последний раз она ела вчера вечером: утром ее пинком отогнали от привычного места у магазина, рывкнув в напутствие:

- У, прорва! Вали отсюда!

Тогда она обрадовалась, что обошлось без пинков. Осторожно спрыгнув с дивана и

обнаружив, что лапы, хвост и тело ее слушаются, кошка двинулась в сторону кухни – оттуда пахло самым настоящим мясом, и от этого запаха кружилась голова, и сводило живот.

Человек стоял у стола, орудуя большим сверкающим ножом и нарезая огромный кусок мяса на ломти. Человек был очень высоким и худым, а еще от него постоянно разлетались золотистые искры. Кошка знала, что некоторые люди испускают свет, но таких сияющих брызг еще ни у кого не видела. Благодарно мяукнув, она стала тереться возле ног человека, и он улыбнулся и сказал:

- Так, ну-ка иди обратно. Тебе надо полежать.

Разумеется, кошка не послушалась – тогда он подхватил ее и, взяв блюдо с нарезанным мясом, отправился в комнату. Кошка лежала у него на коленях, ела ароматное сочное мясо и думала, что это, должно быть, кошачий бог. Она никогда не видела кошачьего бога, но точно знала, что он существует. О нем иногда рассказывали знакомые кошки, и в их рассказах бог однажды приходил и забирал кошку с улицы в тепло дома.

Потом, когда кошка наелась, человек некоторое время задумчиво гладил ее по голове, и кошка боялась, что все это – сытость, тепло его коленей, уют – вдруг возьмет и оборвется. Но этого не произошло. Человек вдруг произнес:

- Ну что, может, вернем тебя в прежний вид?

Кошка испугалась и сжалась: ей показалось, что человек решил вернуть ее на улицу, в зиму, снег и мороз. Аккуратно переложив кошку на диван, он ушел на кухню, а потом вернулся с тем самым ножом, которым резал мясо, и резким ударом вогнал этот нож в мягкое тело дивана. Кошка вздрогнула и едва было не спряталась в ближайшем углу – ей вдруг вспомнился почти такой же нож, только он был воткнут в старый пенек в лесу, а она... Она тогда была человеком, и ее, избитую и связанную, перебросили через этот нож и пенек...

- Иди сюда, - ласково позвал ее человек. Кошка не шевельнулась: ей стало страшно так, как никогда еще не было. Тогда человек осторожно взял ее и перенес над ножом в диване.

Потом кошке стало очень больно, намного больнее, чем после удара машины – но боль быстро прошла, и кошка внезапно обнаружила, что видит мир иначе. Мир стал объемным, полноцветным, насыщенным, его краски стали глубже, а запахи тише – кошка увидела, что сидит на полу возле дивана, а ее лапы...

Ее лапы стали руками – бледными человеческими руками с грязными изломанными ногтями. Кошка испуганно посмотрела на себя и увидела обнаженное девичье тело: тощее, покрытое какими-то омерзительными на вид разводами. Кошка поднесла руки к голове и нащупала сбившиеся колтуны волос. Пальцы скользнули по лицу, и, нащупав человеческий нос, щеки, губы, кошка поняла, что вернулась.

Человек сел с ней рядом и бережно взял ее руки в свои. Кошка сначала отпрянула, но потом опасливо придвинулась к тому, кто ее вернул и мяукнула.

Из горла, отвыкшего от человеческой речи, вырвался сдавленный хрип.

Елена махнула рукой, и картинка на листке угасла, а сам листок медленно опустился на стол. Девушки сидели молча, и у всех в глазах стояли слезы. Маша так и продолжала гладить Елену по руке.

- Мне тяжело знать, что у него есть от меня секреты, - негромко сказала Елена. - Я прекрасно понимаю, что у него своя жизнь, а у меня своя. Но я думала, что имею право знать хотя бы основные вехи.

Она поднялась со стула и медленно пошла к выходу. Марго, придавленная чувством своей вины, подала голос:

- Лен, ты куда?

Елена нагнулась к своей кровати и, взяв блокнот, ответила, не обернувшись:

- Я ошибалась.

После ее ухода девушки несколько минут пребывали в задумчивом тягостном молчании, словно переживая заново все, увиденное на листке. Потом Марго тряхнула головой, будто сбрасывая с себя оцепенение, и с искренней печалью промолвила:

- Говорила мне бабка Лулуди: молчи, за умную сойдешь.

- Лучше от тебя, чем от кого-то другого, - решительно встала Карина. Она сидела на своей кровати, скрестив ноги по-турецки, и задумчиво перебирала пестрые стеклянные бусины на поддельном пандоровском браслете на левом запястье. - Тоже, беда прям. Как ребенок.

Маша метнула в ее сторону сердитый и даже немного обиженный взгляд.

- Не понимаешь ты, - сказала она. - Это для Лены вопрос доверия. Как-то это и правда ранит, если ты человеку о себе все рассказала, а он - по кусочку да по капельке. Вопрос доверия.

Карина фыркнула.

- Мань, он теперь никому не доверяет. Маргош, и вот что, реально Черников Эльдара из-за гхоулы грохнул? - дождавшись утвердительного кивка, она задумчиво промолвила: - Представляете, девки, что сейчас начнется? Весь треугольничек собрался.

Марго покачала головой.

- Это да. Но ты, Кариш, лучше бы о другом подумала, - Карина вопросительно посмотрела на нее, и Марго объяснила: - Оля Светлова приехала. Она раньше встречалась с Егором.

Марго думала, что Черников отменит тренировку из-за приезда Лизы, но, когда она вошла в спортзал, то обнаружила, что он сидит на скамейке с ноутбуком и подбирает музыку для занятия, и почему-то почувствовала, как куда-то в висок кольнуло предчувствие чего-то странного. Быстро переобувшись, Марго подошла к Черникову и спросила:

- Что сегодня? Вальс или румба?

После того, как Марго разобралась с медленным и венским вальсом настолько, что Черников сделал ей комплимент, сказав, что она почти вышла на профессиональный уровень, они решили, что можно взять что-нибудь не только из стандарта, но и из латиноамериканской программы. Выбор пал на румбу, и после первой же тренировки Марго поняла, что все магические ритуалы, которые она успела изучить в колледже, не имеют отношения к магии - волшебство таилось в танце, настолько обнажая все чувства, которые до поры до времени были скрыты на дне души, что Марго становилось страшно. Она не была собой в эти минуты - превращалась в обнаженный нерв, и каждое прикосновение Черникова заставляло ее трепетать так, словно по ее телу пропускали ток. Марго знала, что ее тренер чувствует то же самое: не потому, что он когда-то был даэраной, а потому, что такова магия танца.

- Давайте румбу, - предложил Черников. - Как раз хорошую музыку подобрал.

Марго раньше не слышала этих песен, и неудивительно: судя по всему, они появились достаточно давно - под звуки того, что сейчас крутили по радио, сердце не могло замереть вот так, словно мир остановился, застыл где-то за высокими окнами, закрытыми сетками от попадания мячом, и в нем остались только двое, танцующие в спортзале. Больше не было ни преподавателя, ни студентки - были двое, мужчина и женщина, и их танец рассказывал историю, которой только предстояло случиться.

Когда песня закончилась, Марго вдруг обнаружила, что они застыли в центре зала, и Черников держит ее в объятиях, настолько спокойных и властных, что в них уже не было ничего от тренировки. На какое-то мгновение Марго показалось, что она слышит, как бьется его сердце.

- Мне растяжки не хватает, - сказала она, просто для того, чтобы нарушить это молчание.

- Это не страшно, - негромко произнес Черников и добавил: - Это придет со временем. А пока надо просто попробовать получить удовольствие.

Фраза прозвучала крайне двусмысленно, и новая песня, которая наконец-то зазвучала из динамиков, сумела вернуть Марго и Черникова к тренировке, но не снять возникшее между ними напряжение - через несколько минут оно все-таки вскипело, не удержавшись в рамках приличий, и выплеснулось на поверхность. Черников будто случайно перехватил руку Марго у запястья и потянул к себе: вроде бы легко, но у девушки не было шансов остаться на ногах. Негромкий вскрик - и Марго обнаружила, что Черников неуловимо быстрым движением опустился на пол, а она свалилась на него сверху.

Ахнув, Марго попыталась подняться, но твердые пальцы Черникова - как ни дергайся, не вырвешься - стиснули ее плечи. На какое-то мгновение ей стало страшно: она поняла, насколько близко подошла к кульминации своего плана, но страх почти сразу перерос в настолько глубокое, всепроникающее желание, что от него нельзя было просто взять и отказаться.

В поцелуе не было ни капли нежности - только животная страсть и похоть. Слишком уж долго они себя сдерживали, балансируя на тоненькой ниточке, протянутой над бездной. Марго сейчас было наплевать на все планы и все секреты Черникова, которые она хотела выведать - отзываясь на его жадный поцелуй, она хотела одного: пусть это не кончается. Но потом, когда Черников резким движением перевернул Марго на спину и, перехватив ее запястья, поднял их над головой девушки и прижал к паркету, она все-таки нашла в себе силы, чтобы еле слышно промолвить:

- Мы не должны... Это неправильно.

Черников посмотрел ей в глаза настолько пристально, что Марго ощутила, как путаются мысли - она словно проваливалась в глубокий темный колодец без дна.

- Почему? - негромко спросил он. Марго зажмурилась и откликнулась:

- Вы мой преподаватель...

- Неважно, - шепнул Черников ей на ухо, и Марго почувствовала, что ее бьет мелкая дрожь от собственного бессилия и нежелания этому бессилию противостоять.

- Неважно, - повторила она. Сознание заволакивало густым, непроглядным туманом, в котором теперь были только горячие сухие ладони Черникова, медленно скользившие по животу и бедрам Марго, и мягкая, пока еще тихая волна наслаждения, неспешно катившаяся по ее телу. Марго уже не понимала, что делает, порывисто обнимая Черникова за шею, и чувствуя, что окончательно лишается хоть какой-то опоры - реальность уплывала прочь, и мысли спутались окончательно. Остались лишь чужие губы, которые прокладывали дорожку по ее шее к ключицам, и осторожные, но уверенные пальцы на внутренней стороне бедер.

- Неважно, - выдохнул Черников, убеждая в этом то ли себя, то ли Марго. Задрав широкую танцевальную юбку, он избавил Марго от белья, и девушка почувствовала щекочущее прикосновение языка, танцевавшего по коже, непроизвольно дернувшись и изогнувшись ему навстречу. Она не помнила, когда ей было настолько хорошо - Черников превратил ее в музыкальный инструмент, откликавшийся на каждое его прикосновение, и музыка унесла их обоих туда, где было место лишь страсти, чистой и беспримесной.

Это было какое-то безумие, исступленное, не знающее границ и не желающее их знать. Кажется, Марго вскрикнула, когда Черников вошел в нее: резко, алчно, словно забирал свое - себе. И каждое его движение, уверенное и напористое, было похоже на бурю, которая сметает все на своем пути, оставляя только пылающую судорогу нарастающего наслаждения: именно такого, какое Марго хотела получить, но не верила, что когда-нибудь получит. И потом, когда буря прошла, Марго обмякла на полу, не веря, что это действительно произошло с ней - реальность просто не могла вместить в себе такого

всепроникающего счастья.

В сознание ее привела боль – знакомая и неожиданная боль, охватившая затылок. Марго успела вскрикнуть и приподняться, схватившись за место укуса, но потом мир закружился перед глазами размазанными пятнами, и она обмякла на полу, бессмысленно глядя, как над ней вращается лампа дневного света. Где-то в стороне сдавленно вскрикнул Черников, но Марго его не видела. Проникновение червя было похоже на прикосновение к голове ледяным мокрым пальцем – сперва этот палец задержался в ямке у шеи, а потом медленно двинулся вниз, пересчитывая позвонки, и растаял где-то у лопаток.

Марго не помнила, как села, как потянулась к лежащему Черникову. Ему пришлось намного хуже, чем ей: закатившиеся глаза затянуло мутной дымкой, а в уголках губ выступила кровь. Марго просунула руку под его шею, пытаясь нащупать червя, но у нее ничего не вышло. Черников издал сдавленный стон и слепо зашарил руками по полу, будто пытался найти что-то важное и не мог.

- Червь... - разобрала Марго в шепоте, слетевшем с его губ. - Червь.

Она попробовала встать – надо было добраться до запертой двери и позвать на помощь. В спорткомплексе были люди, в соседнем зале играли в теннис, и откуда-то доносилась музыка, но, сделав первый шаг, Марго рухнула на пол, заскулив от боли, пронзившей колени и ладони. Чужая воля, остановившая ее, не позволяла сопротивляться, и это было настолько неправильно и жутко, что она закричала – и мгновенно подавилась своим криком, скомканным и сунутым ей в глотку. И тогда, когда надежда окончательно растаяла, Марго услышала, как где-то на грани реальности и безумия щелкнул, открываясь, замок.

Хозяин червей вошел в зал и закрыл за собой дверь.

Когда Лиза пригласила Эльдара на совещание в кабинете ректора, он отказался – впереди его ждали две пары у третьего курса, а третий курс приехал каким-то неуправляемым стадом баранов, и это стадо надо было срочно брать в руки и приводить в божеский вид. Но когда Лиза вошла в оранжерею после того, как третьекурсники с гиканьем и воплями поскакали в общежитие, Эльдар понял, что его окончательно приперли к стенке, и деваться ему некуда.

За два года они виделись четыре раза – урывками и официально. Не назовешь ведь нормальной встречей разговор через волшебное зеркало. О Лизе ходили самые разные слухи, которым Эльдар старался не внимать, но все равно был в курсе, что госпожа гхоула добилась уважения и в совете магов, и среди людей на макушке власти. Говорили, что она не то встречается, не то помолвлена с кем-то из министров или директоров крупнейших банков – Эльдар не считал нужным уточнять детали, говоря себе, что это не его дело, а Лиза всегда умела устроиться потеплее и поуютнее в самом хорошем месте. В конце концов, кто он ей и кто она ему? Бывшая жена и бывшая ученица, которая, по большому счету, всегда боялась и презирала его. Редкие проблески человеческого отношения он хранил в неприкосновенной глубине памяти примерно так же, как дракон сторожит сокровища. И вот сейчас, когда Лиза стояла рядом, Эльдар чувствовал, как под ее зеленым взглядом с грохотом рушатся все, возводимые им бастионы.

- Здесь очень красиво, - заметила Лиза, рассматривая розовые и сиреневые брызги ипомеи и рубиновые грозди актинидии, свисавшие над преподавательским столом. - Как твои студенты?

Эльдар пожал плечами и с нарочито серьезным видом принялся собирать бумаги со стола.

- В бой идут молодые львы, - сказал он. - Доползти бы с ними до зимней сессии... Кстати, в соседнем крыле есть плетистые розы и рамблеры. Можешь посмотреть, если любишь цветы.

Нарастающее чувство какой-то внутренней неловкости заставляло Эльдара старательно отводить глаза. В присутствии Лизы ему было не по себе – возможно, потому, что в его

памяти она до сих пор была студенткой с рыжей толстой косой, очень серьезной и готовой своротить горы для того, чтобы добиться успеха. Кто такая эта красивая женщина, которая сейчас стояла рядом с ласковой улыбкой на губах, Эльдар не знал.

- Кстати, всегда хотела спросить, - сказала Лиза. - Как тебе делали вскрытие? По идее, у тебя сейчас внутри каша из органов. А ты вполне себе нормально функционируешь.

Вопрос, что называется, поставил Эльдара в тупик. Он оторопело посмотрел на Лизу и увидел, что она улыбается - похоже, ей понравилось его замешательство.

- Да ладно тебе! - рассмеялась Лиза, мгновенно превратившись из властной и могущественной гхоулы совета магов в ту женщину, которую Эльдар знал и помнил. - Мы все-таки не чужие люди, прекрати строгость наводить. Пойдем лучше прогуляемся, там дождь уже кончился и не холодно.

Лиза была права: мелкий скучный дождь, зарядивший несколько дней назад, прекратился, и наступающие октябрьские сумерки оказались теплыми и уютными - самое то для прогулки на свежем воздухе. Облетающие деревья за студгородком пламенели всеми оттенками красного и желтого, и Эльдар, глядя на размытую кромку леса, подумал о том, что так и не заметил, как пролетело лето. Вроде бы только что он с первокурсниками высаживал мускари и нарциссы на клумбе возле главного корпуса, а кругом пробивались молодые побеги травы, и небо было высоким и пронзительно, невероятно голубым - и вот теперь октябрь, туманы, размытые краски, дрожащие листья берез, и воздух пахнет сырой землей и будущим снежным безмолвием.

- Осень... - вздохнул Эльдар. Лиза взяла его под руку, и они неторопливо пошли по дорожке.

- Да, осень. Тут в лесу грибы есть?

- Есть, - кивнул Эльдар. - Мы с соседом по блоку собирали. Почему ты спросила про вскрытие?

Лиза пожала плечами.

- Хотела вынуть тебя из лат, - ответила она. - Эльдар, ну мы же не чужие все-таки...

Где-то в лесу, в таинственной золотистой тьме, заголосила какая-то птица - прокричала и умолкла.

- Я скучал, - вдруг признался Эльдар. - Я очень по тебе скучал.

Лиза вздохнула, и пальцы, сжимавшие руку Эльдара, дрогнули.

- Приезжай в Москву на ноябрьские, - предложила она. - Погуляем, пообщаемся. Когда мы с тобой в последний раз нормально говорили?

Эльдар пожал плечами. Из общежития вышла стайка детей во главе с Маргаритой Львовной, которая теперь была на ставке воспитательницы, и прохладный осенний воздух наполнили звенящие голоса.

- Не помню, - сказал он. - Давно. Как ты... вообще?

Лиза улыбнулась. Некоторое время она рассматривала оранжевый лист клена на дорожке, задумчиво вороша его носком туфли, а затем ответила:

- Нормально. Привыкла ко всему этому. Знаешь, - сказала она, слишком пристально глядя куда-то за плечо Эльдара, - я тоже скучала по тебе. Как ты думаешь, мы можем что-то с этим сделать?

Эльдар промолчал. Не рассказывать же Лизе о том, что он до сих пор думает о том, что могло бы случиться, если бы они были вдвоем, если бы решили взять и все исправить. Правда, после этих дум хотелось выпить так, чтобы света белого не видеть - слишком уж они были тяжелыми, эти думы.

Он не успел ответить - из спорткомплекса разом вывалилась толпа народа: кричащего,

испуганного, зовущего на помощь народа. Всмотревшись, Эльдар узнал своих третьекурсников: вместо того, чтобы готовиться к занятиям, эти ребята предпочитали проводить время, пиная мяч. Впрочем, сейчас им было явно не до мяча – один из студентов, увидев Эльдара, отчаянно замахал ему рукой и закричал:

- Эльдар Сергеич! Сюда! Помогите!

Из спорткомплекса тем временем студенты вынесли на руках двоих, девушку и мужчину – Эльдар увидел, как безжизненно свесилась тонкая смуглая рука девушки, и почувствовал, как внутри все стынет. Мужчину он узнал сразу: кудри Черникова нельзя было перепутать ни с чьими другими.

Подбежав к студентам, Эльдар увидел, что и Черников, и Марго – да, он так и подумал, увидев ее растрепанные черные волосы из-за спин третьекурсников – находятся в глубоком обмороке.

- В лазарет, быстро! – рывкнул Эльдар на замешкавшихся студентов, с которых с перепугу слетел весь новоприобретенный гонор. Судя по окровавленным ладоням ребят, и Черникову, и Марго подседали червей – оставалось только надеяться, что они еще не успели внедриться в центральную нервную систему, и в лазарете Эльдар сможет их вытащить.

- Гамряна сюда, скорее, - на ходу бросила Лиза. Судя по ее мгновенно потемневшему лицу, она тоже поняла, в чем дело, и намеревалась сделать все возможное, чтобы спасти студентку и инспектора. Эльдару не хотелось думать, что она сейчас почти бежит рядом с Черниковым потому, что до сих пор питает к нему какие-то чувства.

- Запах, Эльдар, - промолвила она, когда Марго и Черникова внесли в лазарет и уложили на койках. Лиза сбросила свое дорогое пальто прямо на пол, подхватила перчатки и со знанием дела принялась рассматривать кровотокающую точку на шее Марго. - Запах белокудренника, чувствуешь?

Эльдар перевернул Черникова на бок и повел носом возле его шеи. Сквозь аромат дорогого одеколona действительно пробивалось довольно специфическое амбре белокудренника. Лиза тем временем молниеносным движением соткала тоненькую золотую сеть и, осторожно опустив ее на окровавленную шею Марго, принялась вкручивать сияющие нити в место укуса.

У Эльдара не было никакого желания возиться с Черниковым, но он был благодарен Лизе за то, что она взялась за Марго. Положив указательный палец на место укуса, Эльдар одним коротким ударом вогнал в Черникова *Гончую*, маленькое, но мощное заклинание, которое либо догонит червя и вытащит на поверхность, либо уничтожит его. Теперь надо было просто придерживать тело, чтобы инспектор не свалился с койки, когда его начнет трясти от работы заклинания.

- Да. Это белокудренник, - сказал Эльдар. - У нас в оранжерее есть.

Одна из нитей Лизиного заклинания отозвалась коротким ударом тока в руку госпожи гхоулы. Сдавленно прошипев что-то не слишком цензурное, Лиза утроила усилия, и через несколько секунд сеть исчезла. Тяжело вздохнув, Лиза стянула перчатки и провела ладонью по потному лбу.

- Маскировка для червя, - сказала она и, услышав, как в лазарет вбежал запыхавшийся Гамрян, обернулась к нему и произнесла: - Геворг, тот, кто подсаживает червей, использует настойку белокудренника для маскировки. Организм никак не реагирует на вторжение. Я видела такое летом в центре у Знаменского.

Гамрян подошел к лежащим и очень пристально всмотрелся сперва в серое лицо Марго, потом – в Черникова. Эльдар подумал, что никогда не видел Гамряна таким: постаревшим, усталым и напуганным, что ли. Именно выражение страха на лице старого друга было настолько поразительным: Эльдар был уверен, что Гамрян ничего не боится.

- Я бы не сказал, что организм не реагирует, - глухо откликнулся он. Лиза кивнула и ответила:

- Это состояние, - и она указала на Марго и Черникова, - очень похоже на перезагрузку,

Геворг. Червь внедряет программу. Мы с Эльдаром сделали все, что могли, но сам понимаешь, гарантий нет.

Гамрян тяжело вздохнул и опустился на свободную койку. Плечо Черникова вздрогнуло под рукой Эльдара, закрытые веки приподнялись, открыв белые полосы закатившихся глазных яблок. Эльдар подумал, что надо бы ощутить что-то вроде сочувствия, но не смог этого сделать.

- Белокудренник есть у нас в оранжерее, - промолвил Эльдар. - Студенты с ним работают, но выносить его запрещается. Вне пар к нему имеют доступ только два человека.

- Кто? - осведомилась Лиза, и Эльдар ответил:

- Я. И Татьяна, моя ассистентка.

Глава 9

Шаги в темноте

Несмотря на случившееся нападение, на следующий день Марго отправилась на лекции, а Черников - в комнату Люды на занятие английским. Поздоровавшись, Люда подумала, что его лицо до сих пор сохраняет неестественную восковую бледность, и предложила перенести урок, но Черников только отмахнулся.

- Незачем разлеживаться, - сказал он. - Червя уже нет, так что и волноваться не о чем.

Люда по-английски похвалила его за такую решительность, но ее ученик только смущенно улыбнулся и развел руками, явно не разобрал ни слова. Люда не уставала удивляться, как при таком высоком уровне интеллекта - а она как истинный гуманитарий считала гениальными инопланетянами всех людей, разбирающихся в алгебре - Черников оказался совершенно беспомощным перед английским. Неправильные глаголы вводили его в состояние, близкое к легкому шоку, а система времен заставляла испуганно смотреть в окно, словно в поисках способа побега. Около получаса они бились над крошечным диалогом о путешествиях, а потом Люда вздохнула и сказала:

- Давай, что ли, кофе попьем? Нам ведь можно кофе после этих червей?

Черников кивнул. Люде казалось, что теперь он смотрит на нее иначе, так, будто они принадлежат одному братству.

- Вообще в них нет ничего страшного, - заметил он, когда Люда принесла две кружки с кофе. Эльдар, который что-то искал в гостиной, посмотрел на эти кружки с явным неудовольствием, но ничего не сказал. - Относительно новая разработка, но в принципе очень действенная. Нужна для манипуляций. Если червь не успел внедриться, то не будет никаких последствий. А если успел... ну что же поделать, придется выполнять приказы его хозяина. Не захочешь - заставят.

- Нам повезло, - сказала Люда. Почему-то кофе казался безвкусным, хотя она заварила его почти до угольной черноты. - Саша, как думаешь, чего добивается тот, кто их запускает?

Черников неопределенно пожал плечами. После того, как они с Марго пришли в себя в лазарете, разразился ужасный скандал. Разумеется, никто не собирался обвинять Эльдара в том, что он как-то замешан в создании червей, зато на Таню, маленькую и хрупкую ассистентку господина проректора, спустили всех собак - кроме нее, никто больше не имел доступа к запасам белокудренника. Вдобавок, случилось так, что, как назло, она всегда оказывалась рядом с жертвами. Конечно, Эльдар в прямом смысле слова взбеленился - его крики было слышно по всему студгородку, и в них пару раз встречалась такая нецензурщина, которая сделала бы честь любому пиратскому боцману. Вкратце суть его фраз сводилась к тому, что человек с поврежденным сознанием - а смещение души это вам не шутки - никоим образом не способен слепить червя и подселить его. Гамрян вроде бы с ним согласился, тем более, что у Тани не было

абсолютно никаких магических способностей, но Лиза, срочно вызвав Таню и осмотрев ее, подлила масла в огонь тем, что обнаружила странные нити в ауре подозреваемой. Нити не зародились там сами по себе, а имели явное искусственное происхождение, и Лиза предположила, что либо Татьяна очень опытный непосвященный маг, который крайне успешно шифруется от всех, либо кто-то манипулирует несчастной женщиной в своих целях, например, заставив ее раздобыть белокудренник. Одним словом, опять стало понятно, что ничего не понятно – но Таню на всякий случай решили временно отстранить от занятий и запретили выходить куда-либо, кроме детского блока.

- Конечно, это странно, - продолжал Черников, прихлебывая кофе. - Ладно, я понимаю, когда червей подседают ко мне и Марго. Мы маги. А ты – человек. Неужели тот, кто способен на такую серьезную работу, не может отличить мага от человека?

- А это серьезная работа? – поинтересовалась Люда. Черников кивнул с чрезвычайно серьезным видом.

- Конечно. Тут нужен как минимум ведьмак или ведьма первого посвящения. А лучше знающий маг.

- Тогда Таня точно не при чем, - сказала Люда. - Она ведь человек. Как и я.

Черников вздохнул.

- Ты говоришь об этом так, словно извиняешься. Знаешь, а я бы хотел снова стать обычным человеком, - он мечтательно улыбнулся, и Люда заметила, как на бледных щеках пробивается румянец. - Я ведь когда-то был профессиональным танцором. Вел бы сейчас занятия у детей, судил соревнования и знать не знал бы ни о какой магии.

Люда удивилась. Насколько она успела понять, все маги искренне ценили свои способности и вряд ли согласились бы расстаться с ними по доброй воле. Магия была, прежде всего, возможностью подняться над жизнью, быть не марионеткой, а кукловодом. Вряд ли бы тот же Эльдар захотел утратить способности и вести обычную жизнь преподавателя, или кем он там раньше работал... Должно быть, Черников правильно оценил выражение ее лица, потому что решил объяснить:

- Магия меня изуродовала. Поверь на слово, я когда-то был совсем другим человеком. А стал убийцей – пусть меня использовали, но все-таки... Когда становишься магом, то теряешь право выбора. Получаешь силы, которые приходится использовать, хочешь ты того или нет. Так что не жалею о том, что ты человек. Я бы все за это отдал.

Почему-то Люде стало жаль его – она и сама не могла сказать, откуда взялось это внезапное и очень искреннее сочувствие. Ведь не станешь сопереживать владельцу «Бентли», который снова мечтает кататься на убитом «Москвиче»... Впрочем, от этих размышлений Люду отвлекла тонкая золотистая нить, проплывшая над головой Черникова – устало проводив ее взглядом, Люда сказала:

- Кажется, у меня галлюцинации из-за этого червя. Паутинки в воздухе вижу.

Она как-то вдруг поняла, что именно здесь и сейчас в этом можно признаться. К ее искреннему ужасу Черников молниеносным движением подхватил почти уплывшую нитку и протянул Люде.

- Что тут? – спросил он со странной надеждой, и Люда вдруг заметила, что у него нервно дергается нижнее веко.

Ей показалось, что она поскользнулась и падает – и то мгновение, когда все в душе томительно замирает, чтобы разлететься на осколки при ударе, растянулось в вечность.

- Нитка, - прошептала Люда. - Тонкая... золотистая.

Нить вдруг вспыхнула в пальцах Черникова и рассыпалась ворохом мелких искр. Черников некоторое время пристально всматривался в глаза Люды, а потом негромко проговорил:

- Это невозможно, Люд. Этого не может быть.

Кажется, он тоже испугался – во всяком случае, выражение его лица было таким, потрясенным и каким-то очень несчастным. Кружка недопитого кофе вдруг скользнула по столу и медленно поплыла к краю – Черников тотчас же схватил Люду за руки и с какой-то алчной болезненной мольбой пробормотал:

- Нет-нет-нет, не бойся, все нормально. Я все исправлю, не бойся. Все хорошо, хорошо...

Кружка замерла – до падения оставалась какая-то жалкая пара сантиметров. На какое-то мгновение Люде показалось, что она разучилась дышать: воздух сгустился в легких, застыл темными неподвижными пластинами. Кажется, в комнате стало темнее, словно в окно вползла грозовая туча.

- Что происходит? – спросила Люда и удивилась тому, насколько жалко и обреченно звучит ее голос. Черников смотрел на нее неотрывно, и сочувствие в его взгляде было настолько пронзительным и искренним, что Люде захотелось заплакать.

- Ты меняешься, - с горечью промолвил он. - Господи Боже, ты меняешься...

Гамрян, который после вчерашнего вечера выглядел крайне изможденно и подавленно, усадил Люду в кресло и, вынув из ящика стола обычные влажные салфетки, принялся тщательно вытирать руки. Люда подумала, что все это похоже на ожидание в зубоврачебном кресле: ты уже сидишь в нем, а врач готовится к работе, выбирая нужные инструменты, и внутри все закручивается в тугую-претугую спираль от страха. Кабинет ректора, конечно, не имел ничего общего с кабинетом в стоматологии, но Люде казалось, что Гамрян старательно готовится к трудной операции.

Молодая рыжеволосая женщина в дорогом костюме, сидевшая чуть поодаль, пристально смотрела на Люду со странной смесью сочувствия и любопытства. Ее длинные пальцы с дорогим маникюром задумчиво скользили по древесному узору на поверхности стола; чашка свежесваренного кофе, которую принесла секретарша, осталась нетронутой.

- Что со мной? – негромко спросила Люда, стараясь не показывать, насколько ей страшно. Рыжая вздохнула. Пальцы выбили дробь по столешнице.

- Честно говоря, Людмила Васильевна, я такое вижу в первый раз, - откровенно произнесла она. Гамрян криво усмехнулся и промолвил:

- Да и я тоже, - пройдя по кабинету, он встал за спиной Люды и, помедлив несколько мгновений, словно собиравшись с силами, осторожно опустил правую ладонь ей на затылок. Прикосновение отдалось резкой болью в груди и накатившей тошнотой; прижав руку ко рту и отчаянно сражаясь с подступающей рвотой, Люда подумала, что ее карьера неудачницы стремительно набирает обороты. То подселенный червь, то эти изменения; вытошнить завтрак в кабинете ректора – это будет уже вершина этой карьеры... Убрав руку, Гамрян осведомился:

- Как самочувствие, Люд?

- Да как, вся дрожит, - ответила рыжая вместо Люды. Она притянула к себе черный кожаный клатч, небрежно брошенный на стол, и, достав пластинку каких-то таблеток, подала ее Люде. - Под язык.

«Валидол», - прочла Люда на поцарапанной серебряной фольге и послушно отправила таблетку в рот. Ментоловый холодок ласково обволок язык и нёбо.

- Ну что, Геворг? – поинтересовалась рыжая. - Кто она?

Гамрян вздохнул и снова положил руку Люде на голову, но на этот раз прикосновение не вызвало ни боли, ни тошноты – только легкое, почти неощутимое покалывание в висках.

- Она гадалка, - откликнулся Гамрян. - Вроде тебя, Лиза. Конечно, очень-очень слабая, почти незаметная.

Лиза ахнула и покачала головой.

- Да уж, дела творятся... Но ведь она совершенно точно была человеком?

- Была, - ответила Люда и не услышала своего голоса. Стул опасно качнулся под ней, и мир поплыл куда-то в сторону, лишившись четкости и превратившись в большое размазанное пятно: Люда подумала, что сейчас упадет в обморок, и схватилась за край стола. - Да, я была человеком...

И что дальше? Унизительная постановка на учет - а Люда почему-то не сомневалась в том, что это будет унизительно - жизнь с пониманием того, что ты теперь не такая, как все, странные происшествия, которые имеют отношение то ли к твоей магии, то ли к твоей же паранойе... Что теперь? А если родители об этом узнают? Что они будут думать о Люде?

Страна чудес открылась перед Алисой, но Алиса меньше всего хотела отправляться туда. Иногда Люде действительно мечталось стать похожей на Эльдара или Черникова, но теперь, когда это случилось, она не чувствовала ничего, кроме противного липкого ужаса.

- Таблетку разгрызите, Людмила Васильевна, - посоветовала Лиза и вынула из клатча новенький сияющий смартфон. - Внесу вас в наши базы, постановка на учет пройдет автоматически.

Муторное чувство безысходности, охватившее Люду, было настолько горьким и всепроникающим, что она сама не заметила, как по щекам побежали слезы. На какой-то миг ей показалось, что ее жизнь рухнула, и она сейчас лежит под обломками и не может выбраться. Была человеком. Стала магом. Волшебный мир раскрыл объятия, готовясь принять новоиспеченную гадалку, но Люда лежала во мраке под обломками и слышала только неровные шаги - к ней шел человек, отбрасывающий горбатую тень.

Гамрян заботливо погладил ее по голове, и наваждение исчезло. Кажется, даже дышать стало легче.

- Не переживайте так, - мягко сказал он. - Гадать вас никто не заставляет. Захотите - будете, а если нет, то и суда нет. Как правило, посвящение гадалкам не грозит. Так что живите спокойно, как раньше.

- Как раньше? - горько усмехнулась Люда. - Вряд ли у меня получится, Геворг Ашотович.

Гамрян понимающе вздохнул и сел в свое кресло. Некоторое время он задумчиво перелистывал ежедневник, вчитываясь в свои записи и периодически хмурясь, а потом промолвил:

- Скорее всего, это произошло из-за червя. Ваши способности крепко спали настолько глубоко, что разбудить их не было никакой возможности. А червь смог до них добраться, разбудил и, должно быть, именно поэтому и обнулится...

Дверь в кабинет открылась без стука - вошел Черников, по-прежнему бледный, но очень энергичный и решительный.

- Что..? - спросил он, глядя то на Лизу, то на Гамряна: так смертельно больной смотрит на врача, надеясь услышать, что диагноз оказался ошибочным. Гамрян только устало махнул рукой.

- Она гадалка, Шура. Очень-очень слабенькая, но определенно гадалка, - объяснил он. Черников устало кивнул, словно ожидал услышать что-то в этом роде, и опустился в кресло рядом с Людой. Почему-то ей было страшно повернуть голову и посмотреть на него.

- Это из-за червя, да? - спросил он. Лиза кивнула, сосредоточенно набирая в смартфоне какой-то текст. Черников вздохнул и вдруг резко хлопнул ладонью по столу и заявил:

- Наш Змей Горыныч, думаете, в этом не замазан?

Все дружно взглянули на него с крайней степенью изумления, и Черников счел нужным объяснить:

- Доступ к белокудреннику у него есть. Никто больше там шарить не сможет: оранжерея закрывается на особое заклинание. Я попробовал, когда проводил инспекцию территории, и ничего не получилось. Плюс у Эльдара огромная и давняя неприязнь лично ко мне. А слепить этих червей для мага его уровня вообще не задача. Откуда нам знать, какие у него вообще планы? И эту Татьяну именно Эльдар нашел и привез сюда. Мало ли в чем она ему ассистирует?

Лиза презрительно фыркнула. Гамрян отмахнулся, явно не принимая подозрения Черникова всерьез. Люда смотрела на Черникова с искренним удивлением: уж кто-то, а Эльдар никак не мог быть создателем червей. Почему-то она была в этом уверена. В конце концов, Эльдар бы не перепутал человека с магом и не стал бы подселять ей червя. Для мага его уровня, как выражается Черников, это слишком глупо.

- Да ладно тебе, Шур, - сказал Гамрян, и в его голосе прозвучала легкая, практически неуловимая неприязнь. - Вы с ним оба хороши. Вешаете всех собак друг на друга, а злоумышленник знай себе свое дело делает. Я уверен, что Эльдар не имеет никакого отношения к червям. При всей его нелюбви к тебе он в этом никак не замешан. Я уверен.

Черников развел руками – дескать, дело ваше. Похоже, у него пропало желание кого-то в чем-то убеждать. Нет смысла биться лбом о стену.

- Хорошо, - сказал он. - Только я вас предупреждал.

Несмотря на общую тревогу по поводу подселения червей, бал не перенесли, и вечером пятого октября двери одной из самых больших аудиторий открылись, впуская взволнованных студентов. Откуда-то сверху лилась неуловимо знакомая классическая музыка, стены и потолок были украшены сверкающими золотыми и оранжевыми листьями и цветами, над которыми бесшумно парили сияющие зеленоватые светляки, старательно рассыпая мелкую ароматную пыльцу. Карина с восторженным вздохом подняла голову и увидела темное звездное небо вместо потолка.

- С ума сойти, - восхищенно выдохнула она. Егор, несколько дней назад официально пригласивший ее на бал, одобрительно кивнул.

- На третьем курсе выучим такие заклинания, - сказал он. - Ребята весь день тут трудились. Круто, правда?

При упоминании третьего курса Карина невольно поморщилась. Оля Светлова, девушка совершенно невероятной, ослепительной красоты, словно сошедшая с обложки журнала, несколько раз открыто давала понять Егору, что не прочь возобновить отношения. Та ссора в мае была какой-то дурацкой, и давно пора ее забыть. То, что у Егора уже была новая девушка, оказалось для красавицы очень неприятным сюрпризом. Елена рассказала, что Оля без обиняков заявляла о своей готовности сражаться за любовь всеми возможными средствами.

Егор старательно избегал Светловой, и Карина невольно этому радовалась. Сейчас, пристально глядя по сторонам, она пыталась отыскать соперницу среди изумленно охающих и ахающих собравшихся. Вот Маша и Артем – приглашая ее на бал, он отчего-то сильно робел и краснел, словно она отчего-то могла ответить отказом. Маша, согласно кивнув, покраснела еще сильнее Артема. Вот Марго и Черников – очень странная пара, честно говоря, но красивая, этого нельзя отрицать. После нападения червей их роман перестал быть секретом, и кто-то говорил, что это неправильно, кто-то уверял, что вполне естественно и нормально, однако обитательницы комнаты номер пять точно знали, что Марго просто подбирается к Черникову как можно ближе, чтобы вывести его на чистую воду, если он все-таки окажется негодяем... Вот Люда в компании с Ваней, который максимально прибрал свои дреды и надел строгий деловой костюм с ярким галстуком, видно, позаимствовал наряд у Эльдара. Вот и сам Эльдар, на руке которого повисла Геля Гребенникова: как обычно, с развратным огоньком в глазах, в крошечном платье, усеянном стразами, и счастливая просто до невероятности. Гхоулу совета, которая уже успела прочитать первому курсу очень интересную лекцию по основам предсказаний, сопровождал молодой преподаватель экономики – он вел занятия у второго курса, и Карина не знала его имени.

- Егорка, привет! - Оля вынырнула буквально из ниоткуда и, взяв Егора под руку, поцеловала его в щеку так, будто имела на это полное право - и будто Карины здесь не было. - Ну что, потанцуем? Сейчас будет вальс.

Егор прямо опешил от такого напора, зато Карина немедленно ринулась в атаку и сказала:

- Иди вальсируй в другом месте. Тут уже все до тебя решили.

Оля смерила Карину таким презрительным взглядом, словно перед ней стояла нищенка, которая ни с того, ни с сего покусилась на то, что принадлежало третьекурснице по праву.

- Егор, это что за кикимора в рубище? - поинтересовалась она. - Твоя девушка?

Карина почувствовала, как щеки заливают румянцем, а в виски ударяет такая ярость, какая берсерку впору. На бал она надела свое лучшее платье в стиле ампир, светлое, с изящной отделкой кружевом, но, конечно, рядом с Олей, которая наверняка прикупила свой наряд прямо с подиума каких-нибудь Дольчей с Габбанами, выглядела очень простенько и незатейливо. Кулак сжался, и наглая третьекурсница наверняка бы щеголяла на балу с разбитым носом - очень бы пошло к рубиновым сережкам - но в это время в зал впорхнула мелодия вальса, и Егор, подхватив Карину, моментально утанцевал ее в другую сторону, подальше от разочарованно вздохнувшей Оли.

- Чего ты ей не сказал-то ничего? - обиженно спросила Карина. Егор вздохнул, и она добавила: - Нравится, когда она к тебе липнет?

- Кариш, не заводись, - попросил Егор. - Я с ней говорил уже, объяснял, что люблю тебя. Сама видишь, человек не понимает.

Карина фыркнула. Где-то справа раздались аплодисменты - там танцевали Марго и Черников, но Карине почему-то не хотелось смотреть в их сторону. Нарастающая обида кололась в носу мелкими иголками, и Карина понимала, что готова расплакаться. В конце концов, Егор мог бы окоротить эту дрянь, но не стал этого делать, просто стоял и смотрел, чем дело кончится. Если он не возмущается, когда при нем поливают грязью его девушку, то на что тогда можно рассчитывать? Карина так хотела не пустить эти отношения по ветру, не растратить их - а что, если для Егора она была просто подружкой на время, пока Оля не вернется с практики?

Ей было обидно. Очень обидно. Первый вальс кончился, за ним пролетели второй и третий, и наконец из невидимых колонок зазвучала более веселая и бойкая мелодия. Егор хотел танцевать еще, он, казалось, совсем не устал, но Карина решила пойти к столам с фуршетом в конце бального зала и немного выпить: Артем говорил, что в соки добавляют водки - не праздновать же трезвыми! Егор подался за Кариной, и она почему-то этому обрадовалась. Ничего, они справятся, они со всем справятся, и пусть только эта гадина попробует еще раз приблизиться к Егору: Карина дала себе слово, что выцарапает ей глаза.

В протянутом ей бокале сока действительно чувствовалось спиртное, тайком раздобытое второкурсниками, сумевшими как-то ночью покинуть территорию студгородка и добраться до Дербенево. Карина выпила и почувствовала себя легче. Ничего, еще повоюем. Она не собиралась капитулировать перед наглой третьекурсницей и была готова к любому повороту событий.

- Не дуйся, - Егор, неслышно подошедший сзади, протянул Карине пирожное и поцеловал в висок. В руке он держал бокал сока, в котором плавали желтые искорки: должно быть, светлячки насыпали пыльцы. - Ты моя девушка, и другой мне не надо.

Карина улыбнулась, и тучи, омрачившие начало праздника, развеялись. Все было хорошо: и музыка, и серебристые бабочки, парившие над танцующими, и невероятная праздничная легкость, вдруг накрывшая Карину невесомым шарфом. Артем с Машей отплясывали настолько лихо, что все им зааплодировали, а бабочки и светлячки восторженно осыпали их золотой пыльцой. Но лучше всего было то, что Егор сказал: «Ты - моя девушка, и другой мне не надо».

Потом они снова танцевали в обнимку что-то медленное, потом было несколько бойких современных танцев, а потом, когда они снова отошли к столу с напитками, Карина вдруг обнаружила, что Егор куда-то исчез. Вроде бы только что стоял тут – и пропал. Осторожно обходя однокурсников, Карина прошла по бальному залу, но Егора так и не нашла. Оли, кстати, тоже не было. Неприятное предчувствие кольнуло Карину в грудь; она подошла к Марго и Черникову, которые стояли у окна, отдыхая после танцев, и спросила:

- Маргош, ты Егора моего не видела?

Марго пожала плечами и ответила:

- Да вроде нет. Может, вышел куда?

Неприятное предчувствие принялось разрастаться. Карина выбралась в коридор и увидела, что народ здесь веселится вовсю: кто-то, не скрываясь, разливал коньяк по пластиковым стаканчикам, парочки, забившись по углам, обнимались и хихикали, какая-то девчонка со второго курса, имени которой Карина не знала, подтягивала чулок, не обращая внимания на окружающих, одним словом, веселье било ключом. Карина прошла по коридору и вдруг услышала знакомый голос из-за стенда с расписанием дополнительных занятий – услышала и почувствовала, как в груди что-то оборвалось.

Завернув за стенд, она увидела, что Егор, непонятно как успевший за несколько минут напиться до совершенного безобразного состояния, обнимал Олю, сжимая ее бедра так, словно никогда не видел женщины. Это было, будто пощечина, за которой наступает звонкая тишина – Карине показалось, что она оглохла, все звуки праздника куда-то исчезли, и в этой непроницаемой тишине она развернулась и побрела в сторону бального зала. Карина не знала, зачем туда идет: казалось, она двигалась просто ради того, чтобы не стоять.

Из зала вывалились Эльдар и повисшая на нем Гребенникова: судя по выражению лица суккубины, она готова была отдаться проректору по воспитательной работе прямо здесь и сейчас. Карина врезалась в них, и трезвое восприятие мира вернулось: она ощутила сладкий запах духов Гребенниковой, услышала музыку и наконец поняла, что плачет.

- Ой... - томно охнула Гребенникова. - Карин, ты чего? Ой, Карин, ты что, плачешь?

Карина провела ладонью по щеке и промолвила, стараясь не смотреть ни на Гребенникову, ни на Эльдара:

- Егор там с Олей. Егор. Там. С Олей.

Суккубина ахнула, словно эта новость ее действительно ужаснула, хотя было ясно, что Гребенниковой нет никакого дела до страданий соседки по общежитию. Эльдар хмыкнул и подтолкнул свою спутницу обратно в зал.

- Иди, попляши, - сказал он и, когда девушка, делано надув губки от обиды, скрылась за дверями, обернулся к Карине: - Пойдем посмотрим.

Вздохнув, Карина подалась за ним по коридору. В голове царил звонкая тишина, а перед глазами плавала цветная картинка, на которой Егор, час назад уверявший, что ему никто не нужен, кроме Карины, лапал свою бывшую. Эльдар завернул за стенд и через несколько минут выволок оттуда за ухо охающую и причитающую Олю с задранной юбкой. Егор буквально выпал следом – он действительно был пьян просто до безобразия.

- Я что говорил? – с обманчивой мягкостью спросил Эльдар. Оля дергалась в его руке, пытаясь поправить юбку. – Я предупреждал, что колледж – не публичный дом? Я говорил, что накажу?

Он выпустил покрасневшее ухо Оли и тотчас же перехватил ее за шиворот и поднял в воздух – тонкие ноги третьекурсницы болтались в воздухе, и Карина непременно бы рассмеялась, не будь это настолько тягостно и противно. Егор качнулся и сделал невероятную глупость: он схватил Эльдара за плечо и попытался отбить даму сердца.

Карина ахнула. Это действительно было глупо: Эльдар щелкнул пальцами свободной

руки, и Егор тотчас же отлетел в сторону и, ударившись о стену, сполз на пол в бессознательном состоянии. Оля пискнула, и с ее правой ноги свалилась туфелька.

- Хмельницкий, ты бы лучше штаны застегнул, простудишься, - холодно посоветовал Эльдар. Карина подумала, что ее куратор в бешенстве: до этого она не видела, чтобы у него так раздувались ноздри. Впрочем, Егор не мог его услышать: судя по всему, он пребывал в обмороке. - На обоих пишу докладную ректору. Кстати, - Эльдар покосился в сторону собравшихся зевак, - это всех касается. Если кого-то еще сегодня замечу в непотребном виде, наказание будет очень неприятным.

Оля заплакала, и Эльдар наконец опустил ее на пол. Отчаянно шмыгая носом, девушка побрела по коридору; кто-то из однокурсниц подхватил ее под руку и повел в раздевалку. Карина подошла к Эльдару почти вплотную и сказала:

- Наверно, я должна вас поблагодарить...

Эльдар пожал плечами.

- Как хочешь, - похоже, он хотел сказать что-то еще, но в этот момент его внимание привлек бокал Егора, аккуратно поставленный на пол. Внутри еще оставалось немного сока с пыльцой; брезгливо подняв бокал, Эльдар принялся к его содержимому и вдруг спросил:

- Он в зале из этого бокала пил?

Карина кивнула.

- Ну да. А что такое?

Эльдар понюхал снова и сказал:

- Тут любовная присушка. Олечка, похоже, взяла и приворожила этого балбеса.

Карина не могла передать словами, каким огромным было накотившее на нее чувство облегчения. Значит, Егор лапал бывшую не по своей воле, его вынудило заклинание... Эльдар задумчиво покрутил бокал в ладонях и произнес:

- Я только одного не понимаю. Почему он не почувствовал присушку? Это же первый курс, второй семестр, я с ними сам эту тему разбирал.

Карина вздохнула и закрыла глаза. На какой-то миг ей показалось, что она падает в пропасть.

Субботнее утро оказалось дождливым, сонным и похмельным. Карина проснулась с головной болью и, сев в кровати, несколько минут угрюмо смотрела по сторонам. Соседки, разумеется, спали: вчера все обитательницы комнаты номер пять вернулись за полночь, когда в бальном зале окончательно угасло свечение зачарованных цветов, а бабочки и светляки разлетелись по углам и растаяли. Когда однокурсники утащили Егора в общежитие, Карина решила, что лучший способ отвлечься от тяжелых мыслей - это выпить, как следует и, судя по всему, это ей удалось. Марго оставила своего Черникова и приволокла откуда-то бутылку виски; Маша и Артем, присоединившиеся к компании, шутили, что тут не обошлось без цыганских корней - вон и лошадь белая на этикетке, как не украсть? Вскоре к ним подошла Лена с Витовтом - они принесли чудом сохранившиеся пирожные, так что праздник, несомненно, удался, причем у всех студентов: Эльдар не сдержал обещания и не гонял пьяные парочки. Наверно, за это надо было поблагодарить Гребенникову.

Вздыхнув, Карина вылезла из-под одеяла и, взяв кружку, вышла из комнаты и побрела на кухню: пить хотелось так, словно она неделю скиталась по пустыне. Коридор был пуст, хотя общага уже проснулась: откуда-то доносились развеселые голоса и смех. Из душевой, покачиваясь, вышла Гребенникова в шелковом халатике, застегнутом на одну пуговицу. Мокрые рыжие волосы рассыпались по плечам клубком змей. По суккубине трудно было сказать, пьяна ли она, или же ее покачивает от радости. Увидев Карину, Гребенникова постаралась сделать серьезное лицо, но тотчас же не удержалась и

хихикнула:

- Ой, Кариш... - протянула она. - Ты не плачь, ладно? Вот пообещай мне, вот скажи: Гелька, я не буду плакать.

- Не буду, - пообещала Карина. Все-таки Гребенникова была пьяна.

- Молодец! Потому что из-за мужиков плакать не-че-го, - вразбивку промолвила суккубина. - Потому что все мужики козлы и сво-ло-чи.

Эту в высшей мере нравоучительную сентенцию она изрекла, уже двигаясь в сторону своей комнаты. Карина вздохнула и пошла на кухню. Сейчас ей прежде всего хотелось пить, а не думать о мужской натуре.

На кухне обнаружился Витовт в компании с Егором: они ждали, когда закипит чайник. Егор сидел на подоконнике, держась за голову и негромко стеная: вид у него был изможденный и крайне болезненный. Увидев Карину, он тотчас же спросил:

- Карин, а что вчера случилось-то?

Карина вопросительно изогнула левую бровь и, поставив чашку в кулер, нажала на кнопку подачи воды.

- А что? - ответила она вопросом на вопрос. Егор потер лоб и сказал:

- Я вообще ничего не помню. Вроде мы с тобой вальс танцевали... было такое, да?

Карина кивнула.

- А потом пошли сока выпить. И все, пустота. Что случилось-то, Карин?

Она взяла чашку и подумала, что Егор сейчас абсолютно искренен. Ему действительно нет дела до Оли, и вчера его просто зачаровали. Он в самом деле не виноват - тогда почему ей, Карине, сейчас настолько легко и одновременно грустно? Может, потому, что она до сих пор уверена, будто настоящая любовь должна противостоять любым чарам?

- Тебя Светлова приворожила, - ответила Карина, сделав несколько глотков. Вроде бы жажда была такой сильной, а теперь куда-то подевалась. - Присушка. Бросила пыльцу в твой бокал.

У Егора даже рот приоткрылся от изумления. Витовт, кстати, тоже был искренне удивлен.

- Эльдар сказал, что изучал с вами эти присушки во втором семестре, - продолжала Карина. - Странно, что ты ничего не заметил. Или просто замечать не хотел?

Она вдруг почувствовала, что внутри все дрожит и рвется от злости и ревности. Во взгляде Егора под изумлением теперь росла самая настоящая боль, но Карина ее игнорировала. Ей тоже было больно видеть его в объятиях бывшей девушки.

- Красота, - холодно сказала она. Вспомнилось данное на ходу обещание не плакать, и Карина подумала, что Гребенникова была права, и плакать она не станет. - Во всем присушка виновата. А своего ума нету, да? Или дай-ка я с бывшей замучу, а потом все на присушку свалю? Дескать, это все Светлова виновата, а я не при делах? Удобно на двух стульчиках посидеть?

Егор встал с подоконника, и его осунувшееся потемневшее лицо исказило гримасой искреннего страдания. Он шагнул к Карине, но она тотчас же сделала шаг назад.

- Не надо, - настолько непритворно попросил он, что у Карины сжалось сердце. - Ты же знаешь, что она мне не нужна.

- А почему присушку не почувствовал? - Карина вдруг поняла, что по щекам катятся слезы. В эту минуту она так сильно ненавидела и Светлову, и Егора, что готова была умереть от этой ненависти. В ауре Егора - теперь Карина умела видеть ауру - вспыхнули, разворачиваясь, алые лепестки гнева, пока еще сдерживаемого, но готового расцвести в любой момент.

- Да не знаю я, - промолвил Егор. - Карин, я правда не знаю, как так получилось. Наплевать мне на нее, мне ты нужна.

Несколько мгновений он смотрел ей в глаза, а потом добавил:

- Прости. Что мне сделать, чтобы ты простила?

Карина шмыгнула носом. Чайник давно кипел, сердито шипя и плюясь паром, но никто этого не замечал.

- Ничего, - сказала Карина. - Ничего тут уже не сделаешь, Егор.

Она развернулась и вышла из кухни, чувствуя, как рушится все, что успело вырасти между ними за эти месяцы, и понимая, что ни она, ни Егор уже ничего не смогут исправить. Что бы он ни сказал, что бы он ни сделал, она все равно будет думать, что Егор заметил присушку и с удовольствием выпил сок, чтобы вернуться к бывшей и остаться как бы не при чем.

Закрыв дверь в свою комнату, Карина некоторое время стояла молча, привалившись к ней спиной, а затем прошла вперед, упала на свою смятую кровать и разревелась настолько громко и жалобно, что все девчонки подскочили в ужасе. Несколько мгновений они смотрели на Карину, а потом бросились ее утешать. Елена обняла ее, прижав к себе и негромко шепча на ухо что-то успокаивающее, Марго, не тратя времени даром, принялась шарить в аптечке в поисках валидола, а Маша гладила Карину по спине, приговаривая:

- Ну гад! Ну гад такой..!

В дверь заколотили чуть ли не ногами, и из коридора донесся крик Егора:

- Карина! Карина, открой! Открой, говорю!

- Нет, - прошептала Карина, на мгновение освободившись из объятий Елены и смахивая слезы со щек. - Нет, девчонки, не открывайте. Не хочу его видеть...

Марго кивнула и, вручив Карине кругляш валидола, выскользнула в коридор. Егор попробовал было отодвинуть ее и войти в комнату, но Марго взяла его за руку и, оттащив в сторону, принялась что-то негромко втолковывать. Карина не могла разобрать слов, а Егор несколько минут хмуро слушал однокурсницу, а потом развернулся и ушел. Вскоре в коридоре хлопнула дверь с такой силой, что отдалось по всей общаге.

- Я сказала, что надо сделать паузу, - объяснила Марго, вернувшись в комнату и сев на кровать рядом с Кариной. - Хотя бы до вечера. Придете в себя - тогда и поговорите спокойно.

Карина выпрямилась и спросила, не глядя ни на кого из подруг:

- Девчат, ну Егор же отличник, так?

Елена и Марго дружно кивнули.

- Одни пятерки, - сказала Елена. - У Гамряна он на особом счету. Хотели его уже на втором курсе отпустить на практику.

- Причем кто-то из московских шишек его застолбил, - поддакнула Марго. - Большие перспективы у парня.

Карина только руками развела.

- Тогда я не понимаю, как он не почувствовал присушку. Эльдар сказал, что сам эти присушки объяснял.

Елена утвердительно качнула головой.

- Да, у нас были такие занятия. Егор лучше всех тогда работал, я точно помню. Мы были в паре, и он с первого раза узнал присушку, - вздохнув, она призналась: - А я только с пятого...

Карина хлопнула ладонью по колену и поднялась с кровати. Вместо растерянности ее теперь накрывало волной гнева.

- Как он ее в своем бокале не узнал? - воскликнула она. - Девки, ну как? Что ж получается, решил дурачком прикинуться? Вроде и с бывшей покрутился, и передо мной ни в чем не виноват?

Она прошла по комнате и яростно стукнула кулаком в дверцу шкафа. Та печально заскрипела и отворилась. Карина ударила по ней снова, отправляя на прежнее место.

Девушки переглянулись.

- Черт-те что, - сказала Елена. - Слушай, Карин, ну не похоже это на Егора. Он парень честный и не стал бы со Светловой вот так, почти на твоих глазах... Нет. Я не верю.

Перед глазами Карины снова всплыла цветная картинка: Светлова довольно улыбается, забрасывая ногу на Егора и со стоном подаваясь навстречу его жадным прикосновениям. Уже знакомая боль от разочарования и жалости к себе царапнула сердце.

- Я своими глазами видела, Лен, - устало сказала Карина. Елена кивнула и промолвила:

- Да я не спорю. Но Егор не такой человек. Он не стал бы так с тобой поступать.

- Но поступил же... - вздохнула Карина, чувствуя, как дрожит голос и вскипают слезы, готовясь пролиться снова. - Девки, что же делать-то?

Марго подошла к ней и обняла - крепко и искренне, как могла бы обнять сестра, которой у Карины никогда не было. Елена и Маша присоединились к ним, и несколько минут подруги стояли, обнявшись: Карина вдруг подумала, что за короткое время эти девушки стали для нее настоящей семьей.

- Не вешать нос, гардемарины, - промолвила Марго. - Разберемся.

Вокруг Люды была темнота - непроницаемая, глухая, понятия не имеющая о том, что существует свет. Она казалась плотной и вязкой, словно густое желе; Люда, застывшая на месте, не знала, куда идти, и возможно ли вообще передвигаться в этом мраке. Она попробовала пошевелиться, но у нее ничего не получилось, будто Люда лишилась рук и ног.

Она не успела испугаться. Впереди появилось небольшое серое пятно. Постепенно разрастаясь, оно вытеснило тьму куда-то назад, и Люда увидела, что стоит среди поля. Ветер пах недавно пролившимся дождем и умирающей травой, под ногами тоскливо поскрипывали бело-розовые цветы - Люда вдруг вспомнила их название: белокудренник - и откуда-то издали доносился тоскливый голос ночной птицы, горестно стеновавшей по давно ушедшему лету.

Люда обернулась - позади громоздились убогие домишки Дербенево, она почему-то сразу поняла, что стоит именно за чертой Дербенево, а не какого-то другого поселка. «Да я же сплю», - с облегчением подумала Люда, и страх сразу же попятился и отступил. Взглянув вперед, она увидела темную громаду полуразрушенной церкви. Угрюмо склоненный крест казался копьём, готовым к бою, несмотря на мнимую покорность. Люда ясно и отчетливо поняла, что от этого места надо держаться как можно дальше: провалы окон и двери, утонувшие в той тьме, которая совсем недавно окутывала Люду, скрывали что-то за пределами холодное и злое, готовое вырваться в любую минуту.

Она сделала несколько шагов назад, к мостику, переброшенному через тихий широкий ручей. Лучше уж идти по улицам Дербенево, чем стоять здесь и надеяться, что нечто, обитающее в заброшенной церкви, не заметит ее.

- Прах к праху, - проскрипел негромкий голос, и сухие жесткие пальцы впились в левый локоть Люды. Взвизгнув от ужаса, она попробовала освободиться, и всю руку до лопатки пронзило такой болью, что Люда рухнула на колени в мокрую траву. В одном из черных провалов на месте церковного окна вспыхнул тревожный алый огонек, и скрипучий голос произнес:

- Природа пустоты не терпит. Природа запускает скверну в прежнюю святость. Мы будем падать низко-низко, больно-больно, страшно-страшно...

Люда вдруг поняла, что чувствуют овцы, которых ведут на убой. Ее охватила вязкая слабость и невозможность сопротивляться. «Беги! Ударь его ногой и беги! Там в Дербенево отделение полиции через двор!» - захлебывался криком внутренний голос, но тягучее оцепенение, охватившее Люду, не позволяло ей даже пошевелиться. Владелец скрипучего голоса вышел вперед, и на траву упала горбатая тень.

Люда даже закричать не могла. Мовсесян, окутанный пестрым сиянием, взял Люду за руку и потащил по земле за собой к церкви. Мокрая трава хлестала ее по лицу, но, вопреки ожиданиям, Люда не чувствовала боли - сквозь наступавшую волну беспомощности пробивался только страх: острый, пахнущий железом.

«Господи, помоги мне...», - только и смогла подумать Люда. Мовсесян тотчас же разжал руку, и девушка рухнула на землю. Разноцветная аура мертвеца поблекла, словно кто-то убавил яркость.

- Не смей! - взвизгнул горбун. - Не смей его призывать!

- Боже мой... - прошептала Люда уже вслух, и Мовсесян шарахнулся от нее, словно она ударила его со всей силы. Оцепенение отступило; Люда смогла подняться и сделала несколько шагов назад.

Горбун верещал - такой высокий, невыносимо скребущий по нервам звук могли бы издавать всадники Апокалипсиса, топча грешников своими конями. Аура превратилась в безумно крутящийся калейдоскоп.

- Отче наш, иже еси на небесех, - отчетливо произнесла Люда. Ее родители всегда были убежденными атеистами, но однажды она вдруг решила выучить молитву Господню: так, на всякий случай, вдруг пригодится. - Да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

- Не сме... - мертвец захлебнулся своим криком и упал в траву. От тускло светящейся ауры стали отрываться клочки, улетаая вверх, к звездам. Когда Люда дочитала молитву, то аура Мовсесяна окончательно исчезла: горбун, дергаясь в траве, едва слышно произнес:

- Господин мой... Господин идет.

Мир затопило тяжелой напряженной тишиной. Люда обернулась и увидела, как со стороны Дербенево движется темная человеческая фигура. Почему-то идущий показался ей смутно знакомым. От него веяло такой всепроникающей яростью и могуществом, что Люда застыла, не в силах ни бежать, ни молиться. Слова, убившие горбуна, растаяли, словно их и не было. Идущий приблизился и, когда черты его лица стали различимы во тьме, Люда изумленно воскликнула:

- Это ты? Но как...

Ее хлестнуло ледяной многохвостой плетью, и Люда с визгом села на кровати, тотчас же уткнувшись лицом в чье-то теплое плечо.

- Люда, ты что? - с тревогой спрашивал Ваня, обнимая ее так крепко, будто боялся, что она куда-нибудь исчезнет. Отстранившись от него, Люда недоумевающе смотрела по сторонам, не понимая, куда попала. Наконец, она поняла, что находится в своей комнате в общежитии, в окне сереет унылое дождливое утро, а Ваня, сидящий на краю кровати, держит ее за плечи и смотрит с волнением и страхом.

- Ты так кричала, - промолвил он. - Кошмар приснился?

- Кошмар... - откликнулась Люда. - Да, кошмар.

В комнату вошел Эльдар со стаканом воды и каким-то темным пузырьком. Щедро накапав в воду зеленоватого лекарства, он протянул стакан Люде и произнес:

- Ну-ка выпей.

Люда подчинилась. Лекарство пахло довольно приятно, чем-то вроде вишни. Вернув Эльдару пустой стакан, она спросила:

- Я сильно кричала, да?

- Я так в армии по тревоге не вскакивал, как от твоих криков вскочил, - признался Ваня.
- Что тебе приснилось-то?

Собравшись с духом, Люда рассказала свой сон. Эльдар задумчиво слушал ее, потирая кончик носа, а когда история подошла к концу, выглянул в окно и проговорил:

- Да, есть такие существа, которые боятся слова Божия. Ты как догадалась молиться?

Люда пожала плечами.

- Не знаю. Как-то само получилось.

Несколько минут Эльдар пристально смотрел в окно, а потом подозвал Ваню и указал на подоконник снаружи.

- Как тебе вот это?

Всмотревшись, Ваня изумленно воскликнул:

- Братюнь, так это же земля! - он тотчас же осекся и нахмурился. - погоди, это же третий этаж. Откуда земля?

Эльдар ухмыльнулся так, что Люду пробрало холодом.

- Похоже, к нашей соседке кто-то хотел прийти в гости, - сказал Эльдар и, обернувшись, добавил: - Но ты очень вовремя вспомнила молитву. Очень.

Люда вдруг поняла, что ее знобит - тело тряслось, будто охваченное лихорадкой. Натянув одеяло повыше, она негромко спросила:

- Мовсесян?

Эльдар кивнул. Протянув руку, он провел указательным пальцем по подоконнику, и нарисованная им черта тотчас же вспыхнула тревожным алым светом. Когда свечение угасло, Эльдар сел рядом с Людой и, заботливо взяв ее за руку, сказал:

- Получается, ты не гадалка, Люд. Ты, судя по всему, сноходец. Вещие сны и все такое... - он задумчиво помолчал и добавил: - Значит, у Мовсесяна действительно есть хозяин. И он находится на территории колледжа.

Он хотел было что-то добавить, но в это время кто-то громко застучал в дверь в блок. Ваня пошел открывать и вскоре вернулся в компании Черникова - инспектор был мрачен, от него пахло перегаром, но угрюмое усталое лицо показалось Люде очень решительным.

- У вас кричали? - осведомился он. Люда кивнула, и Черников спросил: - Что случилось? Помощь нужна?

Эльдар указал в сторону окна и произнес:

- Похоже, у Мовсесяна есть хозяин, который пускает его на территорию колледжа. Посмотри на подоконник, там следы.

Черников взглянул на оставленные следы и, открыв одну створку окна, ковырнул земляные крошки. Ветер, ворвавшийся в комнату, был не по-осеннему ледяным, пробирающим до костей - он словно пришел из Людиного сна, вылетев из проклятой заброшенной церкви. Выпрямившись, Черников закрыл окно и презрительно сказал:

- Эльдар, ты все-таки дурной мужик. Над окном под крышей ласточкино гнездо. Это из него высыпалось.

Эльдар неотрывно смотрел на Черникова, и выражение его лица было просто

неописуемым. Инспектор подчеркнуто вежливо улыбнулся старому сопернику и добавил:

- Оно разрушается от непогоды, оттуда и крошки. Впрочем, если есть какие-то подозрения, то я поговорю с Геворгом Ашотовичем по поводу укрепления нашей защиты. Мало ли... Кстати, у меня есть очень хорошее успокоительное, могу поделиться. А то близкое общение с суккубинами обычно расшатывает нервы.

Ноздри Эльдара дрогнули, и, схватив со стола Людин ежедневник, он запустил его в Черникова. Инспектор успел скрыться за дверью, а ежедневник ударился в стену и упал на пол. Вздыхнув, Эльдар опустился на стул и уткнулся лицом в ладони.

- Кажется, мы все дураки, - сказал он негромко. Потом печально усмехнулся и добавил: - Причем набитые.

Глава 10

Ноябрь

Вопреки тревожным ожиданиям обитателей студгородка октябрь прошел довольно спокойно. Люде больше не снились страшные сны - к огромному сожалению Эльдара, она так и не смогла вспомнить, кто именно оказался хозяином мертвого горбуна. На месте его фигуры было темное пятно с абсолютно неразличимыми чертами - Эльдар убил почти полдня, чтобы выкопать из памяти Люды хотя бы малейшую зацепку, и потерпел сокрушительное поражение.

Мовсесян больше не объявлялся, и Черников, выезжавший по ночам на внедорожнике в пустые холодные поля, раз за разом возвращался ни с чем. Бродячие собаки и несколько зайцев были единственными живыми существами, которых он смог обнаружить во время своих ночных бдений.

Червей больше не подсеяли, и студенты и преподаватели наконец-то смогли вздохнуть спокойно и погрузиться в учебу. Погода старалась соответствовать: почти все время шел дождь, ветер оборвал с деревьев последние листья, и солнце, изредка пробиваясь сквозь низкие плотные тучи, было далеким и холодным. Гулять не хотелось: вечерние огни в комнатах вдруг оказались невероятно теплыми, уютными и душевными, а запах книжных страниц - пронзительным и нежным. В нем было что-то, похожее на возвращение к самому себе после долгих летних странствий.

Однажды в понедельник в конце месяца, когда все уже предвкушали небольшие каникулы по случаю Дня согласия и примирения - Гамрян щедро выделил под это дело целых четыре дня - в преподавательской случилась небольшая буря. Ирина Леонидовна ворвалась в помещение и, гневно швырнув журнал посещений на один из столов, выругалась настолько забористо, что Люда посмотрела на нее с искренним удивлением: она и не предполагала, что Ирина, которую все считали крайне интеллигентной женщиной, способна на подобное выражение эмоций.

- Стадо дебилное! - сказала она, закончив произносить свой загиб и плюхнувшись в свободное кресло. Оторвавшись от проверки диктанта у второго курса, Люда поинтересовалась:

- Что стряслось?

- Как можно быть настолько тупорылыми? - воскликнула Ирина. - Ленивые вареники! Людочка, три занятия - три! - мы разбираем методы отложенного воздействия, и ни одна живая душа на втором курсе до сих пор не уяснила, что к чему. Я уже молчу о практике! Не знаю, о чем они думают, но явно не о работе.

Эльдар, сосредоточенно возившийся за своим столом с учебными планами, сдвинул очки на кончик носа и поинтересовался:

- Что, все тупят?

Ирина со вздохом прикрыла глаза.

- Эльдарушка, тупят – это очень мягко сказано. Такое ощущение, что у них не кровь, а тормозная жидкость. Я не знаю, как они собираются сессию сдавать. Смотрят на меня, как бараны.

- Странно, - пожал плечами Эльдар, возвращаясь к работе. Таблица на экране компьютера перед ним была настолько сложной, что Люда невольно посочувствовала своему соседу. - А ты как-нибудь попроще объяснять не пробовала?

- Поучи меня! - взорвалась Ирина. - Я им уже на пальцах объясняю! Если с пятого раза повторяют, то у меня праздник, честное слово! Разжевала, в рот положила, но глотать-то они сами должны. Людочка, - она обернулась к столу у окна, за которым сидела Люда с баррикадами из тетрадей, - а у тебя-то они занимаются хоть чем-нибудь?

Люда задумчиво пожала плечами, посмотрев в свою тетрадь, куда выписывала выставленные оценки.

- Да вроде все нормально, - ответила она. - Пятерки, четверки... С совершенным длительным временем, конечно, проблемы, но с ним всегда есть проблемы.

Ирина шумно вздохнула и откинулась на спинку кресла.

- Вот, у людей это стадо работает. А я уже весь ум сломала, - сердито промолвила она. - Бесят эти дикари, сил нет.

Эльдар только плечами пожал. Впрочем, Люда очень скоро убедилась, что от его невозмутимости не осталось и следа: он вел практическое занятие в соседнем с ней кабинете, и первокурсники, усердно строчившие сочинение по картине, содрогнулись вместе с Людой, когда Эльдар за стеной заорал некормленным медведем:

- Светлова, ты совсем дура? Корону сними!

Карина презрительно усмехнулась. То, что Эльдар кричал на ее соперницу, было как минимум приятно. Светлова уже тысячу раз рассказывала всем, как хорошо прошла практику в Питере, и Королев, глава магов Ленинградской области, дал ей гарантийное письмо: после окончания колледжа ее ждут в Северной столице. Неплохая карьера для девчонки из деревни Епишково.

- Зазвездилась? Ну так я тебя быстро на землю верну! Это материал первого курса, а ты стоишь и на меня глазами хлопаешь!

В соседней аудитории грохнула дверь, и плачущая навзрыд Светлова побежала по коридору в сторону женского туалета. Карина ухмыльнулась снова: иди, сопли вытри своими гарантийными письмами. Звезда на букву «П».

Однако на четвертой паре Карина сама столкнулась с совершенно позорным поражением. Несколько занятий они с Эльдаром посвятили отработке поверхностного чтения мыслей, и до этого понедельника Карина блестяще справлялась с заданиями, воспроизводя задуманное Эльдаром почти дословно. Но сегодня между ней и куратором словно стена выросла: Карина и так и сяк пыталась пробиться к сознанию Эльдара, но слышала только смутные отголоски его мыслей. Только тогда, когда он стал механически повторять «Карина – дура», она с обидой уловила его мысль.

- Карина – дура, - угрюмо сказала Карина. Эльдар кивнул.

- Совершенно верно. Копылова, ты витаешь в облаках. Для чтения мыслей нужна концентрация, а ты размышляешь невесть о чем. Хватит наслаждаться провалом Светловой. О чем я думаю?

Стена никуда не делась. Карина отчаянно металась в поисках прохода, с тяжелым сердцем вспоминая о том, как еще в пятницу прочла в мыслях Эльдара начало первой главы «Евгения Онегина» так, словно перед ней лежала раскрытая книга. Она старалась сосредоточиться, сфокусироваться на кураторе, но поймала его мысль только тогда, когда Эльдар снова начал думать о том, что Карина дура.

- О том, что я дура, - вздохнула Карина. Эльдар мрачно кивнул, сел за стол и принялся заполнять журнал посещений.

- Надо меньше думать о своих амурных делах, - сурово сказал он, помедлил и нарисовал Карине унылую тройку за это занятие. - У тебя хорошие задатки. Даже очень хорошие. Но любые задатки можно прохлопать, если их не развивать, а страдать фигней, как юный Вертер.

Карина не знала, кто такой был этот юный Вертер - видимо, раздолбай знатный.

- Эльдар Сергеевич, - начала Карина, когда Эльдар отметил в ее задачнике несколько упражнений и со вздохом велел звать Марго, которая отиралась в коридоре. - Почему все-таки Егор не заметил присушку?

Эльдар пожал плечами.

- Даже не знаю. Он вообще много выпил в тот вечер?

- Не очень, - сказала Карина. - Думаете, на спиртное как-то легло?

- Может быть, - неопределенно произнес Эльдар. - Вы окончательно разошлись?

Карина отвела взгляд. Октябрь почти закончился, а они с Егором так и не поговорили толком. Теперь он старательно избегал Карины - ее радовало только то, что и со Светловой Егор не сошелся. Как рассказал Витовт, который после осеннего бала начал ухаживать за Еленой и стал частым гостем в комнате номер пять, Егор послал Олю в такие матерные дали, что она от него убежала, сломав на лестнице каблук, и больше не делала попыток сближения.

- Наверно, - ответила Карина. - Как-то все это глупо вышло...

Эльдар кивнул.

- Что я тебе могу посоветовать, у самого похожая ситуация, - сказал он и велел: - Ладно, зови Михай. И чтоб все упражнения проработала!

- Обязательно, - хмуро ответила Карина и вышла в коридор.

Ей очень хотелось домой. Очень. Вернуться в свою комнату, вытянуться на любимом диванчике, а не на общажной кровати, поесть тот суп, который приготовила мама, а не поварили в столовой. Карина вдруг поняла, что никогда еще не чувствовала себя настолько одинокой и опустошенной. Жизнь действительно летела куда-то под откос, от плохого к худшему, и она не знала, что с этим делать.

Должно быть, надо было просто дождаться зимы.

Автобусов оказалось целых три: все они были одинаково красными и дряхлыми. Ваня помог Люде поднять сумку в салон и сел с ней рядом - Люда очень любила именно эти места в первом ряду, где можно было смотреть на убегающую под колеса дорогу и мечтать о том, что однажды получится заглянуть за горизонт - туда, где кончается ее серая нить. Студенты шумно переговаривались, занимая места, предвкушали несколько дней спокойного отдыха с домашними, и даже то, что домой они доберутся только ночью, нисколько не удручало их. Вечера Люда смогла пробиться к телефону в каморке завхоза и сообщила маме, что приезжает - мама расплакалась от радости.

- Может, куда-нибудь сходим завтра-послезавтра? - предложил Ваня, когда двери закрылись, и автобус медленно двинулся от ворот. - Что там сейчас в кино идет?

Люда пожалала плечами. Ваня пытался ухаживать за ней, но делал это настолько неуклюже, словно сам не мог понять, чего хочет: то ли просто дружить с соседкой по блоку, то ли спать с ней.

- Посмотрим, - сказала она. - Я хотела с родителями побыть. Мама очень соскучилась, да и я тоже.

Ваня понуро посмотрел на нее, будто собака, которая подошла приласкаться, а хозяин пнул ее. Ощувив острый укол жгучего стыда, Люда быстро добавила:

- Если хочешь, приходи ко мне в гости. Думаю, мои будут рады тебя увидеть.

Ваня радостно улыбнулся.

- Конечно, приду! Я один живу, все-таки скучно одному.

Люда не могла с этим не согласиться. Дербенево осталось позади, а она все думала о том, как родители воспримут Ваню с его дредами, и боялась, что поспешила с этим приглашением из вежливости.

Ваня жил в пригороде – перед тем, как выйти на своей остановке, он дал Люде свой номер телефона и сказал, что звонить можно в любое время суток. Попрощавшись и глядя, как он, забросив на плечо вязаный рюкзачишко, идет от остановки к унылым частным домам, окутанным размытыми лентами тумана, Люда вдруг ощутила жалость – странную и неуместную.

За окнами лежала плотная сырая тьма. Люда думала о том, что мама наверняка решит, будто Ваня ее жених, а отец скажет что-нибудь вроде «Неужели получше не было?» А ей придется оправдываться и уверять, что это просто коллега... Люда вздохнула и, откинувшись на спинку кресла, прикрыла глаза. По ее подсчетам ехать оставалось около получаса – можно было вздремнуть, тем более, что наступивший вечер и скудный свет ламп в автобусе располагали.

Сон навалился на нее тяжелым душным облаком. Люда обнаружила, что по-прежнему сидит в автобусе, только вот старый «Икарус» едет обратно в Дербенево. Обернувшись, она увидела, что все пассажиры спят – Люде хотелось надеяться, что они спят, а не умерли. Водительское кресло пустовало: руль крутился сам по себе, рычаг коробки передач и педали тоже жили своей жизнью. Люда не успела испугаться – «Икарус» включил фары, ударившие во тьму с мощностью огромных прожекторов, и Люда увидела, что прямо перед автобусом выросла разрушенная церковь. Свет не мог развеять скопившуюся в ней тьму – что-то, обитавшее внутри, впитывало его, сохраняя собственную черноту неприкосновенной. Ощувив мгновенно охвативший ее озноб, Люда снова обернулась и обнаружила, что автобус пуст.

Дверь с металлическим стоном отъехала в сторону. Люда и шагу бы не сделала наружу, но чья-то воля заставила ее подняться и медленно выбраться наружу, в октябрьскую ночь. «Сегодня Самхейн», – вдруг вспомнила Люда, спускаясь по ступенькам: кто-то вел ее, словно овцу на веревке. Ледяной ветер хлестнул ее по лицу, и фары погасли. На мгновение Люда ослепла, а потом, когда глаза привыкли к накатившей тьме, увидела прямо перед собой черную горбатую фигуру – она была темнее ночи.

Ей захотелось закричать, но все слова застряли в глотке. Люда судорожно пыталась вспомнить тот способ избавления от чудовища, который помог в прошлый раз – он ведь был, этот способ! – но в памяти было пусто. Чужие пальцы взяли ее за рукав пальто, и Люда послушно побрела за горбуном к церкви, туда, где на месте дверей теперь была тьма. Люде почудилось, что тьма была живой – в ней скрывалась чья-то могущественная воля, полностью подавлявшая любого, кто осмелился бы приблизиться. И, когда рука мертвеца подтолкнула ее в сторону этой тьмы, и Люда почти влетела в нее – реальность рванула ее на себя.

Автобус стоял на автовокзале, почти все пассажиры вышли – кто-то жил здесь, кто-то делал пересадку – и Люда увидела, что на свободном месте рядом с ней сидит мама, мягко держа ее за плечо.

- Люда, – позвала она. – Люда, дочка, просыпайся. Приехали.

Отец вытащил из-под кресла сумку Люды и спустился на улицу. Глядя на него – сильного, крепкого, совсем еще не старого в свои пятьдесят два – Люда вдруг увидела, что знакомая фигура отца окутана золотистым туманом, в котором плавали цветные картинки – целая россыпь. Всмотревшись в них, Люда поняла, что он уже много лет изменяет матери: с одной из соседок, с коллегами по работе, со случайной попутчицей по дороге в очередную командировку.

Ощущение было таким, словно она провалилась в нужник. Та липкая грязь, которую настолько старательно скрывал отец – мама была не в курсе, она любила своего мужа и

верила ему, сейчас Люда это знала совершенно точно – нахлынула и облепила ее. Люде на мгновение стало невероятно больно, словно кто-то со всей силы ударил ее в живот.

- Привет, ма, - сказала Люда, обняв маму так, как обнимала в детстве, пытаюсь найти успокоение и уверенность, что мир на самом деле не так уж и плох, а родители смогут справиться со всеми монстрами. Сейчас надо было взять себя в руки, чтобы мама не догадалась, что с Людой что-то не так. - Привет. Я что-то задремала...

Мама улыбнулась, и в ее глазах блеснули слезы.

- Бужу тебя, бужу... Наверно, работы непочатый край? Ну ничего, дома отдохнешь, выпишься, как следует... - она вышла из автобуса вместе с дочерью и пошла к машине: кредит за этот седан отец выплатил только в начале лета. Люда смотрела, как отец устраивается за рулем, пристегивая ремень безопасности, и отчетливо видела, как на этой машине он едет к очередной приятельнице.

Ее передернуло от брезгливого отвращения. Люда надеялась, что мама этого не заметила. Что ж, теперь она просто обязана привести в гости Ваню – тот человек, которым оказался ее отец, не посмеет делать ей замечаний.

Опустившись на заднее сиденье, Люда неожиданно подумала, что Черников был прав. Сейчас ей больше всего хотелось, чтобы магия никогда не вошла в ее жизнь: тогда можно было бы сохранить любовь и уважение к дорогим и близким людям, не узнав их грязных секретов. Можно было бы быть такой же, как они, верить им, можно было бы никогда не узнать...

Люда надеялась, что не расплатится. Очень надеялась.

Дома все было по-прежнему. После ужина и долгого тихого разговора на кухне, Люда вошла в свою комнату и подумала, что никуда не уезжала, и двух месяцев, проведенных в обществе магов, не было. Она устало опустилась на кровать, застеленную теплым флисовым пледом – этот плед Люда купила с первой зарплаты, и теперь он был чем-то вроде домашнего талисмана – и некоторое время бездумно скользила взглядом по вещам. Вот книги в стеллаже: научная фантастика, триллеры и даже несколько любовных романчиков вперемешку с классической литературой; вот старенький стол – за ним Люда еще школьницей делала уроки, а под стеклом там до сих пор лежат старые календарики и открытки; вот дряхлый вытертый Винни-Пух с оборванным ухом сидит в углу на стуле – когда-то Люда спала с ним в обнимку, и этот медведь был одним из ее немногочисленных друзей.

Сердце тоскливо сжалось. Все это – книги, стол, Винни-Пух – теперь не принадлежали ей. Их хозяйкой была прежняя Люда, человеческая девочка, не имевшая никакого отношения к магии. Люда нынешняя смотрела на них так, как мог бы смотреть вампир через оконное стекло на обитателей дома, куда путь ему заказан.

Вздохнув, Люда вытянулась на кровати и, взяв смартфон, вошла на свою страничку в соцсети. За два месяца без интернета она почти успела отвыкнуть от него, и теперь с удивлением листала новости, смотрела на фотографии друзей и думала, что кто-нибудь из знакомых ей напишет что-нибудь вроде «О, привет! Давненько тебя не было. Как жизнь?»

Разумеется, никто не написал. Разочарованно вздохнув, Люда отложила было смартфон, но внезапно ей пришло приглашение в друзья. «Александр Черников», - прочла она, нажала на кнопку «Добавить», и Черников почти сразу написал сообщение:

«Добрый вечер! Как самочувствие?»

Люда пожала плечами – с чего это он вдруг забеспокоился о ее состоянии?

«Привет. Все в порядке, отдыхаю дома. А что?»

На экране замигал синий карандаш: Черников писал ответ.

«Я за тебя волнуюсь. Все-таки люди редко вот так становятся магами. Мало ли что...»

«Не пугай меня, - быстро напечатала Люда. - Что может случиться?»

Черников прислал картинку - потешного кота, разводящего руками в недоумении.

«Если все нормально, то я тогда спокоен», - ответил он и добавил к сообщению россыпь смайликов. Люда подумала, что это несколько странно: писать ей, задавать какие-то неопределенные вопросы, волноваться непонятно почему. Впрочем, она почти сразу же решила, что в этом нет ничего плохого. Коллега и товарищ не остался равнодушным к ее проблемам. Разве не так ведут себя друзья?»

«Ты был прав, - напечатала она. - Помнишь наш разговор на занятии? Сейчас между мной и близкими стена. Прозрачная, но все-таки стена».

Черников прислал грустный смайл и добавил:

«Именно это меня и мучит. Хочется быть с людьми, но нельзя. Ты всегда отщепенец, даже если они об этом не догадываются. Ты заметила, что у магов нет друзей?»

«Не знаю, - ответила Люда. Этот беззвучный разговор сейчас казался ей лекарством: пишешь человеку, который тебя понимает, и тебе становится не так больно, как было сначала. Кто-то готов разделить твою печаль и обиду. - Разве ты не дружишь с Геворгом Ашотовичем?»

Для нее давно не было секретом, что когда-то Черников учился на матфаке Турьевского педагогического как раз под руководством Гамряна. Насколько Люда видела сейчас, их отношения простирались за пределы рабочих.

«Это скорее любовь и уважение к наставнику, чем дружба, - ответил Черников. - А так... Любой маг может улыбаться в лицо и уверять в вечной преданности. А потом прожует и выплюнет, если потребуется. Поэтому мне настолько тоскливо. Я просто устал от всего этого».

Люда вздохнула. Конечно, магия - это, в первую очередь, власть и деньги. Но какой в них толк, если ты смотришь на своего отца и видишь, что он не порядочный и заботливый семьянин, каким представлялся тебе все эти годы, а обычный кобель - уж будем называть вещи своими именами. Ощувив гнев, ударяющий в виски мелкими молоточками, Люда написала:

«Я тебя понимаю, Саш. Узнала сегодня очень неприятную вещь о своих родителях. О папе... Осталась бы прежней - все было бы хорошо, а теперь даже смотреть на него не хочу».

Разумеется, Люда не видела Черникова, но ей почему-то показалось, что он горько вздохнул и задумчиво поднес пальцы к губам. Люда представила, как он сидит в полумраке своей комнаты, и свет от экрана ноутбука падает на его лицо.

«Ох, Люда... Сочувствую. Это как в Библии, помнишь? Сыновья Ноя увидели наготу отца, - помедлив, он добавил: - Мне жаль, что так получилось. Мне правда очень жаль».

Люда вздохнула. Что теперь жалеть... Отец и не знает, что разделил с дочерью груз своих тайных делишек. Будет и дальше строить из себя верного и порядочного мужа, который думает только о семье и своих близких. А мама до сих пор искренне его любит и не подозревает, что по ее любви и нежности - она ведь по-прежнему смотрит на отца с трепетом и теплом, Люда помнила этот взгляд еще из детства - ходят в грязной обуви.

«Мама не должна узнать, - написала Люда. - Ни в коем случае».

«Она не узнает, - заверил ее Черников. - Все будет хорошо».

Почему-то Люда сразу ему поверила.

Зеленый значок, который показывал положение человека в сети, погас - Черников вышел со своей страницы. Люда отложила смартфон на подушку и подошла к окну. На улице шел дождь, по стеклу медленно сползали капли, и знакомый вид на городские окраины становился размытым, таинственным, туманным. Люде казалось, что она смотрит на декорации какого-то спектакля, и занавес готов раздвинуться, чтобы пьеса

началась. Ночь Самхейна была самой заурядной, такой, какой и положено быть осенней ночи – дождливой, холодной, полной тоски. В домах, громоздившихся перед Людой, погасли почти все окна – посмотрев на старые часы, висевшие на стене, Люда подумала, что скоро пробьет полночь, уличные фонари погаснут, и мир погрузится во мрак, похожий на то скопление тьмы, которое царило в заброшенной церкви.

Вспомнив сон, Люда невольно поежилась, словно откуда-то потянуло мертвящим ледяным ветром. Осенняя ночь будто бы приблизилась к окну, прилипла к нему темным мокрым телом, и Люда, оказавшись лицом к лицу с ней, вдруг особенно отчетливо ощутила собственную незащищенность. Она была одна: все люди, способные хоть как-то ей помочь, сейчас рассыпались по разным городам.

Фонарь, стоявший напротив окна, мигнул, собираясь гаснуть, но в следующую минуту вспыхнул еще ярче. Люда посмотрела вниз и увидела угольную тень, настырно копошившуюся у основания фонаря. На какое-то мгновение Люде почудилось, что она дышать разучилась: тень дернулась и развернулась в знакомый горбатый силуэт.

Люда дернулась в сторону, за занавеску, умоляя, чтобы горбун не заметил ее. Впрочем, какая разница – если он добрался сюда, то наверняка знает, где искать жертву. Спустя несколько невероятно долгих минут, Люда собралась с духом и выглянула в окно. Фонарь по-прежнему ярко горел, и никаких подозрительных теней больше не было. Вздохнув с облегчением, Люда опустила на кровать, и в это время в дверь зазвонили.

Она подпрыгнула от неожиданности, чувствуя, как дрожит сердце. Звонок повторился, и Люда услышала, как отец вышел из комнаты и пошел к двери, негромко бранясь по поводу таких поздних визитеров.

- Не открывай... - пролепетала Люда, всем телом ощущая, как ее охватывает знакомая немая покорность. - Пожалуйста, не открывай...

- Вася, кто там? – голос мамы звучал робко и испуганно.

- Да пацанва соседская безобразничает, - сварливо ответил отец, возвращаясь в комнату. - Я в глазок посмотрел – на площадке никого.

В этот миг к ушам Люды мягко прикоснулось *нечто* – на несколько минут она охватила сознанием подъезд и поняла, что отец ошибался. Горбун исхитрился нажать пуговку звонка и терпеливо ждал, когда ему откроют. Отец просто не увидел его в глазок: оживший мертвец был невысокого роста. Постояв еще немного, Мовсесян побрел вниз по лестнице – черная тень плыла за ним по ступеням.

Люда упала на кровать и зажмурилась.

На следующий день Люда отправилась в один из новых торговых центров – купить несколько теплых вещей на зиму: почему-то у нее были опасения, что в общежитии могут перестать топить. Заодно она позвонила Ване и еще раз пригласила в гости. Услышав о том, что сегодня с ними будет обедать молодой человек, мама оживилась и принялась готовиться к встрече гостя: она была уверена, что Люда приведет жениха.

- Посмотрим еще, что за жених, - пробурчал отец: его сразу же подпрягли к подготовке встречи.

Люде стоило значительных усилий подавить колкую реплику по этому поводу. Уж кто-кто, а отец не имел никакого права делать ей замечания относительно друзей.

В огромном комплексе из стекла и металла, в котором, словно в улье, были спрессованы сотни пестрых магазинов, Люда приобрела новые джинсы, теплую кофту и забавную шапку с медвежьими ушами. В конце концов, не такая уж она и старая, чтобы носить вещи в духе своей мамы. Когда Люда выходила из примерочной, позвонил Ваня и сказал, что ждет ее у выхода. Сойдя с эскалатора, Люда долго рассматривала людей возле крутящихся створок дверей, но Вани среди них не было. Наконец, какой-то высокий молодой человек в стильном пальто помахал ей: всмотревшись, Люда с удивлением

поняла, что это и есть ее сосед по блоку. Разноцветные дреды были безжалостно срезаны. Аккуратная короткая стрижка и одежда, которая скорее пошла бы бизнесмену или чиновнику, чем библиотекарю с неформальным взглядом на жизнь, делали Ваню совершенно неузнаваемым.

- Ну ты даешь! - воскликнула Люда. - Я бы тебя ни за что не узнала.

Ваня улыбнулся.

- Шесть лет отращивал, - смущенно признался он. - Сходил вот сегодня в парикмахерскую... Голове намного легче.

- С чего это ты вдруг? - поинтересовалась Люда. Они вышли из торгового центра, и Ваня удивил ее еще раз, подведя к припаркованному автомобилю: не новому и не самому дорогому, но вполне приличному.

- Ну как же? - вопросом на вопрос ответил Ваня. - В гости пригласили, не вахлаком же идти?

Открыв дверь автомобиля, он жестом предложил Люде присаживаться. Опустившись на сиденье, Люда обнаружила, что в салоне царил атмосфера прежнего Вани, начиная с наклейки в виде конопляного листка на бардачке и заканчивая забавным лосем, подвешенным на зеркало. Ваня плюхнулся на водительское кресло и поинтересовался:

- Куда едем?

Люда назвала адрес и добавила:

- Не знала, что у тебя есть машина.

- А! - махнул рукой Ваня, выезжая с парковки на проспект. - Давно не ездил, в гараже стоит. Но ты не волнуйся, - быстро добавил он, правильно оценив выражение Людиного лица. - Доставлю в лучшем виде. Ты как насчет погулять после обеда?

Люда пожала плечами.

- В принципе, не против. Мне вообще надо с тобой поговорить.

Ваня вопросительно изогнул левую бровь. Люда вдруг подумала, что он кажется ей незнакомцем: это было странное, какое-то неправильное ощущение.

- Что-то случилось? - поинтересовалась Ваня, и Люда коротко ответила:

- Мовсесян.

Ваня вздрогнул, и в этот момент его едва не подрезали на дороге. Когда заниженная «Приора» обогнала Ванину машину, он вздохнул и сказал:

- Вот ведь блин... Как, откуда?

Люда только плечами пожала.

- Вань, я не знаю. Вчера вечером увидела его в окне, а через минуту он уже в дверь звонил.

Ваня испуганно взглянул на нее.

- Не открыли? - спросил он.

- Нет, - покачала головой Люда. - Если бы открыли, я бы, наверно, с тобой сейчас не разговаривала. Вот что ему от меня надо?

Ваня задумчиво пожал плечами. Стрелка на экране навигатора замигала, подсказывая поворот.

- Даже и не знаю, - произнес он, сворачивая с проспекта на Кировоградскую: тихую улочку со старыми домами, задумчивую и сонную в любое время года. Люда смотрела в

окно и думала о том, что крепко влипла, решив остаться в колледже. Ваня задумчиво потер кончик носа и продолжал: - В любом случае, не бойся. Как братюня говорит, страх питает чужую злобу.

- Стараюсь, - вздохнула Люда. - Но это жуть, Вань. Мертвый серийный убийца, у которого непонятно что на уме. А какие планы у его хозяина, я и думать боюсь.

- Ты так и не вспомнила его лица? - поинтересовался Ваня.

Люде оставалось только разочарованно вздохнуть.

- Не вспомнила... - печально ответила она.

Машина свернула с Кировоградской и вскоре остановилась у единственного подъезда Людиного дома. Выйдя из машины, Ваня сунулся на заднее сиденье и вытащил целый джентльменский набор: букет темно-красных роз, шоколадный торт с невообразимым количеством кремовых завитушек и бумажный пакет, в котором угадывалась бутылка вина. К походу в гости Ваня подготовился на все сто.

Мама встретила его как самого дорогого гостя - Ваня не оплошал, поцеловав ей руку, и мама смущенно отвела взгляд, но было понятно, что коллега дочери пришелся ей по душе. Отец же посмотрел на Ваню, как на какую-то неприятную помеху, но рукопожатием обменялся и даже скупой похвалил выбор вина. Люда подумала, что так было всегда, даже когда в гости приходили ее школьные и университетские подружки: мама искренне радовалась, а отец всячески выказывал свое недовольство и не мог дожидаться, когда гости отправятся восвояси. Впрочем, Ваня никак не показал, что его что-то задевает: вымыл руки, он сел за накрытый стол, тотчас же похвалил и сервировку, и оформление блюд, и кулинарные таланты хозяйки, и мама, судя по румянцу, вспыхнувшему на ее щеках, осталась довольна гостем. Люда подумала, что мама наверняка думает, как будут звать ее внуков.

Отец некоторое время мрачно ковырялся в жарком из свинины, а затем осведомился:

- И кем же вы работаете, молодой человек?

- Я библиотекарь, - беззаботно ответил Ваня и с той же беспечностью спросил: - А вы?

- Менеджер по продажам, - сухо ответил отец. - А какой институт заканчивали?

Мама весьма ощутимо толкнула его ногой под столом, но отец, судя по всему, не собирался прекращать экзамен. Люда угрюмо смотрела в салат и испытывала почти забытое ощущение стыда. Так ведь всегда было, она просто успела об этом забыть...

- Колледж культуры, - сообщил Ваня. Его начавшийся допрос вообще не беспокоил. - Отделение архивного дела и библиотековедение. Теперь вот по специальности работаю, работа хорошая, интересная.

Отец усмехнулся.

- Да уж, - сказал он. - Подходящая работа для мужчины.

Ваня отложил вилку. Люда сжала его колено под столом: дескать, не надо, молчи - но он не стал молчать.

- Конечно, мне далеко до тех менеджеров по продажам, кто впаривает лохам некондицию. Для такой мужской работы я, наверно, слишком глуп, - абсолютно спокойно сказал он и добавил: - Семью, конечно, содержать будет трудно, на «Порше» кататься не придется. Вы ведь это хотели сказать, Василий Львович?

Мама вздохнула и скомкала салфетку. Два раза за Людой принимались ухаживать молодые люди и отношения заканчивались как раз после знакомства с родителями: отец не считал нужным держать свое мнение при себе, и Люда не знала, почему он набрасывается на ее парней с такой плохо сдерживаемой злобой. Однажды однокурсница Вера объяснила ей, в чем проблема: наверняка отец просто не хотел, чтобы она вышла замуж, рассчитывая, что Люда до конца дней своих будет служанкой при родителях - Люда признавала определенную правоту в этом мнении, но не могла

поверить до конца, что так и есть.

- Ты как со мной разговариваешь? - отец говорил так, словно выплевывал слова. - Ты кто есть? Библиотекаришка? Много гонора для пустого места!

- Вася, не надо, - еле слышно промолвила мама. По голосу было ясно, что она вот-вот расплачется. - Ванечка, вы кушайте, не обращайтесь внимания...

Ваня кивнул и улыбнулся ей.

- Спасибо, Анна Петровна, все очень вкусно, - произнес он. - Наверно, если бы я был начальником отдела в «Газпроме», вы бы мне обувь протирали, Василий Львович, и считали бы это за честь. Но я всего лишь библиотекарь, коллега вашей дочери. Со мной можно не церемониться.

Раньше Людины бывшие сидели молча, смущенно глядя в тарелки и слушая, как их разносят по косточкам за внешний вид, работу и такие мелочи, к которым даже стыдно придирается - после семейного обеда они заявляли Люде о том, что им лучше остаться друзьями, и исчезали навсегда. Отпор, который дал Ваня, заставил отца опешить. Некоторое время он, не произнося ни слова, рассматривал наглеца, осмелившегося постоять за себя, а потом процедил:

- Да, дочка, ты сделала хороший выбор. Мужичка нашла себе под стать. Такой же нахал... Все, мать! - он хлопнул ладонью по столу и повернулся к жене: - Все! Вместо помощи от дочери будем на старости лет пятый угол от зятя искать.

Люда ощутила, что лицо горит от стыда - ей никогда прежде не было настолько обидно и стыдно. Она готова была провалиться сквозь землю и не сразу поняла, что плачет. Слепо на шарив салфетку, Люда провела бумажным квадратиком по лицу и прошептала:

- Не смей так говорить.

- Ты что-то сказала, дочка? - с обманчивой мягкостью произнес отец.

- Не смей так со мной разговаривать, - уже громче повторила Люда, чувствуя, как внутри поднимается волна протеста. Видит Бог, она терпела слишком долго, и если школьница могла только молчать и плакать, когда ее ругали за четверки, а не пятерки, если студентка иногда осмеливалась оправдываться, когда отец орал по поводу отсутствия повышенной стипендии, то сейчас Люда не собиралась молчать.

Кажется, мама ахнула.

- Не смей. Если не хочешь вести себя прилично, то ты можешь уйти, - отчетливо промолвила Люда. - Нас всех это вполне устроит, мы хотим просто спокойно пообедать вместе...

Договорить она не успела: отец ударил ее так, что на какое-то мгновение в глазах у Люды потемнело. Лицо пронзило болью, щека налилась огнем, а в ушах зашумело: сквозь этот шум Люда услышала, как отец орет:

- А ну пошла вон, потаскуха! Вали в свою шаругу!

Это было настолько отвратительно и страшно, что на какое-то мгновение Люда перестала воспринимать окружающий мир, хотя не потеряла сознания. Это было мучительно стыдно, горько, больно - она окончательно пришла в себя только в машине Вани. Люда захлебывалась в рыданиях, ее трясло, как при тяжелой болезни, и она никак не могла поверить, что все это произошло с ней - настолько диким было случившееся. Пристегнув ее ремнем, Ваня выехал со двора. Люде было все равно, куда он едет - сейчас она хотела умереть.

- Не плачь, - негромко просил Ваня. - Не плачь, пожалуйста, мне страшно за тебя, когда ты плачешь. Все будет хорошо, ты поверь. Вот я тебе обещаю, что все будет хорошо.

Люда сокрушенно покачала головой. Как что-то может быть хорошо, когда родной отец ни за что ни про что выкинул ее из дому?

- Куда скажешь, туда и поедем, - продолжал Ваня. - Хочешь, ко мне, я один живу. Хочешь, обратно в колледж. Как захочешь, так и сделаем, только не плачь.

- Почему... - прошептала Люда. - Почему он так...

Ваня тяжело вздохнул.

- Это бывает, Люд, - с искренним сожалением сказал он. - Они как-то чувствуют, что ты изменилась, и подсознательно тебя отторгают. Ну ненормально так себя вести... Это как при гриппе. Организм понял, что в нем вирус, и его начинает лихорадить.

- Я вирус... - повторила Люда. - Вань, что же делать?

- Хочешь, посидим где-нибудь? - предложил Ваня. - Кофейку попьем, успокоимся, - мотнув головой в сторону заднего сиденья, он добавил: - Я твою сумку захватил. Документы, карты там?

Люда кивнула. Что ж, она вступает в новую жизнь хотя бы с деньгами: зарплата за два месяца в колледже оказалась весьма и весьма впечатляющей. Бездумно глядя на дорогу, она в очередной раз поняла, что Черников был прав. Магия разрушает. Магия забирает самое дорогое.

Ей захотелось закричать. Она смогла сдержаться.

Госпожа гхоула Совета магов жила в собственной квартире в одном из небоскребов Москва-Сити. Поднимаясь в бесшумном лифте в компании немногословного ассистента, который встретил его на вокзале, Эльдар чувствовал себя мухой в банке со сметаной. Он всегда считал, что добился в жизни многого - в конце концов, количество денег на его счету ставило Эльдара на одну доску с очень и очень многими сильными мира сего - но до покупки жилья в таком доме он никогда бы не добрался. Лиза сумела-таки подняться так высоко, как всегда мечтала.

Ассистент открыл дверь одной из квартир, и Эльдар вошел внутрь: теперь он ощущал себя деревенщиной в графских хоробах и стыдился этого ощущения. Хоромы действительно были знатными: что-то подобное Эльдар видел только в кино и никогда не мог предположить, что его ученица, девчонка из спившейся деревни, станет здесь хозяйкой.

- Привет! - Лиза выглянула откуда-то сбоку, вытирая руки полотенцем. - Проходи, осваивайся, я сейчас.

Эльдар послушно прошел по казавшейся бесконечной комнате к панорамному окну. Вид на Москву-реку показался ему не ярким и прекрасно-открыточным, как, должно быть, задумывался архитектором, а угрюмым, серым и сонным. Впрочем, тусклый осенний день, когда небо наваливается на землю темным облачным брюхом, и вот-вот пойдет снег, вряд ли может вызвать какие-то приятные ассоциации. Небоскреб возвышался над городом, как исполин над муравейником: дескать, смотрите, мелкие твари, копошащиеся внизу, кто тут хозяин...

- Еще раз привет, - Лиза вышла в гостиную, приблизилась к Эльдару и, взяв за руки, мягко поцеловала в щеку. - Наконец-то.

- Да, - откликнулся Эльдар, глядя ей в глаза. - Да, наконец-то. Наверно, давно было пора?

Лиза кивнула.

- Я соскучилась, - призналась она. - Надеюсь, ты не на часок забежал?

Эльдар мотнул головой в сторону рюкзака, заботливо поставленного ассистентом возле двери.

- На пару дней, если ты не против. У тебя тут... - Эльдар осмотрелся и не нашел ничего лучше, чем сказать: - Уютно.

Лиза улыбнулась тяжелой сытой улыбкой наевшегося хищника.

- Положение обязывает, - произнесла она. - Ну что, пойдём обедать?

Столовая была отделена от гостиной серебристыми раздвижными дверями. Загони их в пазы - и квартира будет единой и бесконечной: в этом современном просторе было что-то неискреннее, какая-то попытка не комфортной жизни, а компенсации. Впрочем, возможно, Эльдар был недостаточно тонок или слишком старомоден для понимания подобной жизни. Стол уже был накрыт: запеченного лосося со шпинатом, рулетики из баклажанов и сырное плато наверняка доставили из какого-нибудь здешнего ресторана. Вряд ли Лиза провела утро у плиты, а день за сервировкой стола.

- Выглядит очень аппетитно, - сказал Эльдар, усаживаясь за стол и разворачивая салфетку. - Должность гхоулы предусматривает собственного повара?

Лиза кивнула. Взяла бокал с белым вином.

- И не только повара, - промолвила она. - Личного врача тоже.

Вино обладало ровным и гармоничным вкусом, как раз таким, за который принято платить крупные суммы. Эльдар сделал несколько глотков и подумал, что Лиза наверняка хочет произвести впечатление. Показать, насколько высоко забралась.

- Тебе нужен личный врач?

Лиза помолчала, потом кивнула. Поддела с блюда ломтик сыра и перенесла на свою тарелку, но есть не стала.

- Гхоулой быть тяжело, Эльдар, - сообщила она. - Я сейчас сосуд, вмещаю такие силы, какие тебе и представить трудно. Так что без врача иногда не обойтись.

Эльдар усмехнулся.

- Сочувствую. Но все-таки ты не жалеешь, что отняла корону у Рудина.

Лиза задумчиво посмотрела куда-то сквозь Эльдара. Должно быть, вспоминала, как отправила на тот свет прежнего гхоула Совета, отняв у него корону вместе с головой. В прямом смысле слова: фурия, в которую тогда превратилась Лиза, оторвала Рудину голову. Эльдар не видел этой сцены и был очень рад, что не видел. Есть вещи, которые знать не надо.

Лосось оказался очень вкусным, хотя Эльдар никогда не питал особенной любви к рыбе. Лиза задумчиво смотрела, как он ест, и в конце концов спросила:

- Хочешь переехать в Москву?

Эльдар прожевал ароматный розовый ломтик рыбы и поинтересовался:

- В качестве кого?

- Координатор обучения, - ответила Лиза. - Ну или что-то вроде того. В следующем году открываем колледж в Екатеринбурге и еще один во Владивостоке. Всей этой компанией надо будет руководить из центра... вот я и подумала о тебе.

- Ага! - торжествующе воскликнул Эльдар. - Так вот почему ты меня пригласила в гости.

Лиза посмотрела на него с какой-то привычной усталостью - так жена будет смотреть на мужа, который в очередной раз не донес носки до корзины с бельем и завалился царствовать на диване.

- Поплавский, я тебя ненавижу, - сказала она.

- Смирнов, - поправил Эльдар. - Я уже давно Смирнов. Ладно, прости, пошутил неудачно. Возьми лучше Гамряна на эту должность, он человек серьезный, солидный и, в отличие от меня, с образованием.

Лиза понимающе кивнула.

- Я тут совсем одна, Эльдар. Это тяжело.

Вот оно что. Женщина в высоком замке не может доверять никому из своих рыцарей. Интриги, которые плетутся на вершине магического сообщества, будут похлеще того, с чем и Лиза, и Эльдар имели дело раньше. Потому-то она и пытается ухватиться за прошлое: черт знакомый гораздо лучше незнакомого.

Впрочем, у Эльдара были свои планы.

- Я понимаю, - мягко сказал он. Вино вдруг утратило свой роскошный вкус. - Давай я подумаю и скажу тебе... ну, допустим, ближе к Новому году?

Лиза посмотрела на него с неудовольствием. Видимо, ослепив бывшего мужа и наставника роскошью и красками своей новой жизни, она рассчитывала, что он сразу же примет все ее предложения. «Не на того напала», - подумал Эльдар и добавил:

- Я в любом случае всегда готов тебе помочь. Что случилось?

Некоторое время Лиза молчала, угрюмо разминая вилкой остатки лосося в тарелке. Затем, окончательно собравшись с мыслями, она сказала:

- Можешь проверить меня... на предмет *утечки*?

Это было сказано так, словно Лиза имела в виду какую-то очень постыдную и гадкую болезнь. Эльдар мог ее понять: утечка действительно была очень редкой магической болезнью, при которой силы мага постепенно покидали его. Однако десять лет назад Лиза уже перенесла утечку, сумела восстановиться, и Эльдар был уверен, что эта болезнь подобна тому снаряду, который два раза в одну воронку не падает.

- Ты уже болела, помнишь? - серьезно сказал он. - Вряд ли можно подцепить утечку вторично.

Лиза покачала головой, и Эльдар понял, что она готова расплакаться.

- Я что-то совсем без сил, Эльдар, - призналась она. - Усталость страшная, лежала бы и лежала. Но на моей работе особо не полежишь, сам понимаешь.

Эльдару вдруг показалось, что он видит рассыпанную мозаику, и ее фрагменты начинают собираться в единое целое. Рисунок получался уродливый.

- А кроме усталости? - спросил он с деликатностью врача, задающего неприятные вопросы пациенту. - Неспособность сосредоточиться на работе, привычные заклинания требуют значительных усилий, то, что раньше давалось легко, теперь дается с трудом... Да?

Лиза посмотрела на него с таким ужасом, словно Эльдар прочел ее мысли - глубокие, самые сокровенные.

- Да, - прошептала она. - Откуда ты знаешь?

Эльдар вдруг поймал себя на том, что нервным жестом крутит мочку левого уха: верный знак того, что он едва держит себя в руках и готов паниковать. Он уже и не помнил, когда так делал.

Все было плохо. Очень плохо.

- У нас в колледже похожая проблема, - глухо сказал он. - Студенты - самые перспективные, отличники - стали хуже учиться. Новый материал воспринимают с трудом. Даже старое, уже изученное, требует у них титанических усилий.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза, а потом Лиза подняла руки и принялась расстегивать блузку.

- Проверь, - шепнула она. - Проверь меня немедленно.

Никакой утечки у Лизы не было. Эльдар проверил один раз – обнаженная Лиза стояла посреди комнаты, а он, погрузившись в некое подобие транса, водил раскрытыми ладонями вдоль спины гхоулы, почти не касаясь кожи в поисках уязвимостей и прорех в ауре. Ничего не обнаружив, Эльдар проверил еще раз, потом перепроверил и, в очередной раз не найдя в сверкающей броне никаких изъянов, позволил себе вздохнуть с облегчением.

- Все чисто, - сказал Эльдар, выпрямившись. - Никаких следов утечки.

Лиза шмыгнула носом, и Эльдар увидел, как ее лицо дрогнуло, а по щеке пробежала слезинка.

- Точно никаких? - с надеждой спросила она. - Все чисто?

- Я три раза проверил, - откликнулся Эльдар. Сделав шаг к дивану, он взял тонкий кружевной халат и осторожно накинул на плечи Лизы. - Ты в полном порядке. Кто тебе такую ауру выковал?

Лиза усмехнулась. Завязала поясок.

- В институте Знаменского, - ответила она. - Пятеро лучших столичных магов соединились *Петлей Меркавы* и устроили мне апгрейд. Хотела попросить еще грудь увеличить, но решила не наглеть.

- Я рад, что у тебя осталось чувство юмора, - сказал Эльдар. - С точки зрения магии ты совершенно здорова.

Лиза повернулась к Эльдару и крепко обняла его, уткнувшись лицом в грудь. На мгновение его пронзило давней, почти забытой жалостью. Всемогущая госпожа гхоула сейчас была просто маленькой и несчастной женщиной, бесконечно одинокой, способной рассчитывать только на себя. Эльдар понимал, что очень скоро она снова станет собой – алчной расчетливой стервой, которая уже почти три года умудряется удерживаться в своем кресле – и хотел, чтобы этот момент пронзительной искренности не прекращался.

- Оставайся, - негромко промолвила Лиза. - Не уезжай.

- Хорошо, - так же негромко откликнулся Эльдар. - Я останусь.

Впрочем, спустя несколько часов Лиза уже не помнила о своей просьбе, и Эльдар решил, что так и надо. Кровать в ее спальне размерами могла бы соперничать с футбольным полем, и теперь, лежа среди сбитых простыней и задумчиво скользя ладонью по влажному плечу гхоулы, Эльдар думал о том, что всю жизнь был вынужден довольствоваться жалкими крохами возможного счастья – разумеется, исходя из всеобщего блага. Есть такое слово «надо» - через пару дней он уедет обратно в колледж, Лиза снова займется повседневными делами, и все будут вполне довольны и счастливы. Потому что вместе тесно, а врозь скучно.

- Так что там с твоими студентами? - поинтересовалась Лиза. Теперь в ее голосе не было ни следа печали и тоски. Эльдар вздохнул и ответил:

- Отзвонюсь Гамряну: пусть немедленно начнет проверку ребят на утечку.

- Он не уехал в Турьевск?

- Нет, - Эльдар усмехнулся и добавил: - Зачем? Софья с ним, работает в детском отсеке. Дети в Лондоне. Дома можно вообще не появляться.

Лиза улыбнулась. «Интересно, - подумал Эльдар, - она когда-нибудь хотела завести детей? Что не получится, это понятно, дети у магов редкость – но вот хотела ли?»

- Любовь, которая не перестает... - откликнулась она. - Назови мне еще раз симптомы у твоих ребят.

- Где-то с неделю все преподаватели жалуются, что никто не хочет учиться, - произнес Эльдар. - Новый материал усваивают с трудом, старый почти не помнят. Да хоть и у

меня... Светлову помнишь?

- Это та, которую Королев хотел в Питер забрать? – уточнила Лиза и, дождавшись кивка Эльдара, ответила: - Тогда помню. У них, говорят, интересные отношения. В духе пятидесяти оттенков серого.

Эльдар не сдержал ехидной ухмылки. Вот оно что. Про Королева ходили разные слухи, в том числе и о его склонности к доминированию в интимной сфере – значит, Олечка проявила свои таланты не только в магии.

- Не знаю, что у них в оттенках, - сказал Эльдар, - но раньше она была отличницей. А сейчас на практических смотрит на меня, как баран... то есть, овца на новые ворота и мало-мальски сносные результаты выдает только с пятого раза.

Лиза рассмеялась.

- Может, тебе ее наручниками к батарее приковать? – предложила она. – Вдруг будет толк?

- Ну уж нет, - ответил Эльдар. – Королев мне эти наручники засунет, куда солнце не заглядывает. Вместе с батареей... В общем, упадок сил, неспособность к концентрации, полное нежелание работать и преодолевать трудности в работе. Конечно, похоже на утечку, но я сомневаюсь, что утечка может случиться вот так сразу и со всеми. Это не грипп.

Лиза кивнула. Выскользнув из объятий Эльдара, она набросила на плечи халат и, подойдя к столику, принялась рыться в шкатулке с лекарствами. В полумраке ее силуэт казался призрачным, расплывчатым, словно Лиза была не живым человеком, а маревом, навкой, готовой растаять в любую минуту. Сумерки украсили город за окном, смягчив резкую грубость дневных очертаний: в окнах домов загорались огни, уличная подсветка мягко подчеркивала силуэты зданий, и изогнутая лиловая змея реки словно ожила, заключив город в объятия.

Это было красиво. Очень красиво. Угрюмый серый город стал синим и золотым, приблизился и протянул руки.

- Красиво здесь, - сказала Лиза, положив под язык кругляш таблетки. – Иногда даже свет не включаю, просто сижу тут и смотрю в окно...

- Что ты принимаешь? – поинтересовался Эльдар.

- Амеотин, - ответила Лиза, опустившись на край кровати. – Специальная разработка Знаменского. Хорошее лекарство, полезное. Стимулирует определенные мозговые центры.

- Слышал о таком, - кивнул Эльдар. – Ваня его принимает.

Он вспомнил, как в первый раз увидел Ваню в студгородке. Бледный до прозрачности, тощий паренек шел к общежитию, одежда – какая-то этническая рубашка навыпуск и потертые джинсы – была ему очень велика, разноцветные дреды свисали на плечи, словно клубок мертвых экзотических змей. В руке Ваня нес вышитый рюкзачок, в котором, судя по всему, были его пожитки. Эльдар подумал, что это очередной прибывший первокурсник: тогда, когда колледж только открылся, студенты добирались сюда своим ходом – но стоявший рядом Гамрян пожал тощему пареньку руку и представил:

- Вот, Эльдар, знакомься. Иван Кричевский, наш библиотекарь и твой будущий сосед по блоку.

- Очень приятно, - еле слышно прошелестел Иван и слабо пожал протянутую руку Эльдара. – А вы тоже маг, да?

- Да, я маг, - ответил Эльдар. Иван, судя по всему, был чем-то болен: его натурально качало ветром. – А вы?

- Человек он, - ответил Гамрян. – Каженник, случайно попал в область нестабильного

пространства.

Эльдар понимающе кивнул. Область нестабильного пространства обычно встречалась в лесах: фольклор говорил о ней как о лешем, любящем поводить путников в трех соснах. Неудивительно, что блуждавший в ней Иван слегка тронулся умом.

- Извините, - негромко произнес Иван, - а где тут можно попить? Мне таблетку надо принять...

Это и был тот самый амеотин, составлявший почти половину содержимого рюкзака. Действие лекарства в самом деле оказалось впечатляющим: буквально за несколько недель Иван, который сначала шарахался от любой тени, превратился во вполне адекватного юношу. В случае Лизы амеотин помог выравнять потоки наполняющих ее магических сил, не позволяя банально свихнуться.

Ваня несколько месяцев пробыл в институте Знаменского: на должность библиотекаря в колледже он заступил прямо оттуда. «Прелестное место», - мысленно усмехнулся Эльдар.

- Кстати, - поинтересовался он. - Над чем сейчас работает Знаменский?

Лиза пожала плечами.

- У него как обычно, - вздохнула она. - Чего только нет. А что?

- Интересно, поможет ли амеотин моим раздолбаям?

Лиза пожала плечами.

- Может, там все намного проще? - предположила она. - Обычно у магов всегда упадок сил по осени.

Видимо, новость о том, что никакой утечки у нее нет, сделала Лизу более расслабленной и беспечной. Эльдар подумал, что, возможно, просто накручивает себя. Ребята оторваны от дома, первый курс совсем недавно перестал бунтовать, а третьекурсники все на нервах из-за посвящения в конце учебного года. Немудрено, что у них проблемы.

- Если хочешь, - сказала Лиза, - съездим завтра в институт. Насколько мне известно, они работают без выходных и праздников.

Глава 11

Червь

Когда занятия в колледже возобновились после выходных, студенты увидели перемены в расписании: вместо уже привычных пар они получили целую гору алгебры и разочарованно застонали. Предмет, который вел Черников, вызывал у всех стойкую антипатию. Впрочем, все оказалось не так страшно, как ожидалось: Черников сообщил, что его срочно отзывают из колледжа, дал несколько задач и, после того, как студенты, изрядно помучившись, все-таки их решили, послал старосту в деканат за ведомостями и зачетками.

- Ничего себе! - сказала Карина, рассматривая пятерку - первую запись в зачетке. Отметку сопровождала размашистая подпись. - Я, оказывается, великий математик.

Вместе с Машей и Марго она вышла во двор - день был пасмурным, но сухим и достаточно теплым. Марго, хмуро кутаясь в алый палантин, угрюмо сообщила:

- У нас тоже пятерки почти у всего курса. Наверно, решил не искать жемчуга в навозе.

- Куда он едет-то так внезапно? - поинтересовалась Маша. Одна из немногих, она действительно заслужила отличную оценку по алгебре, щелкая задачи как орехи. Марго только плечами пожала.

- Ничего я не узнала, девки, - вздохнула она. - То ли шпионка из меня хреновая, то ли он

вообще не при чем. Ну какой смысл самому себе червя-то подсаживать?

Ответить было нечего, и Карина подумала, что лучше будет сменить тему и поинтересовалась:

- Как у тебя с Любоедовой? Сдала практику?

Любоедова отличилась тем, что за пару дней до длинных выходных наорала на Марго чуть ли не матом за то, что она никак не могла самостоятельно бросить иглу, отягощенную дополнительными заклинаниями. Марго пошла было жаловаться Эльдару, а он только масла в огонь подлил, не заступившись за девушку, а сказав, что Ирина Леонидовна права, и надо больше думать об учебе, а не о своих амурных делах.

- Ты удивишься, но сдала, - сообщила Марго. Практика была у нее на первой паре и, собираясь на занятие, Марго все утро мрачно бранилась на всех известных ей языках. - Пришла, сдала... Между прочим, на четверку, - ехидно усмехнувшись, Марго добавила: - Любоедова чуть язык не проглотила.

- Так ей и надо, - сказала Маша. Несмотря на то, что Любоедова ее хвалила, Маша эту преподавательницу недолюбливала.

- Кстати, Маргош, - Карина не вытерпела и задала вопрос, который давно не давал ей покоя: - Откуда у Черникова машина? Он сюда на автобусе приехал, я на вокзале с ним колготилась.

- Подогнали из Москвы, - с прежней мрачностью ответила Марго. Видимо, собственный провал внушал ей уныние. - Там какая-то аппаратура в багажнике, но я не знаю, какая.

- Между прочим, - заметила Маша, - червя самому себе можно посадить, чтобы не подозревали. Мол, какой я вам охотник? Я дичь!

- Может быть, - вздохнула Марго. - Только теперь мы это вряд ли узнаем. Ладно, что болтать, пойдемте на пару.

Впрочем, учеба в этот день не задалась. Когда первый курс слушал рассказ Люды об Октябрьской революции, в аудиторию вошли несколько человек в костюмах химзащиты. Главный приблизился к Люде и произнес:

- Мы сейчас уводим всех студентов в актовый зал. А вы, Людмила Васильевна, идете со мной.

Разумеется, возникла толкотня и суматоха, но люди в костюмах химзащиты - Карина сразу же обозвала их пришельцами - очень быстро отправили студентов в актовый зал: было видно, что у них есть опыт в проведении такого рода дел. Второй и третий курс уже были там: рассевшись по местам, ребята взволнованно обсуждали вероятные варианты развития событий. Подсев к Марго и Елене, Карина с Машей заметили, что бледный и встревоженный Черников что-то настойчиво пытается доказать одному из пришельцев - пришелец слушал его очень внимательно, повторяя снова и снова:

- Нет. Не положено. Территорию никто не покинет.

Черников повторил свою попытку еще несколько раз, но затем разочарованно махнул рукой и плюхнулся в ближайшее кресло. Карина испуганно смотрела, как в актовый зал входит обеспокоенный Гамрян, и негромко поинтересовалась:

- Девки, что за фигня? Может, нас уже того... убивать пришли, как Эльдар рассказывал?

- Тьфу на тебя! - зашипела Елена. - Ой, смотрите!

Один из пришельцев, сверившись с записями в своих бумагах, вдруг подхватил Черникова под локоть и, невзирая на то, что он пытался сопротивляться такому грубому обращению, выволок в коридор. Второй подошел к микрофону, постучал по нему, проверяя, и сказал:

- Марго Михай здесь?

Побледневшая Марго поднялась со своего места, нервно одергивая юбку. Один из незваных гостей подошел и, вежливо, но твердо вывел девушку из зала. Маша всхлипнула; Карина нервно сжала ее руку, понимая, что тоже готова расплакаться от страха. Человек у микрофона пошелестел своими бумагами и произнес:

- Итак, граждане студенты... У нас появилась информация, что некоторые из вас заражены инновационным вирусом, - по залу прокатилась волна испуганных возгласов, и говорящий вскинул руку, призывая к тишине. Когда голоса умолкли, он продолжал: - По нашим данным, вирус не смертелен, но все-таки зараженные нуждаются в лечении. Сейчас буду называть фамилии по списку, выходите сюда.

Пришельцы, судя по всему, действительно были мастерами своего дела: работа завертелась очень быстро. Первой к ним вызвали Алину Абрамцеву со второго курса: один из пришельцев несколько минут пристально вглядывался ей в глаза, а затем повернул к себе спиной и, подняв тощую рыжую косу, внимательно изучил кожу на шее.

- Абрамцева, минус, - сказал он своему коллеге и произнес, обращаясь к девушке: - Можете идти, вы здоровы.

Алина побрела к выходу из зала, едва переставляя ноги - было видно, что она очень плохо себя чувствует. Карина проводила ее тяжелым взглядом и подумала, что дело наверняка в червях. Марго, Люду и Черникова забрали потому, что они были заражены. Но ведь нападения с тех пор не повторялись! Карина не знала, что и думать.

- Сергей Бутылин, - вызвал пришелец с бумагами. Серега, однокурсник Карины, тот самый, который устроил бунт на первой лекции по истории, вразвалочку спустился к микрофону. Пришелец взглянул ему в глаза и сразу же стал изучать его шею.

- Бутылин, положительная реакция, - сказал он, и его коллега, до этого времени неподвижно сидевший на стуле сбоку, поднялся и двинулся к Сергею. Карина испуганно охнула и снова взяла Машу за руку: она подумала, что Сергей вполне способен взбунтоваться еще раз.

Впрочем, ничего подобного не случилось. Пришелец вывел Сергея из зала и вернулся на свое место.

Студентов с положительной реакцией оказалось много, двадцать человек. Когда пришелец вывел сперва Светлову, потом Егора, а потом очередь дошла до Маши, Карина уткнулась ладонями в лицо и подумала, что наверняка и ей тоже пришел конец. Мелькнула мысль о том, что Егор мог не заметить присушку именно потому, что был инфицирован - Карина отмела ее потому, что теперь во всех этих рассуждениях не было смысла. Они с Егором больше не будут вместе. Выжить бы во всех этих злоключениях...

- Карина Копылова, - назвал пришелец. Вздыхнув, Карина поднялась с кресла и спустилась к микрофону. Ладно, двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Ей даже в глаза смотреть не стали: пришельцу хватило одного взгляда на шею девушки, чтобы заявить:

- Копылова, положительная реакция.

В первые минуты Карине не было страшно. Совсем. Повинуясь пришельцу, сопровождавшему зараженных, она направилась к выходу из актового зала, выпрямив спину и высоко подняв голову - и вот там, в дверях, ей стало плохо. Земля ускользнула из-под ног, липкий страх охватил разум, и Карина опустилась на пол почти без чувств. Она инфицирована какой-то дрянью, неизвестно, сколько ей осталось, непонятно, почему это с ней случилось и за что... Пришелец осторожно поставил ее на ноги и вывел в коридор - там еще один тип в костюме химзащиты сделал Карине укол в предплечье, а двое его коллег уложили Карину на носилки и чуть ли не бегом отправились в лазарет.

Карина окончательно пришла в себя после того, как услышала голос Марго:

- Ну что, Каринец, готова пару дней прохалывать?

Марго блаженно вытянулась на соседней койке и выглядела невероятно довольной. На ее веселое настроение не влияла ни капельница, ни приборы угрожающего вида над

койкой. На мониторе Карина увидела пульсирующее изображение головного мозга: пестрое, сложенное из разноцветных деталей, как в детском калейдоскопе. Точно такая же капельница стояла возле койки Карины – подняв голову, она убедилась в том, что и монитор тоже есть.

Обитатели лазарета негромко переговаривались друг с другом. Между коек неслышно скользили люди в костюмах химзащиты, списывали показания с мониторов, подкручивали пластиковые колесики на трубках капельниц, регулируя подачу зеленоватой жидкости в пластиковых мешках. Всмотревшись, Карина увидела в конце зала Эльдара и рыжую гхоулу: они стояли возле огромного монитора и изучали изображения человеческих мозгов. Почему-то Карина сразу успокоилась: раз Эльдар тут, то он сумеет их спасти – и спросила:

- Маргош, что тут вообще говорят?

Марго вздохнула.

- То говорят, что эти черви вносят какие-то изменения в центральную нервную систему, - Карина ахнула, и Марго продолжала: - Я не особо поняла суть, но, похоже, червь превращает людей в магов. А магов делает слабыми вплоть до потери способностей.

- Твою же мать... - потрясенно выдохнула Карина, а Марго добавила:

- Потому-то мы и тупили на практических. Червячки работали.

Спустя несколько часов Лиза, Эльдар, Гамрян и Черников вошли в кабинет ректора и заняли места за столом. Ситуация, конечно, складывалась сложная, но, к невероятному облегчению Эльдара, не критическая. Оборудование, взятое в займы в институте Знаменского, помогло составить картину развития заболевания – в том, что это именно болезнь, никто из присутствующих не сомневался. Внедряясь в организм носителя, червь начинал выполнять записанную в него программу, полностью распадаясь через несколько дней. Эльдар не до конца понял механизм воздействия: сейчас ему вполне хватало информации о том, что работа червей остановлена. Маги утратили достаточно большое количество сил, а люди – к ужасу Эльдара, абсолютно все люди на территории студгородка – приобрели магические способности. Теперь Софья Гамрян, Люда, Таня с матерью и детьми, поварахи и молоденький преподаватель физкультуры были магами: пусть слабенькими, но магами.

Гамрян, похоже, был этому рад. Конечно, любимая жена никогда не поднимется до сколь-нибудь значительных высот в магическом мире, но теперь они с Софьей были одной природы. Должно быть, для ректора это была единственная хорошая новость за весь день. Черников, бледный и изможденный после приема лекарств, едва держался на ногах. Эльдар смотрел на него без всякого сочувствия.

- Итак, - тяжело вздохнув, начал Гамрян. - Прежде, чем все мы отправимся отдыхать, я хочу получить ответы на свои вопросы. Шура, ты должен будешь рассказать нам правду. Обещаю, что я сделаю все, чтобы спасти тебя от трибунала – но ты должен рассказать, что происходит. Какое у тебя задание?

По осунувшемуся лицу Черникова скользнула тень. Лиза старалась не смотреть на него, задумчиво катая по столу серебряную ручку с затейливой монограммой на зажиме. Вопреки опасениям, червя у нее не обнаружилось – узнав об этом, Эльдар вздохнул с облегчением.

- Я дал подписку о неразглашении, - сухо откликнулся Черников. - Моя работа идет в автономном режиме, и я не имею права никого посвящать в ее детали.

- Мы были в институте Знаменского, Шура, - подала голос Лиза. - Он сказал, что не имеет никакого отношения к твоему появлению в колледже. Он не давал тебе никаких заданий.

Эльдар поймал себя на мысли о том, что ему хочется взять инспектора за лацканы щегольского пиджака и приложить о стену. Сперва слегка, для науки – а потом уже посильнее.

Черников только усмехнулся.

- Хорошо, меня прислал не Знаменский, - с легкостью признался он. - Многоуважаемый Всеволод Ильич действительно не имеет никакого отношения к моему появлению в колледже. Он не давал мне никаких заданий.

Проговорив это, он посмотрел Лизе в лицо и очень неприятно ухмыльнулся: дескать, что ты мне сделаешь? Лиза не отвела взгляда, только пальцы, катавшие ручку, едва заметно дрогнули - Черников схватился за голову и заскулил от боли.

- Не усугубляй, - холодно посоветовала она. - Я давно не та девчонка, которая ходила к тебе на танцы. Чем быстрее ты это поймешь, тем лучше.

Пальцы Черникова, сжимавшие голову, побелели. Эльдар увидел, как на стол упала капля крови - должно быть, Черников прикусил губу. Лиза некоторое время безразлично смотрела на инспектора, а потом убрала заклинание, и он со вздохом откинулся на спинку кресла. Крылья носа и губы были окровавлены.

- Ты биоробот, Шура, - все с тем же ледяным равнодушием продолжала Лиза, не глядя в его сторону. - Должно быть, те микросхемы, которые тебе вживили в мозг, не позволяют давать ответы на определенные вопросы. Зайдем с другой стороны. Мовсесян. Что ты о нем знаешь?

Черников рассмеялся. Сунув руку в карман пиджака, он вынул носовой платок, вытер покрытое кровью лицо и ответил:

- Мовсесян - ерунда! Он не живое существо, Лизанька. Он программа, комбинация посмертного отражения и магически слепленной сущности. Его аура не имеет никакого отношения к живому. Он не имеет физического тела. Поэтому он здесь, он везде, он где угодно. Хотел добиться бессмертия - и добился.

Кровь полилась снова. Черников вскинул руку к голове и зашипел:

- Ай с-сука! Больно! Перестань!

Лиза внезапно хлопнула ладонью по столу - настолько резко, что оторопевшие Эльдар и Гамрян вздрогнули.

- Не ври, - посоветовала Лиза. - Будет больнее. Мовсесян привязан к определенному месту. К какому?

Черников нашарил на столе смятый платок и уткнулся в него носом. Эльдар подумал, что Знаменский однозначно темнит. Совсем недавно он уверял Лизу в том, что работа Черникова никак не навредит обитателям студгородка - и вот тебе пожалуйста, сразу открестился от своего человека, едва запахло жареным. Не просто запахло - вонь поднялась до небес. А Черников все-таки молодец, хорошо держится. Узнать, что хозяева использовали тебя и выбросили - все-таки удар.

Лиза сейчас пугала Эльдара намного больше, чем все Знаменские и черви, вместе взятые. Он и думать не мог, что доброжелательная улыбчивая женщина способна вести допрос бывшего любовника настолько жестко. Гамрян, похоже, испытывал такую же растерянность.

- Не к месту, дура, - сказал Черников каким-то чужим голосом. - Он привязан к приказаниям своего господина. А господину нужны колдуны и колдуньи. Я не знаю, зачем. Но Мовсесян их ищет...

Глаза Черникова закатились, и он обессиленно откинулся на спинку кресла, лишившись чувств. Лиза чертыхнулась и покачала головой.

- Передавила, - смущенно объяснила она, посмотрев на Гамряна. - Не люблю, когда меня дурой называют.

Вздохнув, она поднялась с кресла и, приблизившись к Черникову, запустила пальцы в его волосы - так механик будет чинить сломанный прибор. Судя по всему, это требовало значительных усилий: по ее запястьям пробежали маленькие серебристые молнии, Лиза

напряженно массировала голову инспектора и говорила:

- У него в голове набор микросхем. Одна из первых успешных разработок Сколково. Ребята хорошо потрудились...

- Сколково? - недоверчиво переспросил Гамрян. В его голосе прозвучало явственное пренебрежение.

- А ты как думал? - Лиза с усилием надавила на голову Черникова и снова чертыхнулась. - Там гвозди микроскопами не забивают. Дураки пусть смеются, а люди делают свое дело. Так... - она опустила руки, несколько раз встряхнула кистями. - Сейчас оживет.

Черников действительно практически сразу пришел в себя. Серая муть утекла из его взгляда, он смотрел язвительно и насмешливо. Заняв свое место, Лиза вновь принялась катать по столу ручку - Эльдар заметил, что пальцы плохо ее слушаются.

- Шура, я могу отсоединить эти чипы, - буднично сообщила Лиза. - Причем так, что ты остаток жизни будешь ходить под себя, прекрасно понимая, что с тобой происходит. Ты - хозяин Мовсесяна?

Черников усмехнулся и отрицательно помотал головой.

- Что ты, нет, конечно, - мягко откликнулся он, и Эльдар понял, что Черников говорит правду. - Я сделал все возможное и невозможное, но так и не смог его вычислить. Предвидя твой следующий вопрос, скажу, что к червям я также не имею отношения. Тот, кто их запускает, не знал об этом, - Черников постучал себя по голове и продолжал: - Должно быть, мои чипы обнулили червя...

- Как считаешь, кто может быть хозяином? - подал голос Гамрян. Черников пожал плечами.

- Понятия не имею. Я подозревал эту Таню, ассистентку Эльдара - у нее был доступ к белокудреннику. Оказалось, что она была инфицирована первой. Вот откуда нити в ее ауре, которые ты видела, - сказал он, посмотрев на Лизу. - Я рассказал все, что знаю. Можешь свернуть мне голову, я все равно не скажу больше.

Несколько минут Лиза молчала. За окном давно сгустился мрачный ноябрьский вечер, пропитанный дождем и ветром. Свет фонарей размазывался во влажном воздухе дрожащими пятнами. Эльдар вдруг подумал, что Черников действительно говорит правду и сказал все, что только можно.

- Лиза, он не врет, - подал голос Эльдар. - Будь он хозяином Мовсесяна и создателем червей, то первым инфицированным был бы я. В радость нашей старой и нежной дружбы...

Лиза кивнула.

- У меня больше нет вопросов, - сказала она и, помедлив, все-таки добавила: - Хотя есть один. На кого ты все-таки работаешь, Шура?

Губы Черникова дрогнули в усмешке.

- Теперь на свою месть, - с какой-то томительной алчностью промолвил он. - Только на нее.

День в лазарете выдался невероятно долгим и скучным. Вставать не разрешалось - если требовалось сходить по нужде, пришельцы в костюмах химзащиты раздвигали жалюзи между койками и предлагали утку. Читать, играть в какие-нибудь игрушки на смартфоне, слушать музыку запретили тоже: дескать, это мешало корректной работе оборудования. На обед и ужин принесли слипшиеся макароны и булочки - поскольку повара тоже лежали в лазарете, готовить было некому. Каринаковырнула вилкой еду и с отворачиванием отодвинула тарелку.

- Бесит, - мрачно призналась она, когда Марго, дремавшая на соседней койке,

приоткрыла глаза. – Вот бесит все это, просто сил нет никаких.

Марго только рукой махнула. Похоже, она ни при каких обстоятельствах не теряла бодрого расположения духа.

- А мне хоть бревна катать, лишь бы лежа, - весело ответила она. - Отдыхай, что тебе не ладно? Завтра, говорят, тоже занятий не будет.

Это была единственная хорошая новость за день. Карина не горела желанием отправляться на практические занятия к Эльдару, чтобы в очередной раз с обидой и гневом прочесть в его мыслях, что она дура, к тому же, набитая невесть чем. Это ведь не ее вина. И Эльдар тоже хорош, не додумался, что у нее могут быть такие проблемы.

- Тебе, похоже, вообще все равно, - сказала Карина. - Все-таки силы ушли...

Марго улыбнулась.

- Я не заморачиваюсь, - промолвила она. - Из меня и так и так великой ведьмы не получится.

Карина не могла не признать, что это крайне здравый подход. Зато Светлова в другом конце лазарета рыдала в голос. Судя по всему, переезд в Питер теперь накрывался пресловутым медным тазом. Слушая ее громкие всхлипывания, Карина ощущала неприятное злое торжество. Конечно, присушка была ни при чем, но Карина почему-то думала, что с Олей все было бы в порядке, не решилась она приворожить чужого парня.

Вечером, когда за окнами окончательно воцарилась непроглядная сырая тьма, пришьельцы отсоединили капельницы и отключили мониторы. Свет в лазарете стал тише и тусклее, намекая, что больным пора отправляться спать. Карина подумала, что на самом деле сейчас около семи вечера: они могли бы сидеть в своей комнате и пить коньяк, привезенный Марго, закусывая восхитительными гостинцами, которыми бабушка снабдила Машу – Артем едва смог втащить огромный баул фасона «мечта оккупанта» в комнату. Медсестра в зеленом халате и шапочке в сопровождении одного из пришьельцев подошла к койке Карины и сказала:

- Вот эту девушку надо перевести поближе к посту. Проректор сказал, что за ней нужно понаблюдать.

Карина едва сдержала стон разочарования и обиды. Все шишки на нее! Сперва червь подселился, теперь еще и особое наблюдение... Видно, худо дело. Пришьелец подозвал своего коллегу и вдвоем они ловко покатали койку с Кариной в сторону сестринского поста.

- Чего ты хмурая такая? – спросила медсестра, и Карина с удивлением узнала в ней Елену: девушка была совершенно не похожа на себя в этом халате и шапочке. – Присмотрю за тобой.

И она отчего-то хитро улыбнулась.

Карина поняла значение ее улыбки только тогда, когда увидела своего соседа: Егор лежал на койке и дремал – что еще делать в лазарете? Карина вдруг ощутила охватившее ее мягкое тепло и поняла, что губы дрожат. Они с Егором не разговаривали целый месяц. Он был ни в чем не виноват, а она не могла ему верить.

Сейчас он выглядел усталым и очень бледным. Карина подумала, что впервые за месяц их ссоры она видит Егора настолько близко и боится признать, что он изменился. На переносице пролегла глубокая тревожная морщина, под глазами залегли серые тени – Егор казался очень усталым и очень взрослым. Почти незнакомым.

Елена подмигнула ей: дескать, не дрейфь! – закрыла жалюзи, отделив койки Карины и Егора от остального пространства лазарета. Егор открыл глаза и взглянул на Карину – на мгновение она замерла, не зная, что сейчас случится: он ведь может просто послать ее, куда подальше, и будет совершенно прав.

- Привет, - сказал Егор, и Карина ощутила, как все внутри замерло. – Как ты?

- Привет, - почему-то ответила она шепотом. - Да вроде нормально. А ты как?

Егор пожал плечами. По его осунувшемуся лицу скользнула тень.

- Да так... - неопределенно ответил он. - Эльдар говорит, что знающим магом я, наверно, уже не стану. Да я и не стремился, если честно... - он помолчал, а потом посмотрел Карине в глаза и спросил: - Теперь-то ты мне веришь?

Несколько мгновений Карина не могла говорить, чувствуя только, как разрывается ее сердце. Наконец она смогла промолвить едва слышно:

- Да... Да, конечно, я тебе верю. Как же иначе?

Помедлив, Егор поднялся с койки и подошел к Карине. Взяв ее за руку, он помолчал и произнес:

- Я даю слово, что никогда тебя не обману. И никогда не сделаю больно.

Елена, заполнявшая документы на сестринском посту, увидела, как тени за ее спиной сперва испуганно дрогнули, а потом медленно переплелись в объятии. Довольно улыбнувшись, она подняла голову и посмотрела на лампочку над этой частью отделения - повинуясь ее взгляду, лампочка мигнула и погасла. Удовлетворенно кивнув, Елена откинулась на спинку стула и вынула из кармана халата плеер с наушниками. День выдался суетный и тревожный, но ночь обещала быть спокойной, и это не могло не радовать.

Спустя два дня жизнь в колледже вошла в свое обычное русло. Во время общего собрания Гамрян объявил студентам, что ребята, пострадавшие от нападения червей, смогут получить индивидуальные задания, которые помогут поднять их уровень. Конечно, в это почти никто не поверил, но Гамрян говорил настолько обнадеживающе, что студенты невольно ощутили определенный душевный подъем.

Люда отнеслась ко всему случившемуся на удивление спокойно и отстраненно. Страшные сны ей больше не снились, Мовсесян не появлялся, и она с прежней старательностью приступила к работе. Студенты как обычно стенали на практических, но было ясно, что это уже больше для вида: ребята теперь занимались намного усерднее, чем прежде, решив, должно быть, приложить усилия к обычным земным наукам, если магия стала слишком сложной для понимания. Марго, которая прежде довольно легкомысленно относилась как к истории, так и к русскому с английским, теперь с головой ушла в учебу, пытаясь заглушить тоску испытанным средством - работой. Прощаясь с Черниковым во дворе института, девушка плакала - хотя он и уверял, что вернется через несколько месяцев, все понимали, что они расстаются навсегда. Люда не вникала в перипетии их отношений, сочувствовала Марго так, как сочувствовала бы каждому, потерявшему свою любовь, и старалась не наседать на нее на практических.

Однажды, когда весь первый курс в полном составе уперся лбом в согласование времен и не мог понять вообще ничего, в аудиторию вдруг вошла секретарша и сказала:

- Людмила Васильевна, вас к телефону. Очень настаивают.

Сорвавшись с места, Люда бросилась в кабинет ректора: если ей звонили в колледж, то это могло значить только одно - с кем-то из родителей случилась беда. Тогда, когда первого ноября Люда уехала из дома, они, разумеется, не попрощались и с тех пор ни разу не говорили. Отец наверняка ждал, когда «эта шалава» приползет на поклон с повинной головой - Люда ползти не собиралась, потому что не считала себя виноватой. И вот теперь звонок...

Дверь в кабинет Гамряна была закрыта, а секретарша не стала проходить в приемную, деликатно оставшись снаружи, у доски с расписанием занятий. Люда взяла телефонную трубку и сказала «Алло», стараясь, чтобы голос звучал как можно ровнее и спокойнее.

- Людочка, дочка, - услышала она маму. - Как ты?

- Привет, ма, - сказала Люда, опустившись на табурет. Голос мамы звучал взволнованно

и как-то слишком мягко, что ли. – Я хорошо. Работаю. Вы как?

- Людочка, тут папа тебе отличную работу нашел, - с испуганным трепетом промолвила мама. – Его знакомый открывает агентство недвижимости, туда риэлторы нужны. Работа хорошая, денежная, - мама говорила быстро, не обращая внимания на то, что Люда очень отчетливо сказала «Нет». – Возвращайся, Людочка! Ну что ты там вдали от семьи, от дома...

Люда прикрыла глаза и некоторое время слушала, как мама заученно расписывала перспективы работы у отцовского знакомого. Судя по всему, папаша понял, что на заработанное дочь в колледже не получится наложить лапу, а Люда не собирается ни извиняться, ни бежать к родителям с поджатым хвостом.

- Ма, послушай меня, - четко произнесла Люда, сумев вклиниться в крохотную паузу. – Я никуда не поеду. У меня уже есть работа. А если папе так нравится быть агентом по недвижимости, то пусть идет туда сам.

Мама ахнула. Видимо, она искренне удивилась тому, что Люда снова решила дать им отпор. Раньше было не так. Раньше Люда просто брала и соглашалась: если она отказывалась, ее изводили скандалами и бойкотами. Теперь же она жила в студгородке, и оказалось, что прежние методы не работают.

- Людочка, но как же... - пролепетала мама. – Папа уже сказал Андрею Степановичу, что ты завтра подъедешь в офис... Люди тебя ждут, на тебя рассчитывают...

- Пусть едет сам, если ему так хочется, - Люда сама удивилась металлическим ноткам, прозвевшим в ее голосе. – Он не возражал, когда я поехала в Дербенево. А теперь испугался, что мои деньги мимо потекли?

Она вдруг поймала себя на том, что чувствует гнев – чистый беспримесный гнев, и это было настолько непривычно и странно, что Люда не поверила, что может сказать такое.

- У меня уже есть работа, мама, - закончила она. – А если папа что-то от меня хочет, то пусть сначала попросит прощения за пощечину. Тогда я подумаю, говорить с ним или нет.

И Люда опустила трубку на рычаг: она прекрасно знала, что будет дальше. Мама обвинит ее в неблагодарности, в подлости, в том, что воспитали змеюку – а Люде уже надоело всю жизнь ходить в виноватых. В коридоре прозвенел звонок; Люда вздохнула и поднялась с табурета – наверняка студенты уже разбежались, а впереди еще две пары, и как-то надо взять себя в руки: разговор с мамой выбил ее из колеи.

Выйдя из приемной, Люда пошла по коридору в сторону своей аудитории. Вопреки ее ожиданиям, студенты не разбежались – ребята сидели за столами, разговаривая и играя в игрушки на смартфонах.

- Все нормально, Людмила Васильевна? – спросил Сергей. После бунта на первой лекции по истории он взялся за ум, и, похоже, учеба интересовала его всерьез. Несколько раз он задавал вопросы в тему и недавно подготовил очень интересный доклад о повседневной жизни в дореволюционной России.

- Да, спасибо, - Люда хотела было улыбнуться, но поняла, что улыбка получается довольно пугающей: лицо скривилось в неприятной болезненной гримасе, и Люда поняла, что готова расплакаться. – Ребята... я положу задания к следующему практическому в папку в библиотеке... Спасибо, что дождались.

Студенты быстро собрали вещи и двинулись в коридор. Карина и Маша задержались – подойдя к преподавательскому столу, Маша поинтересовалась:

- Людмила Васильевна, может, вам помочь?

- Точно все хорошо? – спросила Карина.

Люда кивнула. Внезапная забота пронзила ее сердце уколом острой боли.

- Спасибо, девчата, - сказала она. – Все в порядке.

Когда девушки вышли, Люда села за стол и закрыла лицо ладонями. Неизвестно, сколько она так просидела – время словно замедлило свой бег. Из забытья ее вывел очень знакомый мужской голос, орущий в коридоре:

- Пошел вон! Ты мне не указчик!

Люда медленно поднялась со стула, ощутив мгновенно охвативший ее холод. В животе заворочался омерзительный ком тошноты. Дверь в аудиторию грохнула – ее открыли с пинка, и внутрь вошли родители. Мама семенила за отцом, испуганно прижимая к животу сумочку. За ними вошел Эльдар и, оглянувшись, посмотрел на собравшихся в коридоре студентов так, что все любопытные мигом разбежались.

- Все, сучка, - произнес отец. - Домой едешь.

Люда почувствовала, как земля уходит из-под ног. Значит, мама звонила в колледж, сидя в машине у ворот, и, получив отрицательный ответ, отец взбесился. Сейчас он выглядел так, словно его вот-вот хватит удар.

- Перед людьми меня подставлять вздумала? Очень независимая стала? Собирай тряпки свои и домой! – рявкнул отец. Он хотел обойти преподавательский стол и схватить Люду за руку, но Эльдар помешал, крепко взяв его за предплечье.

- Уймись, - холодно посоветовал он, и стало ясно, что пока Эльдар говорит по-хорошему. – Уймись и немедленно покиньте территорию колледжа. Людмила давно уже совершеннолетняя и решает сама.

Известие о том, что его дочь – не предмет, а живой человек, способный самостоятельно определять свою судьбу, оказалось настолько неожиданным, что отец обернулся и посмотрел на Эльдара так, словно с ним заговорило что-то вроде мусорного ведра.

- Я тебе еще в коридоре сказал: пошел вон, - прошипел он, и Люда с ужасом подумала, что отец собирается броситься на Эльдара с кулаками. Добыча сумела ускользнуть от психопата, и он готов был на все, чтобы ее вернуть.

Люда не могла объяснить, что случилось потом. В животе снова шевельнулся ком тошноты, и она вдруг вскинула руку, не понимая, что делает. Ладонь словно огнем налилась, и это было настолько больно, что Люда дернула рукой, сбрасывая накопившийся сгусток пламени в сторону родителей. Это было похоже на замедленную съемку: огненный шар с величавой неторопливостью поплыл к отцу, мама медленно-медленно стала отклоняться в сторону, и ее рот превратился в алую букву «О», а Эльдар, еле-еле переставляя ноги, двинулся вперед. Шар скользнул в его ладонь и рассыпался – время сразу же пошло быстрее, и Люда поняла, что рухнула обратно на стул, зажимая окровавленный нос.

Отец застыл на месте, и выражение его лица было скорее комичным, чем пугающим. Эльдар выпрямился и, облегченно вздохнув, громко сказал:

- Гольцова, зайди.

Маша послушно проскользнула в аудиторию и с той же покорностью положила на протянутую ладонь Эльдара уродливое ухо, слепленное, судя по всему, из жвачки. Эльдар довольно кивнул и указал на застывшую пару.

- Ты растянула время как нельзя кстати, - сказал он. – Спасла Людмилу Васильевну и этих вот психопатов. Нет, ну мне, конечно, самому по осени плохо, но эти просто финиш какой-то.

Кровь на пальцах была густой и темной. Люда смотрела на испачканные руки и не чувствовала ровным счетом ничего: ни боли, ни стыда, ни обиды. В голове было пусто.

- Эльдар, что случилось? – спросил кто-то вдалеке, и Люда вдруг поняла, что это она и спрашивает.

- Ты бросила боевой шар, - спокойно ответил Эльдар. Дескать, тоже мне, невидаль, боевые шары. Ничего особенного. – Понервничала и бросила. А Маша у нас хроноворот, причем очень талантливый. Остановила время, дав мне возможность отбить шарик.

Поняв, что сейчас самое время сделать ноги, Маша неслышно, бочком, проскользнула к выходу. Люда бездумно смотрела на застывших родителей и не могла понять, что ощущает, глядя на них. Она всегда хотела отквитаться. Сделать что-то такое, чтобы они поняли, насколько ей бывает больно. И вот, пожалуйста, отквиталась. Чуть не убила.

Люда почувствовала, что ее начинает знобить.

- И что теперь делать?

Эльдар усмехнулся.

- Да ничего. Сейчас водителя вызову, отвезет их домой. Они и не вспомнят, что тут были.

Капля крови сорвалась с носа и упала на конспект урока. Люде вдруг подумалось, что это очень символично.

- Это же мои родители, - прошептала она и добавила уже громче: - Эльдар, это же мои родители...

Эльдар посмотрел на нее так, что Люде стало ясно: он понимает ее гораздо лучше остальных, потому что когда-то был вынужден испытать нечто похожее.

- Бешеным собакам не поклоняются, - мягко и горько промолвил Эльдар. - Их изолируют. И это правильно.

Именно этот случай и стал причиной того, что Люда впервые серьезно задумалась о мотивациях. Раньше она не любила копаться в том, что является причиной того или иного поступка, предпочитая смотреть, как развивается ситуация и принимать решение в зависимости от событий, но теперь ей вдруг стало важно понять, какие именно силы руководят людьми в принятии решений.

Отец мог быть жестоким, непредсказуемым и даже опасным - Люда окончательно поняла это в тот момент, когда он ее ударил - но отец никогда не был дураком. И если он примчался в колледж вместе с мамой, то это говорило о том, что решение вырывать дочь из студгородка было принято с абсолютно холодной головой. Сидя в библиотеке и задумчиво поглядывая, как Ваня возится со старыми книгами, заботливо подклеивая их корешки, Люда набросала в блокноте целую схему, придя к однозначным выводам - больше всего отца испугала возможная потеря власти и денег. Вечный менеджер, он так и не добился ни крупных чинов, ни огромных зарплат, находя отдушину дома, в постоянных попытках подавления и контроля воли дочери. Конечно, Люда прекрасно знала, что есть папаши, которые пьют и детей бьют, но это ее мало утешало. Одним словом, когда Люда осмелилась поставить отца на место, он с ужасом понял, что столь трепетно любимая, выпестованная власть над прежде бессловесным человеческим существом убегает из рук - возможно, уже убежала. Поэтому родители и приехали в колледж, и устроили безобразную сцену.

Потом их увезли домой, и Люда знала, что теперь с ними все в порядке - впрочем, Эльдар сказал, что подавленные импульсы очень скоро дадут о себе знать, и, по всей вероятности, Люду ждут новые приключения уже на новогодних каникулах. Однако Люда решила, что домой не поедет, и заявление Эльдара ее не напугало. Зато размышление о мотивациях отца дало импульс раздумьям о мотивах хозяина червей.

То, что господин Мовсесяна и хозяин червей - один и тот же человек, было понятно: мертвый убийца ищет магов и приводит их к своему владыке, который затем подселит червя, стирающего магические способности. Люда не знала, почему червя подсадили ей, когда она была человеком - возможно, злоумышленник просто промахнулся и целился, например, в кого-то еще, проходившего мимо. Итак, каков мотив? Зачем кому-то лишать магов способностей?

В библиотеку вошла толпа третьекурсников, и Ваня, оставив заклеивание книг, начал таскать им стопки задачников по практической магии, истрепанных так, что было жалко смотреть. Люда подумала, что она сейчас похожа на Штирлица, который рисовал на листках бумаги портреты подозреваемых - вот только рисовать она, к сожалению, не умела. Вздохнув, Люда открыла блокнот на чистой странице и написала:

«Причины лишения способностей: желание заставить повиноваться - а если не подчинишься, то станешь человеком, - Люда задумчиво постучала себя ручкой по кончику носа и добавила: - С небес на землю. Мордой в грязь».

Она писала специально придуманным шрифтом - Люда с детства вела дневник, в который родители любили засунуть нос, так что лично изобретенная тайнопись была очень кстати. Когда мама, в очередной раз выкопав тетрадку, обнаружила изящные закорючки незнакомых букв и потребовала объяснений, то Люда сказала, что занимается арабской каллиграфией.

«Причина номер два, - несколько минут Люда смотрела на третьекурсников, которые расписывались в формулярах, а затем добавила: - Желание лишить магии как таковой. Не из мести, а просто потому, что магия - это неестественно и плохо».

Она вспомнила Черникова, вспомнила выражение лица, с которым он говорил о своем желании снова стать человеком, и подумала, что у Шуры-то как раз и был мотив, да еще какой! Он ненавидел магию и ненавидел себя, потому что был магом. Волшебство сделало его убийцей, лишило всего, что было ему дорого, и никакие внедорожники и стажировки в Америке не могли этого компенсировать. Шура тосковал по себе-человеку, поэтому неудивительно, что червь поразил его одним из первых. Вот только чипы в голове - а о биомеханической начинке Черникова Люде и Ване рассказал Эльдар - просто взяли и обнулили информацию в черве. Технология работала, вот только несчастный Шура не мог ее использовать.

Люда вздохнула и написала в блокноте: *«Причина номер три: желание отблагодарить или нажать. Сделать человека магом в обмен на какие-то услуги и даже просто за деньги!»*. Она некоторое время сидела, перечитывая написанное, поняла, что пока больше не видит других мотивов, и решила, что ей нужно поговорить с Черниковым. Он мог быть хозяином червей - Люда была уверена в этом где-то процентов на семьдесят - и он знал о червях и Мовсесе больше всех. Захлопнув блокнот, Люда подошла к одному из стеллажей и вытянула с полки тоненькую книгу с интригующим названием «Связь при помощи зеркал: особенности технологии». Придется использовать столь нелюбимую Шурой магию - все равно Люда не знала его номера телефона, да и не звонить же ему из ректората!

Спустя пару дней, когда Эльдар и Ваня отправились поиграть в теннис - такие вечерние игры недавно вошли у них в привычку - Люда заперла дверь в блок и, войдя в ванную, несколько минут смотрела на свое отражение в зеркале, стараясь максимально сосредоточиться. Как говорил автор учебника, для того, чтобы связаться с кем-то посредством зеркала, надо было сперва рассмотреть во всех подробностях собственное лицо, а затем представить, как отражение превращается в того, кто вам нужен. Для этого требовались достаточно серьезные способности к визуализации - первокурсники, у которых визуализация входила в курс основ магии, мучились и страдали, не умея представить в деталях обычный кирпич. Люда, которая всегда могла вообразить в красках все, что нужно, не сомневалась, что у нее все получится. Выровняв дыхание, она сосредоточилась на своем отражении и представила, как знакомые черты растекаются по стеклу туманными каплями, чтобы собраться в отражение лица Черникова. Некоторое время не происходило абсолютно ничего, но затем Люда ощутила укол в области сердца и увидела, что в зеркале отражается не ванная, а скромная комната с аскетической меблировкой. Черников сидел за столом, и Люда, увидев его, не сдержала испуганного возгласа.

Еще несколько дней назад это был молодой мужчина, энергичный, активный и полный сил. Сейчас же на нее смотрел изможденный старик: Шура осунулся, под глазами залегли темные тени, а тонкие бледные губы покрывала растрескавшаяся корка. Страшнее всего была выбритая голова, покрытая грубыми темно-красными рубцами: Люда не могла отвести от них взгляда, на мгновение лишившись дара речи.

- Кто это? - глухо спросил Шура, и Люда, собравшись с духом, ответила:

- Это Люда Романова. Из колледжа.

Губы Черникова дрогнули в улыбке.

- Первый раз работаешь с зеркалом? - спросил он. - Подойди поближе, я тебя не вижу.

Люда подчинилась, почти упершись лбом в холодное влажное стекло. Шура всмотрелся в нее и довольно кивнул.

- Теперь правильно.

- Что с тобой? - испуганно прошептала Люда. - Что случилось?

Шура издал хриплый низкий звук, и Люда поняла, что он смеется. Это было настолько жутко и неестественно, что она едва не отшатнулась от зеркала, разбивая связь. Ей казалось, что она заглядывает куда-то за край жизни и смерти.

- У меня вынули чипы, - негромко сообщил Шура. - Госпожа гхоула выжгла половину во время допроса. Вставили новые... но, кажется, как-то не слишком аккуратно, - тонкая скрюченная рука заскользила по столу, нашаривая пластинку с лекарствами. - Я, видишь ли, слишком много знаю.

- Мне нужна правда, - прошептала Люда. - Я хочу остановить хозяина червей, Шура, но мне нужна правда. Расскажи.

Шура улыбнулся. Притянул к себе маленькую белую коробку с красным крестом в желтом круге.

- Я расскажу, - промолвил он. - Завтра, после полуночи. Ключ от моей комнаты висит на вахте, возьмешь и откроешь двери. Там зеркало получше, и я смогу... - он не закончил фразы, зайдясь в приступе кашля. Люда терпеливо ждала. Наконец, Шура вытер рот и сказал: - Смогу забрать тебя в гости.

- То есть как? - не поняла Люда. Шура поднял было руку к голове и опустил, словно забыл, зачем начал движение.

- Проведу через зеркало, - сказал он. - Больно не будет.

Взять ключ с вахты? Это было проще сказать, чем сделать. Надо было объяснять вахтеру, зачем это Люде понадобился ключ от чужой комнаты, а он бы еще отправил ее за объяснительной к Гамрянцу: мало ли, стащат чего, а кто отвечать будет?

Надо было действовать втихаря, как-нибудь исхитриться и стащить ключ, но вахтер, маленький угрюмый человечек, сидел в своей будке неотлучно. Он был очень слабеньким магом, даже до первого посвящения не добрался и, должно быть, поэтому питал искреннюю ненависть ко всем обитателям студгородка. Студентов он ругал практически матом: за то, что бегали и за то, что шли медленно, за то, что громко говорили и за то, что помалкивали, наверняка замышляя какую-нибудь пакость - одним словом, попасть под обстрел заковыристой брани можно было, просто существуя на свете. С преподавателями вахтер был хмуро вежлив, но Люда замечала, что он с трудом сдерживается, чтобы, например, не обругать тихую и спокойную Таню.

- Приволокла выводок, - ворчал вахтер, когда Таня скрывалась за дверями лифта. - Шаманка, тоже мне...

Одним словом, нечего было и думать о том, чтобы незаметно взять ключ из ящичка. Люда некоторое время провела в холле первого этажа, старательно имитируя занятость важными делами - она приколотла объявления на доску, переписала в блокнот расписание практических занятий на неделю, постояла в очереди к телефону в каморке завхоза и сделала вид, что дозвониться не получилось. Дурацкий вахтер не сдвинулся с места, зато Карине и Егору досталось от него на орехи: Карину объявили стриженной шалавой, а Егору сообщили, что он разводит бордель в общежитии, и вахтер непременно об этом заявит, куда следует, чтоб другим неповадно было. Люда успела приунуть, и в это время к ней подошла Марго.

- Здравствуйте, Людмила Васильевна, - как-то отстраненно сказала она, пристально глядя по сторонам. - Дело пытаете аль от дела лытаете?

Люда посмотрела на девушку и вдруг поняла, что нужно сделать.

- Шура шлет тебе привет, - промолвила она. Марго не изменилась в лице, только дрогнувшая левая бровь выдала ее волнение. Люда подумала, что все сказала правильно. В конце концов, только дурак пойдет в одиночку в темный лес.

- Да я вот и чувствую... - неопределенно произнесла Марго. - Вам ключ нужен, да?

Люда усмехнулась.

- Как ты догадалась?

- Вы тут уже полчаса крутитесь, - сообщила Марго. - И смотрите на ящик, на его правую часть. Там ключи от комнат преподавателей.

- Что будем делать? - улыбнулась Люда. Лучшего сообщника, чем Марго, и представить было нельзя. Марго неопределенно пожала плечами.

- Ну, есть тут один вариант... - заторможенность в ее голосе и движениях Люде не понравилась, но делать было нечего. - Я сейчас тут упаду возле будки-то. А вы берите ключ. Секунд пять у вас будет, на дольше я пока не умею глаза отводить.

Люда кивнула, и Марго двинулась в сторону будки вахтера. Люда потянулась за ней, догадавшись, что замедленные движения девушки связаны именно с подготовкой к отводу глаз. Сейчас, глядя на Марго, она видела, как над ее головой и руками кружат зеленые паутинки. Марго подошла к будке, открыла ящик и взяла ключ от своей комнаты - вахтер не замедлил высунуть нос из-за газетного листа и разразиться руганью:

- Да шо ты ходишь тут все? Вчера ключ брала! Потеряла уже?

- Дверь захлопнула, Антон Иваныч, - миролюбиво сообщила Марго. - Ключ-то внутри. Сейчас верну через пять минут.

- «Вернуу!» - передразнил вахтер. Он пристально изучил номер над крючком, с которого Марго сняла ключ, и сделал пометку в журнале. - Откуда вас только набрали таких растрясенных? В голове солома, а туда же!

Марго вдруг побледнела и начала медленно оседать на пол. Темные глаза закатились под веки, а в уголках рта выступили блестящие капельки слюны. Вахтер, похоже, испугался - он высунулся из будки и окликнул:

- Э, Михай! Давай поднимайся!

Люде хватило нескольких мгновений, чтобы снять с крючка ключ от комнаты Черникова и отправить его в карман: в следующую секунду вахтер уже обернулся к ней и развел руками:

- Нет, вы только гляньте! День еще не кончился, а она уже зенки свои бесстыжие залила!

- Она не пьет, - хмуро заметила Люда, склонившись над Марго и пробуя поставить ее на ноги. Ребята-третьекурсники, приключившиеся неподалеку, сразу же поспешили на помощь, и вскоре Марго уже стояла, опираясь на руку Люды и приговаривая:

- Давление, чтоб его... просто земля из-под ног ушла.

- Земля! - рыкнул вахтер, закрывая ящик с ключами и, разумеется, не проверяя его содержимого. - Иди давай! Нажрутся, потом ноги не держат! А учителя таскай вас, дураков!

Марго только улыбнулась и заговорщически сжала руку Люды.

- В половине двенадцатого, - негромко сказала она. - У лифта.

Люда только кивнула.

Вечер прошел спокойно: поужинав в компании Вани и Эльдара, Люда сказала, что собирается лечь спать пораньше: головная боль, которая началась с утра, до сих пор не

давала ей покоя.

- Тогда бери беруши, - хмуро посоветовал Ваня. - К братюне сегодня Гребенникова придет, у нее на растущую луну самое веселье начинается.

Эльдар, уныло ковырявший вилкой в салате, сделал вид, что сказанное к нему не относится. Судя по его изможденному виду, веселье с Гребенниковой стало обходиться ему дороже, чем раньше.

- Ты где будешь, Вань? - уточнила Люда. Не хватало еще наткнуться на соседа в гостиной: он непременно станет выяснять, куда это она собралась на ночь глядя, и еще увяжется следом.

- Я к третьекурсникам пойду, - беззаботно сказал Ваня и продемонстрировал Люде браслет на запястье, сплетенный из разноцветных шнурков. - Люди тоже Боба Марли любят.

Люда вздохнула с облегчением.

Ваня ушел к поклонникам Боба Марли около восьми вечера - по тому, что он забрал с собой любимую пеструю подушку, было ясно, что ночевка планируется у новых приятелей. Гребенникова постучала в дверь блока ровно в десять - Люда, сидевшая в своей комнате с ноутбуком, услышала, как в прихожей раздался грохот и счастливое повизгивание. Похоже, у Эльдара намечалась крайне насыщенная ночь; Люда покачала головой и надела наушники.

Они практически не помогали.

Впрочем, когда в половине двенадцатого Люда вышла в гостиную, в блоке уже царила густая и спокойная тишина. Прислушавшись и не уловив ничего подозрительного, Люда вышла в коридор и направилась к лифту. Марго уже была там, задумчиво ковыряя побелку на стене.

- Тебе зачем туда? - поинтересовалась Люда, открывая входную дверь в бывшее обиталище Черникова. Марго замаялась - видно, она не успела придумать объяснение, и Люда добавила: - Только не надо рассказывать, что ты там забыла любимую заколку.

Пустой блок встретил их странной, какой-то спрессованной тишью. Общежитие еще не спало - откуда-то снизу доносилась музыка и хохот, в душевых лилась вода, на кухоньках заканчивали поздний ужин - но стоило закрыть дверь, как все звуки отрезало, и на мгновение Люде показалось, что она оглохла. Справившись с волнением и пошарив по стене, Люда включила свет в коридоре - этого было достаточно, чтобы развеять мрак, и в то же время не привлечь ненужного внимания - и спросила снова:

- Итак? Какой у тебя интерес?

Марго помолчала, грустно улыбаясь. Заглянув на кухню, она убедилась, что там никого нет, и негромко откликнулась:

- Понимаете, Людмила Васильевна... Я сначала думала, что это Шура во всем виноват. И в Прорыве перед первым сентября, и уж в червях-то точно. А потом мы начали встречаться, и я поняла, что он не такой плохой, как тут все думают, - вздохнув, Марго прошла по гостиной и подергала ручку двери, ведущей в спальню. Разумеется, заперто. - Короче, я хочу узнать правду. А Шура знает если не все, то многое.

Люда прошла через гостиную и отперла дверь в спальню. Обстановка здесь была такой же, как и в ее комнате - исключение составляло огромное старое зеркало напротив кровати. «Интересно, как он его привез», - подумала Люда и спросила:

- И как же ты собиралась действовать?

Марго поежилась. Похоже, нечто, затаившееся в тишине, действовало на нее подавляюще.

- Этого зеркала тут раньше не было, - заметила она. - А как собиралась... Есть такое заклинание, Нитка Адрианы. Бросаешь клубочек, и он ведет тебя по следам человека.

Как в сказке: крутится яблочко на тарелочке... Я бы увидела все, что Шура делал в общежитии, но сами понимаете, пускать за ним клубок, когда он прямо здесь...

- Нитка Ариадны, - задумчиво поправила Люда. Таинственная зеркальная гладь делала их отражения размытыми, темно-зелеными, словно студентка и преподавательница смотрели из-под толщи воды.

- Адрианы, - повторила Марго. - Адриана Симонова изобрела заклинание.

Люда кивнула и протянула руку к своему отражению. Прикосновение к стеклу отдалось щекочущими уколами тока по кончикам пальцев. Тьма, кажется, стала еще гуще: покосившись в сторону, Люда заметила, что тусклая полоса света больше не падает в спальню из гостиной. Непроглядный мрак облепил окна, не пропуская свет фонарей. Когда Марго испуганно вцепилась в ее руку, Люда чуть не взвизгнула от накатившего ужаса.

- Ближе... - прозвучал хриплый шепот. - Ближе, Люда. Я вас не вижу.

И Люда сделала шаг вперед.

Глава 12

Зеркало

Кроме холода, охватившего ее тело, не было ничего. Люда стремительно летела куда-то вниз, в черный колодец без дна, и чувствовала, как медленно и неотвратно превращается в кусок льда. Потом она вдруг упала на что-то твердое и раскололась в пыль и крошево - это было почти не больно и почему-то очень обидно.

- Ага, хорошо, - сказал Шура где-то над ней. - Первый переход, да?

Неожиданно Люда поняла, что давно никуда не падает и уж точно не разбивается на мелкие ледяные осколки - она сидела на диване, сжимала в руках стакан воды с корвалолом, а чуть поодаль негромко стонала Марго, запрокинув голову и зажимая пальцами окровавленный нос. Кругом была тьма: клубясь грязными клочьями дыма, она подступала к дивану, и Люда не видела, что скрывается за ней.

- Выпей, выпей, - рука Шуры вынырнула из тьмы и подтолкнула стакан вверх, к губам. Люда послушно сделала несколько глотков, и прохладное маслянистое прикосновение к губам освежило ее и взбодрило. Недовольно заворчав, тьма откатилась от дивана и медленно рассеялась: Люда увидела, что находится в дорожке и вместе с тем довольно аскетично обставленной гостиной. За панорамным окном была ночь и огромный город, расцветенный множеством красок.

- Лучше? - Шура неслышно обошел диван и опустился в кресло возле окна. Тьма шевельнулась, послушно обтекая его тело и мягко размывая очертания и цвета. Пожалуй, это было к лучшему: насколько успела рассмотреть Люда, сегодня Шура выглядел гораздо хуже, чем вчера.

- Лучше, - кивнула Люда. - Где мы?

- У меня дома, - ответил Шура. - В Москве.

- В Москве? - гнусаво переспросила Марго. Потeki крови на лице придавали ей жуткое сходство с уродливой маской. Шура указал куда-то в сторону и произнес:

- Там салфетки в коробке, возьми.

Марго со вздохом подняла с пола большую пластиковую коробку и вынула несколько влажных салфеток. Люда подумала, что, возможно, все складывается не так плохо, как ей показалось сначала: во всяком случае, они с Марго все еще живы и здоровы, переход через зеркало их не изувечил, а Шура пока вроде бы не собирается делать с ними ничего плохого.

- Я бы вам кофе предложил, - с извиняющимися нотками в голосе промолвил Шура. - Но вам еще домой отправляться, так что, пожалуй, не надо.

- Как ты? - с искренней заботой спросила Марго. Было видно, что нынешнее состояние Шуры тревожит ее до глубины души - Люда обнаружила, что ощущает какую-то смутную неловкость, будто мешает студентке и ее бывшему преподавателю быть по-настоящему искренними.

Шура неопределенно пожал плечами.

- Пока жив, - ответил он. - Знаменский, конечно, тот еще тип, и холопы его не лучше. Но и я не лыком шит...

Люда подумала, что глупо было бы сомневаться в способностях Шуры после того, как он перетащил через зеркало двоих буквально через пару дней после сложнейшей операции.

- Расскажи нам, - спокойно и твердо сказала Люда. - Расскажи, как все было.

Черников очень неприятно усмехнулся.

- Если я расскажу вам все, что знаю, вас убьют быстрее, чем вы скажете «Ах», - глухо произнес он. - Моя проблема как раз в том, что когда-то давно я стал носителем информации не своего уровня - и после этого меня прибрал к рукам Знаменский. Нужны подробности, кто это?

Люда и Марго одновременно кивнули. Рука Шуры медленно поднялась к виску и так же медленно опустилась: в этом простеньком движении было что-то непостижимо жуткое.

- Всеволод Ильич Знаменский - посредник между Советом магов и правительством людей, - промолвил Шура. - Очень матерый и опытный интриган, который уже много лет балансирует и в нашей, и в людской власти и умудряется не падать. Так вышло, что мы знакомы с ним уже десять лет... и эти чипы, - Черников осторожно прикоснулся ко лбу, - его работа. Мы сотрудничали в самых разных сферах, и в итоге у меня накопилась критическая масса знаний. Такая, с которой не живут.

Люде почему-то снова стало холодно, будто чья-то невидимая рука опять схватила ее за футболку на груди и потянула в зеркальную глубину.

- Типа мавр сделал свое дело? - подала голос Марго. Люде было страшно смотреть на нее: побледневшее лицо девушки было искажено самым настоящим страданием.

Шура кивнул.

- Вроде того. Но Знаменский не стал бы действовать грубо, - он было засмеялся, но тотчас же зашелся в хриплом кашле. Потом, когда глухое влажное бульканье иссякло, Черников продолжал: - Эти черви - разработка его института по заказу человеческого правительства. Делает магов очень внушаемыми к чужому воздействию, и это правильно. Мы по своей природе бунтари, которые не будут ни перед кем гнуть спину. А людям во власти нужны другие маги, покорные и тихие. Не задающие вопросов.

- Потому что если они будут задавать вопросы и возмущаться, их сразу же лишат сил, - проговорила Люда. Шура посмотрел на нее с уважением: так, как смотрят на того, кто намного выше и значительнее тебя.

- Я об этом не знал, - произнес он. - Но я знал очень много о других делах института. Стал мешать Знаменскому одним своим наличием в мире, и он отправил меня в колледж - чтобы я разобрался с Мовсесяном, а попутно подцепил червя, лишился магических сил и неминуемо погиб бы от какой-нибудь простенькой колдовской дряни типа той зеленой слизи, которую вы по общаге вычищали. Ясное дело, мне никто бы не стал помогать.

Марго сдавленно ахнула и прижала пальцы к губам. Люда увидела, что по щеке девушки медленно скатывается слезинка.

- Я не подсеял червей, - твердо сказал Шура. - С ними работает кто-то другой. Вряд ли он находится на территории колледжа - ему нужна лаборатория, червей в стакане хранить не будешь.

- Мы тебе верим, - сказала Марго и за себя, и за Люду. - Как нам его найти?

Шура печально усмехнулся.

- Люда, ты ключ к хозяину Мовсесяна, - серьезно произнес он. - Ты была человеком, но он почему-то решил сделать тебя магом. Надо понять его мотив.

Люда только руками развела. Накатившая растерянность почти заставила ее плакать от собственной беспомощности.

- Я не знаю, - прошептала она. - Что с меня взять? Ботаничка, синий чулок...

Шура погрозил ей пальцем.

- Но-но! Ты очень талантлива. Если приложишь усилия, то тебя посвятят через год. Первый контакт через зеркало закончился удачей - такое редко бывает.

Люда сидела, опустив руки на колени и чувствуя, как слова Шуры ложатся на ее плечи тяжелыми глыбами. Значит, талантлива... Осталось только смириться с тем, что прежняя жизнь окончательно недостижима, перестать за нее хвататься и попробовать извлечь пользу из нынешнего положения.

- Загляни в себя, - продолжал Шура. Тьма, плававшая вокруг него дымными кольцами, медленно рассеялась, и Люда с ужасом убедилась, что ее бывший коллега совсем плох. В существе, сидевшем у окна, почти ничего не осталось от молодого, сильного и красивого мужчины. - Загляни в себя и пойми, что в тебе привлекло хозяина. Только так ты сможешь его найти.

- Лаборатория, - сказала Марго. Она смотрела прямо на Черникова, и в ее взгляде не было ни страха, ни брезгливости: только искреннее сочувствие и желание помочь. - Как нам найти его лабораторию?

Черников пожал плечами.

- Не знаю, - ответил он. - Я исколесил все окрестности Дербенево, даже в те развалины часовни лазил - ничего. Возможно, что-то есть в лесу... но все-таки вам лучше туда не соваться, - Шура поежился и добавил: - Скверное место.

Люда не могла с ним не согласиться. Она была в лесу всего один раз, на озере с Ваней, и ее не покидало ощущение, что за ними пристально наблюдает кто-то невидимый и опасный. Прикосновение чужого взгляда на спине пропало только в общезитии.

- Как ты в целом, Шур? - спросила Марго. - Что для тебя сделать?

Шура улыбнулся ей и мягко покачал головой.

- У подъезда вас ждет машина, - ответил он. - Отправляйтесь в колледж и не думайте обо мне. Я справлюсь.

- А Знаменский? - поинтересовалась Люда. - Он ведь наверняка не оставит попыток... - она хотела сказать «убить тебя», но не смогла закончить фразу. Черников кивнул.

- Обязательно. Но так получилось, что я нужен не только Знаменскому, но и кое-кому еще. Вернее, даже не я сам, а мои способности даэраны.

Люда не знала, что такое «даэрана», зато Марго, услышав это слово, побледнела - ух, как она побледнела.

- То есть ты... - начала было она. - То есть, ты снова..?

- Да, - ответил Шура и повторил: - Да.

Вздохнув, Марго закрыла лицо ладонями и несколько мгновений сидела так, не шевелясь и не произнося ни звука. Наконец, она опустила руки и сказала:

- Тогда наверно нам лучше уйти.

И в ее словах была такая бесконечная обреченность, что Люда поняла: надо уходить, и как можно быстрее.

Водитель, сидевший за рулем черного внедорожника, наверняка видывал разные виды, но две молодые женщины в простеньких пижамах, вышедшие из подъезда элитной многоэтажки, заставили его вопросительно поднять левую бровь. Черников, который, опираясь на тяжелую витую трость, отправился-таки проводить своих гостей, осторожно открыл заднюю дверь внедорожника и, когда Люда и Марго устроились на сиденье, промолвил:

- Все будет хорошо. Еще увидимся.

Люда почему-то подумала, что хочет этого меньше всего. Когда машина рванула с места на такой скорости, что дома, дворы и фонари слились за окнами в размазанное пятно, Марго вдруг сказала:

- Даэрана – это человек без чувств. Отражает чужие эмоции. Эти чипы... эти чипы блокировали его способности, и он мог чувствовать сам. А теперь...

И она расплакалась – громко и горько, словно ребенок, заблудившийся в темноте. Люда вздохнула и обняла ее. Больше она ничего не могла сделать.

На следующий день Люда не чувствовала ничего, кроме разочарования. Они с Марго рискнули здоровьем и жизнью, отправившись путешествовать через зеркало, а в итоге так ничего толком и не выяснили. Да, Черников не запускал червей, но личность их хозяина так и осталась неизвестной. Можно было не мучиться.

Марго, которую Люда встретила в столовой, тоже выглядела расстроенной донельзя. Взяв подносы с обедом, студентка и преподавательница сели за дальний столик, и Марго сокрушенно промолвила:

- Это вообще, Людмила Васильевна... нет слов.

- Как ты? – спросила Люда. Марго только рукой махнула.

- А! Одна досада. Наверно, лучше нам забыть это все, - она помолчала, задумчиво набирая в ложку бульон и выливая обратно в тарелку. - Знаменский испытал на нас червяков нового поколения. Испытания, похоже, прошли успешно. Ну и все...

Люда автоматически проглотила несколько ложек супа и не почувствовала вкуса. Марго была права: лучше это все забыть. Великий и ужасный Знаменский использовал всех втемную и проверил результаты своей работы чужими руками – было ясно, что Эльдар станет волноваться за студентов и потребует всестороннего рассмотрения проблемы: вот и пожалуйста, приехали специально обученные люди, собрали данные и отрапортовали об удачном завершении эксперимента. Вот и все.

- Противно это, - призналась Люда. Марго печально кивнула.

- Противно... - откликнулась она. - И Шуру так жалко... Ведь стал человеком, думал сам, любил сам. Впрочем, теперь уже ничего не поделаешь. Пусть будет даэраной, лишь бы живым.

Люда не могла не признать, что это правильно.

Вскоре жизнь вернулась в привычное русло. О червях больше никто не вспоминал, пострадавшие студенты постепенно смирились с утратой сил, а время неумолимо летело к новому году и зимней сессии, и все, кто до этого бравировал своим бездельем, принялись учиться. Лекции закончились, теперь все занятия у ребят составляла практика. Слушая разговоры студентов в столовой и библиотеке, Люда поняла, почему интеллигентную Ирину Леонидовну называют Людоедовной: она никому не давала пощады, а система допуска до экзамена была у нее настолько затейливой и сложной, что Люда невольно радовалась тому, что не учится у своей коллеги.

Черников больше не объявлялся. Спустя несколько дней после путешествия через

зеркало его бывший блок заселили компанией девушек с третьего курса: они умудрились довести давний конфликт с соседями чуть ли не до поножовщины. Люда никогда не слышала, чтобы Эльдар орал настолько громко и настолько матерно: повинувшись его распоряжениям, студентки мигом похватили вещи и побежали переселяться. Воспользовавшись каким-то мелким поводом, Люда заглянула в блок и увидела, как завхоз, пыхтя, тащит зеркало к выходу.

- Геворг Ашотович велели убрать, - почему-то объяснил он, поймав взгляд Люды. Люда пожалала плечами: велели так велели - и не стала задавать вопросов.

Родители никак не давали о себе знать. В один из выходных Люда набралась смелости и позвонила-таки домой. Трубку взяла мама, говорила в принципе спокойно, без охов и ахов, и Люда чувствовала, как в ее словах сквозит глубокое раздражение.

- На новый год приедешь? - спросила она. Люда отрицательно помотала головой, потом вдруг поняла, что мама ее не видит, и ответила:

- Нет, ма. Хотим с соседкой по блоку съездить на море.

- А, - равнодушно сказала мама. - Ну давай, дело хорошее. Ладно, у меня тут картошка подгорает.

- Пока... - откликнулась Люда. Мама никогда не жарила картошку.

Возвращаясь в свою комнату, она переживала - но уже как-то по привычке, что ли: Люда всегда испытывала душевные метания, когда кто-то из родителей разговаривал с ней так, ни в чем конкретном не обвиняя, но давая понять, что ты виновата. А в чем? А догадайся. Но, войдя к себе и сев за стол с раскрытым ноутбуком, Люда поняла, что больше не будет копать, выкапывая несуществующую вину. У нее есть хорошая зарплата и крыша над головой до лета, а летом, с отпускными, можно будет купить квартирку: пусть она будет крошечной, в новостройке на окраине, зато своей. И уже никто не посмеет отдавать там приказы - сама мысль об этом согревала Люду в холодные дни конца ноября, когда весь мир был серым, скучным, похрустывающим мелкими льдинками на кончиках пожухшей травы на газонах.

Снег выпал первого декабря: глядя в окна на то, как снаружи беснуется метель, Люда подумала, что это надолго - снег уже не растает, а ляжет сразу и надолго, заключив студгородок в ледяные объятия. Почему-то некстати вспомнились северные легенды о чудовищах, которые во время такой метели ездят в санях, собранных из костей покойников и запряженных висельниками. Масла в огонь подлил Витовт, который на перемене вошел в аудиторию и с порога заявил:

- Ребята, это кранты! Я шел из обсерватории и на опушке виряву видел.

Второкурсники, готовившиеся к контрольной работе, испуганно оторвались от тетрадок, и по аудитории пронеслись встревоженные возгласы. Люда подняла голову от планирования на второй семестр - Гамрян вдруг заявил, что сдать его надо было две недели назад - и поинтересовалась:

- Это кто?

Витовт бросил сумку на подоконник, плюхнулся за стол и нехотя объяснил:

- Да есть такая дрянь, по лесам отирается. На черта похожа, как Гоголь описывал... В прошлом году тоже тут были.

Кто-то из девчонок пробормотал, что останется ночевать в главном корпусе, чтобы не бегать на занятия из общаги. Люда в красках представила этого виряву и почувствовала, что дрожит: не то от сквозняка, не то от дурного предчувствия. Впрочем, она довольно быстро совладала со страхом: слова Витовта навели Люду на смутную идею. После пары, когда студенты сдали тетради с упражнениями, Люда придержала Витовта за руку и сказала:

- Останься на пару слов.

Витовт кивнул и сел прямо на стол. Дождавшись, когда второкурсники покинут

аудиторию, Люда встала рядом с Витовтом и поинтересовалась:

- И давно ты ходишь в лес?

Витовт посмотрел на нее со странной смесью испуга и неприязни.

- Я не хожу в лес, - натянуто сказал он. Люда усмехнулась, поймав себя на том, что позаимствовала эту неприятную ухмылку в арсенале Эльдара.

- Мне-то не ври, - промолвила она. - Обсерватория сегодня закрыта до вечера. Там новые проекторы устанавливают. Что там Эльдар обещал за гуляния по лесу?

Витовт хмуро отвел глаза и сунул руки в карманы стареньких джинсов, сразу став похожим на нахохлившегося воробья. Люда одарила его еще одной неприятной усмешкой и сказала:

- Поможешь мне, и я помогу тебе. Как часто ты ходишь в лес?

- Ну... довольно часто, - нехотя ответил Витовт, не глядя в сторону Люды. В коридоре прозвенел звонок, и Карина заглянула в аудиторию - у первого курса была по расписанию зачетная работа по истории. Люда отрицательно покачала головой, и девушка закрыла дверь.

- Кто еще с тобой ходит?

- Никто, - мрачно промолвил Витовт, и было ясно, что он врет. Люда вздохнула.

- Ты и этот никто видели в лесу что-нибудь подозрительное? - спросила она и уточнила: - Что-то, кроме нявок и виряв.

По лицу Витовта скользнула тень, и он пристально посмотрел на Люду, словно не мог понять, можно ли ей доверять. Некоторое время он молчал, а потом поинтересовался:

- А вы откуда знаете?

На мгновение Люде подумалось, что хозяин Мовсесяна и червей сидит перед ней, мрачно спрятав руки в карманы. Этаким неприметный скромный парень, который обычно занимает место в дальнем углу аудитории и всегда находится где-то с краю массовки. Впрочем, она почти сразу же отмела эту мысль как полную нелепицу.

- Я все еще жду ответа на свой вопрос, - твердо сказала Люда, и Витовт посмотрел на нее с жалобной мольбой.

- Людмила Васильевна, у меня пара сейчас, - негромко произнес он. - Эльдар Сергеевич семь шкур спустит, тесты писать будем. Давайте я... ну то есть, мы после занятий подойдем? Я все расскажу, только... Только и вы пообещайте, что никто больше не узнает.

- Ни одна живая душа, - серьезно промолвила Люда и жестом из давней юности провела пальцем перед губами: чок-чок, зубки на крючок.

Секретарша принесла Люде посылку сразу после четвертой пары. Почту привезли как обычно, к ректорату, и студенты с воплями и гиканьем побежали разбирать письма и коробки из дома. Люда не торопилась: посылку ей ждать было не от кого, и появление секретарши заставило ее искренне удивиться.

- Это вам, Людмила Васильевна, из Москвы, - сказала секретарша, положила посылку на стол и, увидев стопку распечаток в прозрачной папке, уточнила: - Это планирование, да? Я заберу?

Люда согласно кивнула, и секретарша, подхватив папку, убежала по своим делам. Когда за ней закрылась дверь, а шаги в коридоре стихли, Люда нетерпеливо разорвала бумажную упаковку, открыла коробку и увидела сложенный в несколько раз листок бумаги и металлический контейнер без маркировок. Пожав плечами, Люда развернула послание и прочла:

«Дорогая Люда! Когда вы с Марго приходили ко мне через зеркало, я так и не успел тебя поблагодарить за все, что ты для меня сделала. По понятным причинам я был в колледже изгоем, и ты оказалась одной из тех немногих, кто отнесся ко мне по-человечески. Спасибо тебе за это. Помнишь, я говорил, что ты должна заглянуть в себя, чтобы поймать хозяина червей? Если ты еще не передумала продолжать охоту, то мой маленький подарок тебе пригодится. А если ты решила оставить все, как есть, то пусть он послужит тебе оригинальным сувениром на память. Надеюсь, мы еще увидимся. Я тоже иду к самому себе. Твой друг Шура Черников».

Вот оно что... Люда перечитала письмо и, отложив его на стол, взяла контейнер. Он открывался нажатием на маленькую ребристую полоску, и, когда Люда, помедлив, надавила на нее подушечкой большого пальца, крышка откинулась, открыв пластиковую капсулу, наполненную прозрачной зеленоватой жидкостью. Взглянув на ее содержимое, Люда поежилась и ощутила, как дрожат руки: в капсуле плавал жирный полупрозрачный червь настолько отвратительного вида, что Люда едва не выронила посылку. Захлопнув крышку и выровняв дыхание, Люда торопливо убрала капсулу обратно в контейнер и села за стол, пытаясь справиться с трясущимися руками. Вот так подарочек! Наверняка Шура стащил его в институте Знаменского – забрал сувенирчик на память.

Но ей, Люде, что с ним делать?

Метель усиливалась, и ранние сумерки становились все гуще, наливаясь непроглядной серой мглой. В дверь постучали, и в кабинет вошли Витовт, Егор и Артем. Люда вспомнила, что эта троица занималась составлением натальных карт – она чуть ли не каждый день видела этих ребят, выходящих из общежития поздно вечером с ворохом бумаг в руках.

- Проходите, - сказала она, стараясь, чтобы голос не выдал ее взволнованности. Когда ребята уселись за столы, Люда сказала: - Договоримся сразу. Я никому не рассказываю про ваши походы в лес. А вы даете честные ответы на мои вопросы. Идет?

Парни мрачно кивнули. Люда не знала, как именно мог их наказать Эльдар, но, судя по всему, кара за походы в лес была бы максимально жестокой.

- Я тоже буду с вами откровенной, - промолвила Люда. - С недавних пор я очень хочу узнать, кто именно является хозяином червей. Это, скажем так, глубокий личный интерес. Я знаю, что для работы ему нужно помещение, и оно находится вне территории колледжа, но в достаточной близости. Развалины церкви убираем, остается лес. Куда вы ходите в лесу?

Несколько минут ребята молчали, а потом Егор произнес, с преувеличенным вниманием рассматривая собственные руки:

- Там не всегда был лес. До революции там стояла усадьба Ливенцевых. Конечно, усадьбы уже давно нет, но осталась сеть подземных ходов...

- И вы лазаете по ним, - подытожила Люда. - Просто потому, что «нельзя».

Витовт кивнул.

- Это интересное место, - сказал он. - Про Ливенцевых ходили разные слухи... типа того, что глава семьи взял себе на службу бесов, и все такое. Я виряву видел как раз неподалеку от входа в подземелье.

Люда смотрела на него и думала, что блуждает впотьмах, на ощупь пробираясь к чему-то важному – оно было совсем рядом, протяни руку и возьми, но пока Люда не знала, в каком направлении смотреть. Система подземных ходов, надо же... Может, в ней и скрывается Мовсесян: нырнул в подземелье, и ищи свищи.

Понимание, пронзившее Люду, было похоже на удар молнии, на мгновение осветивший все закоулки ее души. «Загляни в себя», - призывал Шура, и Люда наконец-то увидела то, что хотел найти ее бывший коллега.

Протянув руку, она взяла со стола контейнер и задумчиво сказала:

- Мне нужен один из вас, чтобы дойти до этих графских развалин. Пока не стемнело. Если мы не вернемся к семи вечера, - Люда покосилась на циферблат наручных часов: начало четвертого, времени хватит на все с лихвой, - нужно сказать Эльдару, куда мы пошли. Итак, кто со мной?

Егор поднял руку и произнес:

- Я пойду. Я лучше лес знаю, - он залез в карман и вынул крошечный клубочек, скрученный из золотистых нитей. - Запустим на всякий случай, вдруг потеряемся.

Люда согласно кивнула и открыла контейнер. Ребята издали дружное изумленное оханье: похоже, они никогда не видели червей так близко. Артем протянул было руку, желая дотронуться до уродливого пульсирующего создания, но стоило червя пошевелиться в своем логове, как он быстро отдернул палец.

- Зачем он вам? - поинтересовался Витовт. Люда усмехнулась и, преодолев накатившую волну брезгливости, вскрыла капсулу, и червь, извиваясь и исторгая нервные скрипучие звуки, выпал на ее ладонь. Вопреки ожиданиям, она почти не ощутила прикосновения.

- Мовсесян - система, которая обнаруживает новых магов, чтобы хозяин червей использовал их по своему усмотрению, - медленно проговорила Люда. Ребята слушали ее, затаив дыхание. - Людей у нас больше нет, и я собираюсь восстановить статус-кво.

- Не надо, - похоже, Егор понял, что она собирается сделать. Люда пристально посмотрела ему в глаза, и он не отвел взгляда.

- Идите в раздевалку, - твердо сказала Люда. - Егор, подожди меня на улице. Витовт, Артем - если мы не вернемся к семи, зовите Эльдара.

Когда студенты покинули аудиторию, Люда несколько долгих минут рассматривала червя. Лужица слизи, натекшая ей в ладонь с его полупрозрачного тельца, начала подсыхать. На столе лежал большой канцелярский нож - помедлив, Люда взяла его, выдвинула лезвие и полоснула по червя. В последний момент ей захотелось зажмуриться, но она, конечно, не сделала этого и увидела, как червь разделился на две части. Кажется, Люду снова начало знобить; осторожно опустив одну из половинок обратно в контейнер, она взяла вторую и, стараясь сдерживать дрожь отвращения, положила ее себе на шею.

Ждать пришлось недолго. Люда ощутила укол и быстрое жжение: червь внедрился в организм носителя и принялся старательно уничтожать то, что называлось магией. Люду качнуло, и на несколько секунд мир стал плоским и черно-белым - впрочем, это довольно быстро прошло, и она увидела, как половинка червя в контейнере извивается и дрожит, превращаясь из части в целое. Когда мир вокруг снова обрел объем и краски, Люда положила контейнер в карман и пошла в раздевалку.

Несмотря на продолжающуюся метель, жизнь в студгородке шла своим чередом: в столовой толпился народ, за столами в библиотеке ребята готовились к сессии, а за окнами оранжереи Люда увидела мелькнувший силуэт Эльдара. Кругом шла обычная институтская жизнь, и сейчас черви, магия, вирявы казались какой-то глупой и неуместной шуткой. Держа в руке фонарь, Егор хмуро шагал в сторону обсерватории: там угрюмые мужики возились с новенькой изящной лампой возле входа, и их энергичный мат-перемат разлетался по всему студгородку.

- Я все еще маг? - спросила Люда, когда они обогнули обсерваторию и осторожно спустились с холма на опушку леса. Егор пристально посмотрел на нее, прикидывая изменения в ауре, и отвернулся.

- Нет, - буркнул он, но через несколько секунд счел нужным добавить уже более вежливо: - Уже нет, Людмила Васильевна. Как самочувствие?

Люда пожала плечами. В затылке копилась головная боль, но пока она была вполне терпимой. Когда они вошли в лес, боль на мгновение сгустилась, заволакивая зрение, и исчезла бесследно. Егор шел впереди; Люде казалось, что рядом с ними движется кто-то очень опасный и очень осторожный. Стоило ей отвести взгляд от спины парня и

взглянуть по сторонам, этот некто падал в заснеженные кусты, но краем глаза Люда видела, как он начинает подниматься выше деревьев, когда она снова смотрела на Егора. Должно быть, это была иллюзия, которую создавали пригоршни снега, швыряемые ветром. Казалось, что среди деревьев пляшут лисы с совиными головами, машут крыльями, пробуют взлететь и снова опускаются на землю, поднимая снежные облака. Лес был действительно пугающим местом – немудрено, что Эльдар строго-настрого запретил сюда ходить, а ребята, молодые и упрямые, решили обязательно тут гулять.

Через четверть часа пути они вышли к заснеженному холму, торчавшему среди леса, словно лысина среди густых волос. Егор провел ладонью по лицу и указал на вершину холма.

- Вон там мы видели виряву осенью, - сказал он. - А сегодня он на опушке стоял, там, где мы с вами прошли. Тот же самый вирява, я узнал его.

Люда невольно поежилась. Казалось, в лесу темнеет как-то слишком быстро. Привычный познаваемый мир остался далеко за спиной, и теперь Люда не была уверена в том, что он вообще существует. Здесь, в вечернем лесу, реальностью были только страшные сказки.

- Эти вирявы опасные? - спросила она. - Что они могут сделать?

Егор как-то неопределенно повел плечами.

- Обычно они за *лесными* бегают, - ответил он. - За лешими, каженниками, русалками... Тут в войну большие бои шли. Может, и поэтому еще место плохое.

Люда посмотрела по сторонам. Лес казался насупленным и угрюмым, а его тайны – мрачными и злыми. На миг Люда пожалела о том, что решила пойти сюда, но в этот миг что-то сверкнуло в стороне, и она, забыв о сожалении, потянула Егора за рукав куртки, привлекая внимание.

- А это что? - спросила она. Всмотревшись, Егор сделал несколько шагов в сторону, к кустарникам бирючины и, присев на корточки, принялся смахивать снег с неизвестного предмета. Вскоре стало ясно, что это большое зеркало, невесть как попавшее сюда, и Люда, подойдя к Егору, изумленно ахнула: это было уже знакомое ей зеркало из комнаты Шуры. Таинственная темно-зеленая гладь отразила ее и Егора в каком-то непривычном виде, словно они были тяжело больны дурной болезнью.

- Что за хрень? - удивленно вымолвил Егор. - Тут его не было...

- Это зеркало Черникова, - сказала Люда и потянула парня в сторону: почему-то чутье подсказывало ей, что от зеркала лучше держаться подальше, словно в отражении могло появиться еще что-то. - Пойдем. Нам долго еще?

- Нет, - помотал головой Егор. - Обойдем холм и все.

Но добраться до нужного места они так и не успели: Люда внезапно ощутила, как земля уходит из-под ног, и с визгом провалилась куда-то вниз, наступив, должно быть, на замаскированный вход в подземелье. Казалось, она летела несколько часов; свалившись на дно, Люда умудрилась за что-то зацепиться, разорвала рукав куртки и разбила в кровь ладони и колени. На какое-то время ее окутала вязкая обморочная тишина, сквозь которую едва пробивался встревоженный крик Егора:

- Людмила Васильевна! Люда! Вы живы?

- Жива... - хрипло проговорила Люда и добавила громче: - Жива!

- Я к вам спускаюсь! - крикнул Егор. - Вы сможете немного отодвинуться? Я прыгну!

- Нет! - рывкнула Люда, схватившись за карман и ощутив внезапный, пробирающий до костей холод. - Нет, стой там! Стой, я позову!

Она судорожно дернула молнию куртки и, расстегнув ее, сунула руку в карман кофты и вынула расколовшийся контейнер с червем – он не выдержал падения, и его содержимое выскользнуло на свободу. К горлу подкатил клубок тошноты; Люда посмотрела вверх и

увидела голову Егора: парень стоял возле провала и заглядывал вниз.

- Брось мне фонарь, - сказала Люда, мельком подумав, что видок у нее еще тот: грязная, исцарапанная, окровавленная и лохматая. Просто идеальный преподаватель. - Тут червь. Если спустишься, то он тебя обнулит, а нам нужен только один человек. Когда присосется, я скажу.

Егор кивнул и бросил фонарь. Поймав его, Люда передвинула рычажок, и подземелье залило светом. Выложенный кирпичом коридор уходил куда-то вперед и вниз; поводя фонарем туда-сюда, Люда убедилась, что в подземелье довольно чисто. Конечно, тут была и пыль, и паутина, но почему-то создавалось впечатление, что это всего лишь маскировка.

Из-за спины донесся неприятный, скребущий по нервам скрип, и в ту же минуту Егор закричал:

- Сзади! - и Люда почувствовала уже знакомый укол в шею. Несколько минут она стояла, опустив руки и монотонно покачиваясь, и пятно света, отбрасываемое фонарем, скользило по стенам, выхватывая то пятна плесени, то грязную тряпку паутины, то неровные кирпичные складки. Наконец, Люде стало лучше, тошнота и головная боль схлынули, исчезнув без следа, и она уловила в воздухе тонкую ленту странно знакомого запаха.

Егор осторожно спустил ноги в провал, а затем, немного помедлив, спрыгнул в подземный ход - к удивлению Люды, он удержался на ногах и с определенной гордостью произнес:

- Там, с другой стороны, похожий лаз. Я приноровился прыгать. Как вы?

Люда дотронулась до шеи и, рассмотрев кровь на пальцах, задумчиво сказала:

- Надеюсь, что выживу после этих червей.

- Зачем вам все это? - спросил Егор. Люда передала ему фонарь, и парень медленно пошел по коридору - следуя за ним, Люда пыталась сформулировать максимально четкий ответ на его вопрос, но у нее получалась какая-то сентиментальная чепуха. Наконец, она сказала:

- Мне не нравится, когда из людей делают подопытных кроликов. Сегодня на нас испытывали червей. А что будет завтра?

- Что будет? - переспросил Егор. Коридор постепенно уходил вниз; Люде казалось, что они роются в собственных могилах. Едва уловимая нить запаха тоже не давала покоя: Люда никак не могла понять, где могла встретить его до этого.

- Мало ли... - ответила она. Стесанные при падении ладони и колени тупо ныли; Люда совершенно не к месту вспомнила о том, что в таких местах можно подцепить столбняк. Мало ли, на что она могла напориться в темноте? - Мы ведь живые люди, а не игрушки Знаменского или кого там еще...

Егор кивнул.

- Это да. Вы правы. Слушайте, а чем тут пахнет?

Этот вопрос был как прикосновение чего-то тяжелого и неприятного. Люда пожалала плечами.

- Я думала, это ты у нас специалист по подземельям...

- Это гель для бритья, - сказал Егор. - Такой красненький, с корабликом. Всегда забываю, как он называется. Но откуда ему тут взяться?

Люда остановилась: от страха у нее заболел живот. Она вспомнила красный баллон с гелем, увидела его во всех подробностях так, словно он появился перед ней наяву. И, когда из мрака за спиной соткалась тень, которая была чернее тьмы подземелья, и прикоснулась к Люде холодными пальцами, она поняла, что надо сделать после того, как

удалось заглянуть в себя.

Глава 13

Хозяин червей

- Коллеги, вообще-то ваши фокусы с перемещениями запрещены, - сурово сказал Эльдар. Горбатая тень, увенчанная двумя драконьими головами на мощных шеях, величаво скользила по кирпичной кладке, покрытой плесенью и мхом.

- Но я же не собираюсь никуда перемещаться, - испуганно и жалобно ответила Люда. Эльдар обернулся к ней, спрятал руки в карманы и произнес:

- Это нора. Червоточина в пространстве. И лучше наклонись, сейчас тебя вырвет.

Люда едва успела опустить голову – ее действительно вырвало, и несколько минут потом она сидела, привалившись к стене и плавая в обморочной слабости. Когда они ехали в колледж в конце августа, Эльдар дал ей валидол. А сейчас приходилось справляться самой.

Открыв глаза, Люда увидела, что никакой кирпичной кладки и никакого подzemелья и в помине нет: все это ей померещилось, и сейчас она находилась в ярко освещенном помещении, стены и пол которого были выложены ослепительно белым кафелем, а в чистом прохладном воздухе витал запах какого-то дезинфицирующего вещества. Люда сидела на полу, в углу; кафель приятно охлаждал изодранные ладони. Чуть поодаль возилась грязная куча какого-то отвратительно выглядевшего тряпья; всмотревшись, Люда поняла, что это Егор. Парень был без сознания.

Рот и глотку наполнял отвратительный кислый вкус недавней тошноты. Опираясь на стену, Люда осторожно поднялась и увидела перед собой огромный стол, тесно заставленный подставками с пробирками, склянками и пузырьками всех цветов и размеров. Чуть поодаль перемигивались разноцветными огоньками какие-то большие пластиковые колонки, похожие на ионизаторы воздуха: на панелях, украшавших их животы, менялись зеленые цифры.

- Тебе лучше сесть, - сказал знакомый голос. - Обнулилась червем, через полчаса запустила второго и прошла через нору. Это лихо. Присядь, там кресло.

Люда сделала несколько шагов вперед, не чувствуя ничего, кроме растерянности, разочарования и бессильного ужаса. Маленькое белое кресло действительно обнаружилось возле стола; Люда послушно опустилась в него и еле слышно промолвила:

- Мои дела плохи, да?

- Плохи, - Эльдар вышел из-за колонок, вытирая руки бумажным полотенцем. Швырнув мокрый комок бумаги в урну, он добавил: - Я бы вызвал санавиацию. В этом медвежьем углу тебе вряд ли помогут.

Несколько минут Люда всматривалась в его спокойное лицо, а затем сказала:

- Я тебе верила. Все это время я тебе верила.

Эльдар улыбнулся. Выкатил из-за стола второе кресло и тоже сел.

- Мне все верят, - сказал он. - Уж такова моя натура.

- Где мы? - спросила Люда, чувствуя, как по телу растекается медленная вязкая слабость. Эльдар взял с подставки одну из пробирок, наполненную темно-зеленой жидкостью, и сделал несколько глотков.

- В подвале той церкви, - ответил он. - Знаменский устроил тут лабораторию, а магический щит закрывает ее от излишне любопытных. Черников тут несколько недель ковырялся, но так ничего и не нашел, - Эльдар презрительно ухмыльнулся и добавил: - Не по его мозгам орешек.

«Вот почему мне снилось, что Мовсесян ведет меня именно в церковь», - устало подумала Люда. Смотреть на Эльдара не хотелось. Теперь, когда паззл сложился именно таким образом, ей больше всего хотелось оказаться как можно дальше отсюда. Впрочем, она понимала, что это невозможно - было ясно, что настырная преподавательница, которая лезет туда, куда не следует, больше не покинет этого места.

- Но какой мотив..? - поинтересовалась Люда. - Я не понимаю, почему...

Эльдар одарил ее очаровательной белозубой улыбкой и придвинул к Люде маленькую чашку. На дне колыхалась прозрачная голубая жидкость. «Вот и все, - со странной отстраненностью подумала Люда. - Я выпью эту отраву, и моя история закончится».

- Ты пей, - мягко посоветовал Эльдар. - Иначе тебя прикончит обширное кровоизлияние в мозг. Где-то... - он завел глаза, прикидывая. - Где-то через четверть часа.

- А разве ты не этого добиваешься? - спросила Люда и удивилась тому, насколько слабо и беспомощно прозвучал ее голос. Эльдар отрицательно покачал головой.

- Конечно, нет. Ты нужна мне живой и здоровой.

Такой поворот не мог не удивлять. Люда послушно выпила содержимое чашки: неприятный запах белокудренника донесся до нее словно бы издалека. Эльдар удовлетворенно кивнул.

- Ну, вот. Умница. Это, конечно, редкостная дрянь, но тебе поможет.

- Я не верю, Эльдар, - негромко промолвила Люда. - Это не можешь быть ты.

Эльдар вопросительно поднял левую бровь.

- Почему?

- Ты любишь колледж, - ответила Люда. - Любишь этих ребят. Ты не стал бы делать из них подопытных крыс... А еще... - в горле запершило, но Люда все-таки закончила фразу: - Еще ты терпеть не можешь Знаменского. Ты не стал бы на него работать.

Эльдар посмотрел на нее с усталой грустью. Люда вдруг подумала, что он в самом деле мог бы стоять за всей этой историей. У Эльдара был доступ к белокудреннику, были прекрасно организованные лаборатории в оранжерее и в подвале церкви, он ненавидел Черникова и почти сразу подселил ему червя... А когда понадобилось снять точные результаты эксперимента, он притащил сюда чуть ли не весь институт Знаменского. Стал бы великий интриган идти ему навстречу, если бы Эльдар не работал на него?

- Почему я? - спросила Люда. - Я же не маг, а обычный человек. Чего ты хотел? Проверить работу червя на людях?

Эльдар тихо рассмеялся, и Люда вдруг ощутила пробирающий до костей ужас.

- Ну нравишься ты мне, - сказал он, просто и спокойно. - Вот я и решил тебя наградить. Видишь ли, магия - это очень хорошо. Это *правильно*. Жаль, что ты отказываешься это понимать. Потому что...

Он не закончил фразу, с изумлением уставившись на большую темно-синюю сосульку, торчавшую из правой верхней части груди. Люда вскрикнула; Эльдар криво оскалился и попробовал вытянуть сосульку, но не смог - рука безвольно упала, и он откинулся на спинку кресла. Из-под сосульки на рубашку потекла кровь.

- Вот так, - сказал Егор. О нем забыли и Люда, и Эльдар - а парень пришел в себя, собрался с силами и швырнул в своего куратора иглу, то самое оружие магов для дистанционного нападения. Прихрамывая, Егор подошел к столу и произнес: - Только дернись, тварь. Еще добавлю.

В эту минуту парнем двигала чистая ненависть: Люда чувствовала, как ее темно-синие искры рассыпаются в стерильном воздухе лаборатории - она вполне понимала Егора, который в эту минуту решил отквитаться с Эльдаром за все: за червей, за это подземелье, куда их приволок мертвый убийца, за то, что Карина когда-то приворожила

наставника. Вспомнив про приворот, Люда только и успела воскликнуть:

- Нет! – и вторая игла, не такая крупная и иззубренная, как первая, пригвоздила Эльдара к спинке кресла. По его губам пробежала кривая усмешка, и он потерял сознание.

Егор испуганно выпрямился и обернулся. Возле входа в лабораторию стоял Черников, на удивление нелепо смотревшийся здесь в пижаме и тапках. Впрочем, это было не смешно, это было жутко. Пройдя к столу, Черников одобрительно посмотрел на Егора и произнес:

- Отличная игла, Хмельницкий, - похвалил он. - Быстро растает?

- Минут через десять, - мрачно ответил Егор, и Черников уважительно качнул головой. Люда с трудом отвела взгляд от уродливых рубцов, покрывавших голову Шуры, и спросила:

- Как ты нас нашел?

Черников ухмыльнулся. Склонившись над Эльдаром, он несколько раз резко и громко втянул ноздрями воздух – затем Шура выпрямился и ответил:

- Зеркало в лесу. Моя личная червоточина в пространстве. А остальное уже дело техники, - сунув руку в карман, он вынул маленький смартфон и продемонстрировал Люде и Егору. - Спер у Знаменского на добрую память. Перезагрузил программу Мовсесяна, и он принес меня сюда. Как раз вовремя.

Люда почувствовала, что ее тошнит. Шура дунул на свою иглу, и она растаяла, оставив после себя тонкую полосу странного запаха, одновременно мерзкого и притягательного. Эльдар шевельнулся в кресле и приоткрыл глаза.

- А, - протянул он. - И ты тут, мальчик-даэранчик?

Шура посмотрел на него с неподдельным презрением. Люду повело, и она стала клониться набок – лаборатория качнулась и медленно поплыла по кругу.

- Это не Эльдар, - еле слышно промолвила Люда. - Это Ваня Кричевский, наш библиотекарь... - мир вращался все быстрее и быстрее, и потрясенные лица Егора и Шуры размазывались некрасивыми пятнами, но Люда все-таки собралась с силами и сказала: - Каженник, который лечился в институте Знаменского. Проверь его, Шура. Я думаю, он очень сильный маг.

На несколько мгновений перед глазами сомкнулся серый занавес, и Люда погрузилась во тьму. Но вскоре во тьме мелькнула алая лента, обвилась вокруг запястья, и Люду резко, самым натуральным пинком выбросило в реальный мир. Она увидела, что уже не сидит в кресле, а стоит – Егор держал ее за руку, и их запястья были соединены той самой сверкающей лентой. Увидев, что она пришла в сознание, Черников удовлетворенно кивнул.

- Ну вот, петля Меркавы работает. Этот молодой человек тебя поддержит до возвращения в колледж, - сказал Шура и обернулся к сидящему за столом: - Ты права, это действительно не Эльдар. Шрамы забыл добавить.

Человек за столом пренебрежительно хмыкнул и взглянул Люде в глаза.

- Как ты догадалась? – спросил он. - Просто скажи, как ты поняла.

Люда неопределенно пожала плечами и крепче взяла Егора за руку.

- Вирява идет по следам каженника, - печально улыбнувшись, ответила она. - Мовсесян отстал от меня, как только мы с тобой встретились в городе. А самое главное – я не нравлюсь Эльдару. А вот тебе...

Петля обожгла запястье, затягиваясь туже. Люда смотрела в глаза сидящего и не видела там ничего, кроме тьмы.

Потом Черников подал сигнал о помощи, и небо над разрушенной церковью вспыхнуло зелеными и голубыми полосами северного сияния, а заклинания, закрывавшие лабораторию от посторонних глаз, рассеялись. Спустя четверть часа здесь уже были Гамрян и настоящий Эльдар, который, увидев своего двойника, на мгновение замер – впрочем, это никак не повлияло на спасение Люды, которой петля Меркавы почти не помогала, и на арест Вани: Гамрян наложил на него оковы, лишив возможности сопротивляться, а затем все отправились в колледж через нору, проложенную ректором.

Люда этого не увидела. Она потеряла сознание, когда Шура стал колдовать, и пришла в себя только на следующий день, обнаружив, что лежит на койке в лазарете, а рядом в кресле дремлет Эльдар – теперь уже настоящий. Люда печально подумала, что, должно быть, больше не увидит Ваню в его истинном облике; впрочем, эта мысль внезапно ее порадовала. Ваня навсегда останется в ее памяти добродушным и славным соседом по блоку в общежитии, которому она нравилась. Образ тощего высокого парня с разноцветными дредами, с которым она ходила на осенний бал, отчетливо отразился перед глазами и растаял.

Вздохнув, Люда провела по лицу ладонями и негромко окликнула Эльдара. Тот вскинул голову и некоторое время смотрел на Люду так, словно не мог понять, где находится, и откуда она тут взялась. Наконец, его растерянный взгляд прояснился, и Эльдар произнес:

- Ну как ты, спящая красавица?

Люда задумчиво прислушалась к себе и поняла, что, в принципе, с ней все нормально. Легкая слабость все еще копилась в теле, но Люда не видела в этом ничего страшного.

- Жива, - откликнулась она. – Эльдар, чем все кончилось?

Эльдар вздохнул и ответил:

- Тем, что Черников сказал, что у меня три головы, и все три соломой набиты. И что я должен был догадаться раньше.

- Сам-то он не очень догадался, - сказала Люда, устраиваясь на койке поудобнее – конечно, насколько позволяла тонкая трубочка капельницы. – Значит, все-таки Ваня...

Эльдар печально кивнул.

- Да. Ваня. Ты была права, Знаменский завербовал его, когда он лечился в институте. Первых червей испытывали именно на нем, - Эльдар устало сжал переносицу, внезапно став несчастным и беззащитным. – Представляешь, мы с Геворгом не смогли отследить его уровень. Это что-то намного больше, чем второе посвящение.

- Тогда неудивительно, что он так успешно маскировался, - Люда старалась говорить спокойно, чтобы скрыть неожиданную жуть, сжавшую живот. Нечто большее, чем второе посвящение – да это же чудовище какое-то.

- Он действительно прокололся на том, что подсадил червя тебе, - сказал Эльдар. – Решил облагодетельствовать любимую женщину... Не смотри на меня так, он тебя действительно любил, и все это видели. Его увезли вчера ночью. Через неделю трибунал.

Люда представила, как перед воротами студгородка останавливаются темные машины без номеров, из них выпрыгивают вооруженные люди в костюмах химзащиты и бегут по заснеженной дорожке к главному корпусу, чтобы через несколько минут выволочь презрительно ухмыляющегося Ваню и увести отсюда навсегда. Показывать лицо бывшего соседа воображение наотрез отказывалось. Люда решила, что это к лучшему. Наверняка, когда она вернется в свой блок, там уже ничто не будет напоминать о присутствии Вани...

- Ты что-то слишком грустный, Эльдар, - внезапно заметила Люда. Печаль окутывала Эльдара, словно серое плотное облако; Люда не видела его, но понимала, что оно есть. – Словно случилось что-то еще.

Эльдар усмехнулся. Пожал плечами.

- Даже не знаю, - сказал он. - Хотя... Тебе действительно интересно?

Люда кивнула, и он произнес:

- Лиза, моя бывшая жена... Завтра выходит замуж. То ли банкир, то ли министр... - на лице Эльдара появилось искреннее презрение к невидимому сопернику; неподдельная жалость кольнула Люду под ребро. - Гамрян рассказал. Мне, по идее, должно быть все равно, но почему-то не все равно. Такие дела.

Вздыхнув, Люда протянула руку и погладила Эльдара по плечу. Тот благодарно улыбнулся и сжал ее холодные пальцы. Так они и сидели, пока не вошла Елена с лотком лекарств, и долгая минута тихой печали и сочувствия не оборвалась. Пообещав зайти после пар, Эльдар поднялся с кресла и покинул лазарет.

На улице шел снег - не буйная метель, как вчера, а тихий спокойный снегопад, укрывавший мир пушистым одеялом. Выйдя во двор, Эльдар несколько минут стоял, не надевая куртку; запрокинув голову и подставив лицо падающим снежинкам, он думал не о том, что потерял одного из немногих друзей и до сих пор любимую женщину - о том, что скоро новый год, Рождество, сессия, а там время неумолимо двинется к весне. Весна всегда приходит. Снег и холод могут попробовать стереть эту надежду, но март, ручьи, капель и острые копыя нарциссов, пробивающих черную мокрую землю, все равно вернутся. Эльдар вдруг вспомнил, как когда-то давным-давно, чуть ли не в прошлой жизни, он сидел с любимой тогда девушкой в своей ленинградской квартире - они провожали старый год, напились дешевого коньяка, и девушка читала стихи, что-то вроде:

Твой Новый год по темно-синей

волне средь моря городского

плывет в тоске необъяснимой,

как будто жизнь начнется снова,

как будто будет свет и слава,

удачный день и вдоволь хлеба,

как будто жизнь качнется вправо,

качнувшись влево.

Стихотворение было очень длинным, и, разумеется, Эльдар забыл его, как только девушка закончила читать - а теперь вдруг взял и вспомнил последние строки. «Стихи и снег всегда дарят надежду», - с внезапной открытостью и тоской подумал он и двинулся было в сторону оранжереи, но внезапно остановился, глядя на дорожку, бегущую от ворот.

По дорожке шла молодая женщина в черном пальто, и снег мягко укрывал копну ее рыжих кудрявых волос. Эльдар смотрел на нее, окаменев, превратившись в неподвижную и безгласную статую - Лиза подошла к нему, посмотрела в глаза и сказала:

- Мне звонили сегодня утром. И я подумала, что это ты.

Заметки

[

←1

]

Как насчет сигаретки Боба Марли? (англ.)

[

←2

]

Вперед, сыны Отчизны милой, мгновенье славы настает! (франц.)

[

←3

]

Боже мой (цыг.)

[

←4

]

Лондон - столица Великобритании, ее политический, экономический и коммерческий центр (англ.)

[

←5

]

Солнца край полный роз - ты, Тбилиси,

Без тебя мне и жизнь не нужна.

Где ещё в другом месте есть Варази,

И седая где есть Мтацминда?.. (груз.)

[

←6

]

Прошу тебя (цыг.)

[

←7

]

Солнышко печет (цыг.)

[

←8

]

Солнышко греет, солнышко печет (цыг.)